

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Конференция «Город и общество»

- Лебедева А. А.** Раффельштеттенский мытный тариф как источник о торговле Великой Моравии IX–X веков 3
- Майзлиш А. А.** Городская солидарность: реакция на городские восстания в Нидерландах в XIV – середине XV века 3
- Рабинович Я. Н.** Неизвестные страницы истории левобережного Саратова 6
- Мосолкина Т. В.** Культурная и интеллектуальная жизнь английского города эпохи Реставрации в восприятии современников 11
- Нагодкина С. А.** Городская политика Фридриха II 17
- Буканова Р. Г.** Города-крепости в системе управления юго-восточной окраиной России в XVIII веке 20
- Майорова А. С.** Общественно-культурная среда уездных городов Саратовской губернии: города-крепости в конце XVIII – первой половине XIX века 24
- Галямичев А. Н.** Э. Э. Виолле-ле-Дюк и его место в истории изучения средневековых городов Франции 27
- Кобозева З. М.** «Золотой век» мещанства: мещанская городская повседневность в 50–60-е годы XIX века 35
- Креленко Н. С.** «Бал в Мулен де ла Галетт» П. О. Ренуара: городские увеселения в искусстве импрессионистов 38
- Гуменюк А. А.** Развитие городского пространства Саратова в 1953–1985 годах глазами обывателей 45
- Жидченко А. В.** Топонимический ландшафт нового района советского города как элемент курса на построение коммунизма (по материалам об омском Городке Нефтяников) 49
- Касаткина С. С.** Российский город как социальный феномен 54

Всеобщая история и международные отношения

- Кашеев В. И.** К истории классицизма в российской провинции первой половины XIX века: Саратовский грецист Иван Федорович Синайский 62
- Порецкова Е. А.** Маргарет Тэтчер и Джон Мейджор: битва за власть 72
- Шенин С. Ю.** Администрация Б. Клинтона и формирование режима талибан в Афганистане (1993–1996 годы) 76

Отечественная и региональная история

- Морозова Е. Н.** Подготовка земской реформы: проекты П. А. Валуева (март–июль 1862 года) 82
- Коновалов И. Н.** Становление теории кооперативного социализма в США, Западной Европе и России (XIX – начало XX века) 91
- Кабытова Н. Н.** Социальная политика комитета членов Учредительного собрания (1918 год) 95
- Бичехвост А. Ф.** Репрессивная политика Советского государства и судьбы военнопленных Красной армии – участников советско-финской войны 1939–1940 годов 99
- Маркдорф Н. М.** Материально-бытовые проблемы лагерей НКВД–МВД СССР для военнопленных в Западной Сибири и пути их разрешения 108
- Мякшев А. П.** Коллаборационизм на Северном Кавказе: историческая правда или исторический миф? 114

Приложение

Хроника

- Галямичев А. Н.** Над разгадками тайн городов провансальского юга Франции (о научно-педагогической деятельности М. Е. Беляевой) 118

Сведения об авторах

122

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**Главный редактор**

Коссович Леонид Юрьевич

Заместитель главного редактора

Усанов Дмитрий Александрович

Ответственный секретарь

Клоков Василий Тихонович

Члены редакционной коллегии

Аврус Анатолий Ильич
Аксеновская Людмила Николаевна
Аникин Валерий Михайлович
Балаш Ольга Сергеевна
Бучко Ирина Юрьевна
Вениг Сергей Борисович
Волкова Елена Николаевна
Голуб Юрий Григорьевич
Дыльников Геннадий Васильевич
Захаров Андрей Михайлович
Комкова Галина Николаевна
Лебедева Ирина Владимировна
Левин Юрий Иванович
Макаров Владимир Зиновьевич
Монахов Сергей Юрьевич
Орлов Михаил Олегович
Прозоров Валерий Владимирович
Федотова Ольга Васильевна
Федорова Антонина Гавриловна
Черевичко Татьяна Викторовна
Шатилова Алла Валерьевна
Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ**Главный редактор**

Данилов Виктор Николаевич

Заместители главного редактора

Чернова Лариса Николаевна
Герман Аркадий Адольфович

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич

Члены редакционной коллегии:

Галямичев Александр Николаевич
Голуб Юрий Григорьевич
Креленко Наталия Станиславовна
Мезин Сергей Алексеевич
Монахов Сергей Юрьевич
Черевичко Татьяна Викторовна
Чолахян Вачаган Альбертович
Шенин Сергей Юрьевич

Зарегистрировано

в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации обще-теоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагается сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подрисовочные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на электронном носителе или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате PCX, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и на английском языках); текст статьи; библиографический список; таблицы; рисунки; подписи к рисункам.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Певная Татьяна Константиновна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка

Багаева Ольга Львовна

Корректор

Крылова Инна Геннадиевна

Адрес редакции

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

Подписано в печать 03.12.12.

Формат 60x84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,5).

Тираж 500 экз. Заказ 85.

Отпечатано в типографии

Издательства Саратовского университета

CONTENTS

Scientific Part

Conference «City and Society»

Lebedeva A. A. Raffelstetten Customs Regulations as a Source of the Great Moravia Trade in the IX–X Centuries	3
Mayzlish A. A. Urban Solidarity: Reaction to the Town Revolts in the Low Countries in the XIV – Middle XV Centuries	6
Rabinovich Y. N. Unknown Pages of the Saratov's Left Bank	11
Mosolkina T. V. Cultural and Intellectual Life of an English City of an Epoch of Restoration in Perception of Contemporaries	17
Nagodkina S. A. Urban Policy Of Frederick II	20
Bukanova R. G. City-fortress in the System Management of South-eastern Edge of Russia in the VIII Century	24
Mayorova A. S. Socio-cultural Environment of Saratov Province District Towns: Fortress-cities in the Late 18th and Early 19th Centuries	27
Galyamichev A. N. E. E. Viollet le Duc and His Place in History of Study of French Towns in the Middle Ages	35
Kobozeva Z. M. «Golden Age» of Meschanstvo: Urban Daily Routine of Meschanstvo Estate in the 50-60s of the XIX Century	38
Krenenko N. S. Dance at Le Moulin de la Galette by P. O. Renoir: Urban Amusements in the Impressionist Art	45
Gumenyuk A. A. Saratov's Urban Space Development in 1953–1985 Years of the Ordinary Man's Eyes	49
Zhidchenko A. V. The Toponymic Landscape of the New District of the City as a Part of the Soviet Policy of Building Communism (on the Materials of Omsk Gorodok Neftyantikov)	54
Kasatkina S. S. The Russian City as a Social Phenomenon	58

World History and International Relations

Kashcheev V. I. Some Traces of the Classical Tradition in the Culture of the Russian Provinces in the First Half of the Nineteenth Century: Ivan Sinaisky as a Hellenist in Saratov	62
Poretskova E. A. Margaret Thatcher and John Major: the Struggle for Power	72
Shenin S. Yu. The Clinton Administration and the Formation of the Taliban Regime in Afghanistan (1993–1996)	76

Russian and Regional History

Morozova E. N. Preparation of Zemstvo Reform: P. A. Valuev's Projects (March–July, 1862)	82
Kononov I. N. Theory Cooperation Socialism in the United States, West and Russia at the XIX and the Beginning XX Centuries	91
Kabytova N. N. Social Policy of Committee of Members of the Constituent Assembly (1918)	95
Bichekhvost A. F. Repressive Policy of the Soviet State and Destiny of Prisoners of War of Red Army – Participants of the Soviet-finnish War of 1939–1940	99
Markdorf N. M. The Material and Living Conditions Problems of NKVD–MVD Camps in Western Siberia and Their Solutions	108
Myakshhev A. P. Collaboration in the North Caucasus: Historical Truth or Historical Myth?	114

Appendices

Chronicle

Galyamichev A. N. Investigator of History of Towns Provençal South of France (About Scientific-pedagogical Activity of M. E. Belyaeva)	118
---	-----

Information about the Authors

122

КОНФЕРЕНЦИЯ «ГОРОД И ОБЩЕСТВО»

УДК 94(437)8/9]

РАФФЕЛЬШТЕТТЕНСКИЙ МЫТНЫЙ ТАРИФ КАК ИСТОЧНИК О ТОРГОВЛЕ ВЕЛИКОЙ МОРАВИИ IX–X ВЕКОВ

А. А. Лебедева

Саратовский государственный университет
E-mail: Lebedevaannas@mail.ru

В данной статье рассматривается Раффельштеттенский мытный тариф с точки зрения его значения для истории Великой Моравии. Торговые пути по Дунаю были важной составляющей её экономического развития. Исследованный материал позволил сделать вывод о том, что торговля в Великой Моравии была интенсивной и имела широкий географический ареал.
Ключевые слова: Великая Моравия, Дунай, Средние века, торговля.

Raffelstetten Customs Regulations as a Source of the Great Moravia Trade in the IX–X Centuries

A. A. Lebedeva

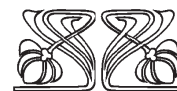
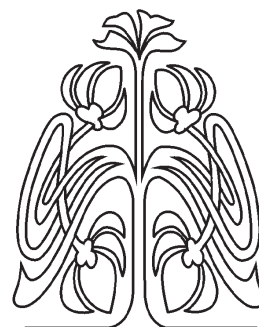
The article describes the value of Raffelstetten customs regulations for history of Great Moravia. The Danube trading ways were an important component of Moravian economic development. The studied material led to the conclusion that the trade of Great Moravia was intensive and had a wide geographical area.

Key words: Great Moravia, Danube, Middle Ages, trade.

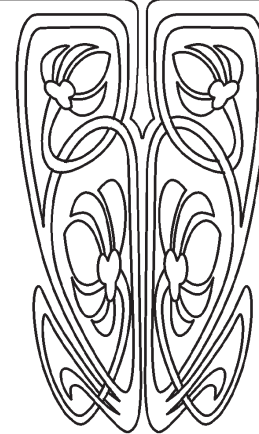
Раффельштеттенский мытный тариф широко известен как историкам, изучающим историю Запада, так и историкам Древней Руси. Благодаря последнему обстоятельству он был опубликован в русском переводе¹. Создание Раффельштеттенского мытного тарифа датируется 904–906 гг. и, как принято считать, было вызвано к жизни задачей восстановления порядка взимания пошлин, существовавшего в IX в. при Людовике Немцеком (840–876) и Карломане (876–880).

Это время для европейской истории было ознаменовано вторжением в Центральную Европу венгров, масштабным по историческим последствиям и значительно изменившим её политическую карту. Это событие заставило многих средневековых правителей, которые оказывались в зоне риска нападения венгерских племен, принимать весьма дорогостоящие оборонительные меры. Одним из источников получения необходимых доходов для восточно-франкского короля Людовика IV стала торговля, поскольку наведение порядка в сфере взимания пошлин с иностранных купцов могло принести казне дополнительные средства. Раффельштеттен был выбран не случайно. Удобное расположение города (Раффельштеттен находился на территории современной Австрии, недалеко от города Линц) привлекало сюда после гибели Великой Моравии, ближайшего соседа Баварии, иностранных купцов.

Раффельштеттенский мытный тариф сохранился в единственном, значительно более позднем списке во вкладной книге Пассауской церкви, составленной в 1254–1265 гг. В распоряжении историков Раффельштеттенский мытный тариф оказался в XVI в. благодаря открывшему и опубликовавшему его в сокращенном виде баварскому гуманисту Авентину. В настоящее время 226 листов пергаментной рукописи сборника хранятся в Мюнхенском государственном архиве².

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Цель данной статьи – указать на значение Раффельштеттенского мытного тарифа для истории Великой Моравии. С одной стороны, важность источника является очевидным фактом, но с другой – такого рода трактовка не связана с Великой Моравией, так как появился он в момент её гибели. Между тем в источнике прямо упоминается моравский рынок, и, что наиболее важно, Раффельштеттенский мытный тариф касается дунайской торговли, которая была экономическим фактором развития Великой Моравии.

В целом торговля Великоморавского государства составляла важную часть его хозяйственной жизни. Помимо использования предметов производства местных мастерских, в Великой Моравии существовал спрос и на ввозимые изделия. Наиболее активно внешние торговые связи Великая Моравия поддерживала с Византией, чему способствовало укрепление отношений в политике и духовной сфере в годы правления Ростислава и миссионерской деятельности Кирилла и Мефодия. В Микульчицах, крупнейшем великоморавском городище, кроме импортных византийских изделий, была обнаружена золотая монета императора Михаила III чеканки 856–866 годов³.

Из западноевропейских государств в Моравию ввозились предметы роскоши, предназначенные для верхушки моравского общества. В Старом Месте у Угерске-Градиште были найдены остатки шелковых и шерстяных тканей тонкой работы, являвшихся импортом из стран Западной Европы, так как приемов их изготовления мастера Великой Моравии не знали⁴. В Микульчицах у храма № 3 был также найден стеклянный кубок, изготовленный, по всей вероятности, в стекольных мастерских Рейнской области⁵.

В одном из пунктов Раффельштеттенского мытного тарифа значится: «Славяне же, отправляющиеся для торговли от рогов или от богемов, если расположатся для торговли в каком-либо месте на берегу Дуная или в любом месте у роталариев или реодариев, с каждого вьюка воска [вносят пошлины] две меры стоимостью в один скоти каждая; с груза одного носильщика – одну меру той же стоимости; если же пожелают продать рабов или лошадей, то за каждую рабыню [пусть заплатят] – по одной тремиссе, столько же – за жеребца, за раба – одну сайгу, столько же за кобылу. Баварам же и славянам из сей страны, покупающим или продающим здесь, платить ничего не требуется»⁶.

Из товаров, которые поставляла на внешние рынки Великая Моравия, наибольшим спросом пользовались – по крайней мере в соседней Баварии – указанные в Раффельштеттенском мытном тарифе воск, рабы и лошади⁷. Хотя его создание относится, по разным данным, к 904/906 гг., т. е. к тому времени, когда само существование Великой Моравии стояло под угрозой венгерского нашествия, и источник прямо упоминает славян из Руси и Чехии, тем не менее, можно предположить, что

это были традиционные товары, характерные для славянского экспорта в страны Западной Европы и в великоморавский период. Существует мнение, что лошади составляли важную часть доходов торговцев из Руси, которые получали их у соседней-кочевников, и к товарам из Великой Моравии отношения не имеют. Тем не менее можно предположить, что лошадей поставляли и из моравских земель, так как в Моравии имелись очень удобные для их разведения равнины. Многочисленные находки лошадиных костей на территории Моравии чешскими археологами подтверждают данное предположение. Некоторые исследователи считают, что среди товаров в Раффельштеттенском мытном тарифе не упоминаются такие традиционные предметы славянского экспорта, как шкуры и пушнина, по той причине, что в Западной Европе пушнина из-за ее особой ценности не облагалась пошлиной⁸.

В подтверждение того, что предметом моравского экспорта были лошади, а также процветания торгового пути по Дунаю можно привести отрывок из «Повести временных лет», которая содержит рассказ о походе в 967 г. Святослава с дружиной в Болгарию. Одержав победу, киевский князь решает поселиться в городе Переяславец. Объясняя матери княгине Ольге свое решение, он заявляет: «Не любо мне в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли моей; туда со всех сторон свозят все дорогое; от греков золото, ткани, вина, овощи разные; от чехов и венгров – серебро и коней; из Руси – меха, воск, мед и рабов»⁹.

Что касается работорговли, то она была распространенным явлением в Великой Моравии, что подтверждается сведениями из других письменных источников¹⁰. Об этом нам говорит «Житие Константина», когда речь заходит о вознаграждении Кирилла: «Только выпросил у обоих пленных девятьсот и отпустил их [на свободу]»¹¹. В частности, в «Законе судном людям»¹² нередко в качестве наказания предписывается продажа в рабство. Помимо основного источника поступления рабов в результате военных походов, имели место случаи продажи в рабство местного населения. Таким образом, тот, кто на войне украл коня или трижды совершил кражу скота либо раздел мертвеца в гробу, а также ограбивший алтарь должен быть продан¹³. По всей вероятности, такие случаи были достаточно распространенным явлением, если учитывать, что данные статьи были закреплены в письменном виде.

Что касается купцов из других стран, Раффельштеттенский мытный тариф гласит следующее: «Торговцы, то есть евреи и прочие торговцы, откуда бы они ни явились, из этой страны или из иных стран, платят законную пошлину как за рабов, так и за иной товар, как это всегда было во времена прежних королей»¹⁴.

Отдельный пункт в Раффельштеттенском мытном тарифе касается моравского рынка:

«Если же пожелают, ввиду торговой цены в то время, отправиться на моравский рынок, пусть заплатят с корабля по одному солиду и свободно отправляются; при возвращении же им по закону ничего платить не требуется»¹⁵. Расположение упоминаемого в Раффельштеттенском мытном тарифе Моравского рынка, по мнению А. П. Новосельцева и В. Т. Пашуто, следует искать либо в устье реки Моравы, либо на месте моравского торжища у Микульчиц¹⁶. Д. Тржештик, основываясь на данных археологии, приходит к выводу, что моравский рынок начала X в. находился на территории знаменитых Микульчиц¹⁷. А. В. Назаренко, используя данные чешских археологов, в комментариях к переводу источника указывает, что с появлением венгров в конце IX в. в Подунавье собственно моравские территории оказались отрезанными от источников добычи соли в верхнем Потисье, что должно было привести к росту спроса на зальцбургскую соль. Видимо, именно высокие цены на «моравском рынке», которые делали возможным вывоз соли за пределы Восточной марки, несмотря на немалую пошлину, и имеются в виду в Раффельштеттенском мытном тарифе, когда говорится о «торговой цене в то время»¹⁸.

До разгрома Великой Моравии славяне из Восточной Европы попадали на средний Дунай главным образом через Моравские ворота и спускались к Дунаю долинами рек Ваг и Морава. После разгрома венграми Великой Моравии, то есть после рубежа IX–X вв., купцы из Руси стали попадать на Дунай через Прагу и, пройдя долиной Влтавы и мимо города Будеевицы, расположенного в землях южночешских племен дулебов, преодолевали водораздел и спускались к Дунаю.

Издание Раффельштеттенского мытного тарифа было связано с попыткой занять ключевые позиции в торговле на среднем Дунае, которую до этого держала в своих руках Великая Моравия, а также завлечь к себе славянских купцов. Этому способствовало венгерское нашествие, уничтожившее Великою Моравию вместе с её торговыми центрами. Эти области уже не представляли собой стабильные безопасные места, столь необходимые для ведения торговой деятельности. Таким образом, рассмотрение источника позволяет осуществить ретроспективный анализ великоморавской торговли. Раффельштеттенский мытный тариф является ярким свидетельством высокой степени ее интенсивности и широких торговых связей Великой Моравии.

Примечания

¹ Над переводом и публикацией Раффельштеттенского мытного тарифа долгое время работал А. В. Назаренко. Итоги его трудов см.: Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993. С. 59–100. Для работы над данной статьёй был привлечён упоминаемый высококвалифицированный перевод.

² Латинский текст источника был также переведен на немецкий, чешский, словацкий и русский языки, его можно найти в таких известных изданиях, как «Monumenta Germaniae Historica», «Codex Diplomaticus Bohemiae», «Magna Moravia fontes historici» и др.

³ См.: Поулик Й. Древняя Моравия в свете новейших археологических находок // Великая Моравия. Тысячелетняя традиция государства и культуры. Прага, 1963. С. 56.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Там же. С. 55.

⁶ Раффельштаттенский мытный тариф // Назаренко А. В. Указ. соч. С. 64–65. В латинском оригинале «Sclavi vero, qui de Rugis vel de Boemanis mercandi causa exeunt, ubicunque iuxta ripam Danubii vil udicunque in Reodariis loca mercandi optinuerint, de sogma una de cera duas masiolas, quarum utraque scoti unum valeat; de onere unius hominis massiola una eiusdem precii; si vero mancipia vel cavallos vendere voluerint de una ancilla tremisam I, de cavallo masculine similiter, de servo saigam I, similis de equa. Bawari vero vel Sclavi istius patrie ibi ementes vel vendentes nichil solvere cogantur». (Inquisitio de theloneis // Magnae Moraviae fontes historici : in 5 t. Brno, 1971. T. IV. P. 118).

⁷ Раффельштаттенский мытный тариф // Назаренко А. В. Указ. соч. С. 64–65.

⁸ Гудзь-Марков А. В. Домонгольская Русь в летописных сводах V–XIII вв. М., 2008. URL: http://oldrhistory.ru/library/Aleksey-Gudz-Markov_Domongolskaya-Rusv-letopisnykh-svodakh-V-XIII-vv/10 (дата обращения: 11.05.2012).

⁹ Повесть временных лет // Литература Древней Руси : хрестоматия / под ред. Д. С. Лихачёва. СПб., 1997. С. 32–33.

¹⁰ Данные о том, что работоторговля была распространённым явлением в средневековой Моравии, находятся и в агиографических источниках. В частности, об этом сообщает источник по истории более поздней Чехии X в. «Житие св. Вацлава». Различные редакции «Жития св. Вацлава» см.: Сказания о начале чешского государства в древнерусской письменности / под ред. В. Д. Королук. М., 1970.

¹¹ Житие Константина // Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 88.

¹² Принято считать, что Закон судный людям является памятником древнейшего болгарского права, однако косвенно он является и источником для изучения истории Великой Моравии. Пребывание на территории столь могущественного Великоморавского государства его автора Константина-философа, по всей вероятности, послужило источником для написания данных правовых норм. Чешские же авторы приписывают создание этого источника Великой Моравии (см., например: Dějny země Korunu České : in 2 t. Litomyšl, 2003. T. 1. S. 32 ; Magnae Moraviae fontes historici : in 5 t. Brno, 1971. T. IV. P. 148).

¹³ См.: Законъ суднуй ljudьмъ // Magnae Moraviae fontes historici. T. IV. P. 192–194.

¹⁴ Раффельштаттенский мытный тариф // Назаренко А. В. Указ. соч. С. 65. В латинском оригинале «Mercatores, id est Iudei et ceteri mercatores, undecunque venerint de ista

patria vel de aliis patriis, iustum theloneum solvant tarn de mancipiis, quam de aliis rebus, sicut semper in prioribus temporibus regum fuit». (Inquisitio de theloneis // Magnae Moraviae fontes historici. Т. IV. P. 119).

- ¹⁵ Раффельштаттенский мытный тариф // Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. С. 65. В латинском оригинале «Si autem transire voluerint ad mercatum Marahorum iuxta estimationem mercationis tunc temporis exsolvant solidum I de navi et licenter transeant revertendo autem nichil cogantur exsolvere legitimum».

(Inquisitio de theloneis // Magnae Moraviae fontes historici. Т. IV. P. 119).

- ¹⁶ См.: Новосельцев А. П., Пауто В. Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. 1967. № 3. С. 84.
- ¹⁷ См.: Třeštík D. «Trh moravanů – ústřední trh Staré Moravy // Československý časopis historiky. 1973. № 6. S. 892.
- ¹⁸ Раффельштаттенский мытный тариф // Назаренко А. В. Указ. соч. С. 65.

УДК 94(4)»04/14»

ГОРОДСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ: РЕАКЦИЯ НА ГОРОДСКИЕ ВОССТАНИЯ В НИДЕРЛАНДАХ В XIV – СЕРЕДИНЕ XV ВЕКА

А. А. Майзлиш

Институт всеобщей истории РАН, Москва
E-mail: maizlish@yandex.ru

В статье анализируется эволюция отношений между городами Нидерландов (и в первую очередь Фландрии) в течение XIV – середины XV в. Исследование происходивших в этот период крупных городских восстаний показывает всё уменьшающуюся степень взаимной поддержки в случае кризисных ситуаций, что могло быть вызвано усилением позиций «центральной власти» при правлении бургундской династии наряду с увеличением числа экономических и политических противоречий, всегда существовавших между городами и областями Нидерландов.

Ключевые слова: история Нидерландов, история Бельгии, Фландрия, Льежское епископство, Брабант, Средние века, герцоги Бургундские, история городов, городские восстания.

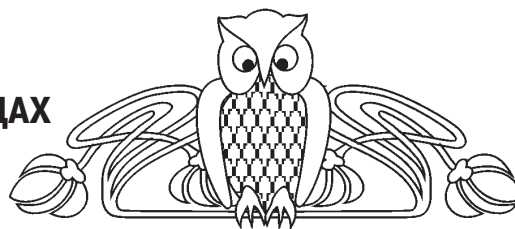
Urban Solidarity: Reaction to the Town Revolts in the Low Countries in the XIV – Middle XV Centuries

А. А. Mayzlish

The article deals with the evolution of relationship between the towns of Netherlands (mainly Flanders) during the XIV – middle XV centuries. The research of great town revolts shows gradual decrease of mutual support in the case of political crisis that could be caused by the increased power of the “central government” along with the rising number of economical and political contradictions which always existed between towns and regions of the Low Countries.

Key words: history of Netherlands, history of Belgium, Flanders, bishopric of Liege, Brabant, Middle Ages, dukes of Burgundy, urban history, town revolts.

К XIV в. в Нидерландах выделилось несколько основных зон урбанизации, в которых особенно остро проявились городское самосознание и «претензии» городов на участие в принятии экономических и политических решений, в том числе графство Фландрия и Льежское епископство. В связи с этим интересен анализ взаимодействия городов как внутри каждого из этих политических образований, так и между ними в критические

моменты их истории – во время городских восстаний, в которых отразились требования городов и их возросшая роль в регионе. Хотя города граничившего как с Фландрией (на западе), так и с Льежем (на востоке) Брабанта были гораздо покорнее своим сеньорам и менее склонны к масштабным восстаниям, в определенные моменты и там были сочувствующие борьбе горожан из соседних областей за свои права и привилегии.

Стоит отметить, что две упомянутые выше области значительно отличались друг от друга как в политическом, так и в экономическом отношении. Отличия в последнем являются особенно интересными, так как, хотя и находившиеся на важнейших торговых путях по Маасу, но значительно отстававшие от фламандских городов в области экономического развития, города Льежского епископства, тем не менее, достаточно успешно достигали своих политических целей и к концу XIV в. фактически контролировали управление епископством. В ходе междоусобиц и восстаний, продолжавшихся на территории епископства не одно столетие, льежская знать была в значительной степени истреблена, полномочия самих епископов сильно подорваны, а борьба против них стала объединяющим фактором для льежских городов. По «миру XXII» 1373 г. 14 мест из 22 в управлении епископством должно было принадлежать горожанам (остальные 8 мест были поровну разделены между канониками и рыцарями)¹. Таким образом, хотя некоторые тенденции, характерные для западных соседей Льежского епископства (например, острая конкуренция между городами внутри княжества), не были свойственны для Льежа, его развитие отразило и общие для региона черты.

В самом богатом регионе Нидерландов – Фландрии – XIV в. можно охарактеризовать как «век восстаний»². Начавшись с борьбы фламандцев во главе с Брюгге против французов, которые

ввели прямое управление графством при Филиппе IV Красивом³, продолжившись во время восстания в Приморской Фландрии в 1324–1328 гг., в котором также ведущую роль сыграли жители Брюгге (несмотря на то что восстание, вызванное попыткой собрать налоги для выплаты огромных репараций по миру с Францией, началось в сельской местности)⁴, наибольшей силы они достигли в 1338–1345 гг. и в 1379–1385 гг.

Восстание 1338–1345 гг., первоначально начавшееся в Генте под руководством Якоба ван Артевельде⁵, в очень скором времени охватило всю Фландрию. По, возможно, преувеличенному сообщению Ж. Фруассара, лидер восстания почти на десятилетие установил во всей Фландрии такое жесткое и централизованное правление, какого никогда не удавалось установить над своими подданными ни одному графу Фландрии. До определенного момента фламандские города добросовестно выплачивали в казну нового правителя все налоги⁶. Якобу ван Артевельде удалось также заключить союзы с соседними княжествами Нидерландов (важнейшие из них – с Брабантом, Геннегау (Эно) и Гелдерном), но речь в данном случае шла, скорее, о союзнических отношениях в рамках общей коалиции против Франции, созданной в Нидерландах королем Эдуардом III⁷.

Таким образом, руководствуясь как существованием общих экономических интересов (обеспечение поставок английской шерсти, необходимой для текстильной промышленности фламандских городов), так и значительной степенью солидарности (большая часть населения не только Гента, но и других городов Фландрии поддерживала «революционные» меры, принимаемые Якобом ван Артевельде), фламандцам удалось выработать согласованную политику, направленную против власти графа Людовика Неверского и постоянных попыток Франции усилить свое влияние во Фландрии.

За убийством Якоба ван Артевельде и подавлением фламандского восстания конца 30-х – середины 40-х гг. XIV в. последовали 30 лет относительного спокойствия. За этот период политическая и экономическая роль городов в жизни графства значительно усилилась. Уже при правлении во Фландрии бургундской династии представители фламандских городов будут постоянно апеллировать к тому, чего им удалось достичь за период мирных отношений с последним графом из династии Дампьеров – Людовиком Мальским⁸. Рост самосознания горожан и их политической активности в это время был тесно связан с формированием и деятельностью «Трех Членов Фландрии» (представительного органа городов Гента, Брюгге и Ипра), к которым позднее (в конце XIV – начале XV в.) присоединился Франк де Брюгге (Свободный, или Вольный Округ Брюгге, в который вошли представители небольших городов и сельской местности вокруг Брюгге). «Члены Фландрии» вотивовали налоги и активно

вмешивались во внешнюю политику графства – в первую очередь в торговые отношения с Англией.

Тем не менее существовавшие между фламандскими городами противоречия и торговое соперничество привели к новому крупному восстанию в 1379–1385 гг., на примере которого особенно ярко видна городская солидарность во Фландрии в этот период. Это восстание принято связывать с общеевропейской тенденцией к активной борьбе коммун против знати⁹, которую отмечали и современники событий, например Ж. Фруассар, связавший события во Фландрии с восстанием в Париже, вспыхнувшим в разгар фламандского¹⁰. Но восстание в Париже было несопоставимо с фламандским по своему размаху: ему хронист уделяет лишь несколько страниц, в то время как описанию войны графа Людовика Мальского (а затем и унаследовавшего Фландрию герцога Бургундского Филиппа Храброго¹¹) против своих непокорных подданных Фруассар посвятил более сотни¹².

Восстание вновь началось в Генте, недовольном тем, что граф Людовик Мальский предоставил торговые привилегии соперничавшему с Гентом Брюгге. События развивались самым нелогичным, но вполне ожидаемым во Фландрии образом, так как в скором времени восстание распространилось на всё графство (какие-то города перешли на сторону восставших добровольно, какие-то были захвачены силой оружия). Особенно успешными действия восставших стали после того, как Гент заключил союз с Брюгге (после этого стало не совсем понятно, из-за чего же теперь продолжается война, но она продолжалась)¹³.

До 1381 г. военные действия восставших против сил Людовика Мальского продолжались с переменным успехом, так как Гент был огромным укрепленным городом, который никак не удавалось ни захватить, ни отрезать от его окрестностей. Даже когда граф отвоевал большую часть Фландрии, включая Брюгге и Ипр (Ипр сдался только после осады, в то время как Брюгге и Франк де Брюгге, бывший основной «житницей» Фландрии¹⁴, вновь перешли на сторону Людовика Мальского добровольно, посчитав, что более выгодным для них будет поддерживать графа), Гент продолжал упорно сопротивляться¹⁵. В этой ситуации граф решил применить против Гента средство, которое, на его взгляд, должно было оказаться чрезвычайно эффективным, – торговую блокаду.

Несомненно то, что, ведя войну уже несколько лет, Гент в любом случае нес огромные потери из-за нарушения торговых связей, вызванных военными действиями (об этом свидетельствует в первую очередь значительная активность иностранных купцов, которые несколько раз пытались организовать переговоры о мире между графом и его подданными), так же как и нормального функционирования текстильного производства. Часть горожан бежала или была изгнана из Гента

как по политическим соображениям (несогласие с установившимся «демократическим режимом»), так и по экономическим. Расчет Людовика Мальского на то, что блокада Гента приведет к голоду, а голод – к сдаче восставших, казался абсолютно логичным. Для обеспечения эффективности блокады граф попросил присоединиться к ней соседние княжества – Брабант, Голландию, Зеландию и Геннегау¹⁶, – а также Льеж¹⁷. Именно в этот момент ярко проявилась солидарность, существовавшая между городами разных областей Нидерландов. Голландия и Зеландия продолжали морскую торговлю с Гентом, хотя их правитель пообещал поддерживать Людовика Мальского, а также принимали оттуда беженцев. Герцогиня Брабанта, с одной стороны, говорила о своей поддержке графа Фландрии, а с другой – вела переговоры с восставшими. Самую категоричную позицию заняли жители Льежа, которые однозначно и наотрез отказались поддерживать блокаду Гента.

Тем не менее граф Людовик смог контролировать обеспечение блокады непосредственно его фламандскими подданными. Гент оказался в критической ситуации, столкнувшись с голодом. Бывшие на тот момент у власти лидеры восстания Пьер дю Буа и Филипп ван Артевельде¹⁸ (сын Якоба ван Артевельде, которого пригласили в город специально, чтобы вдохнуть в борьбу новые силы¹⁹) решили попытаться получить помощь из других княжеств и отправили отряды во главе с Франсом Аккерманом²⁰ в соседний Брабант и более удаленное Льежское епископство. Жители брабантских городов (в особенности Брюсселя и Лувена) очень сочувствовали восставшим²¹ и с удовольствием «подкармливали» часть гентских отрядов, пока остальные отправились за продовольствием в Льеж²². «Демократические» настроения гентцев нашли у жителей Льежа самый горячий отклик. Они заверили восставших в своей поддержке и в том, что считают их войну справедливым делом²³. Несколько раз жители Льежа повторяли «послам», что, не находясь они так далеко от Фландрии, они, несомненно, поддержали бы гентцев военной силой, но так как они находятся слишком далеко, то посылают с Гента лишь значительное количество телег (по сообщению Фруассара – 600) с самым необходимым продовольствием – мукой и зерном. Согласно хронике Фруассара, они были готовы предоставить голодавшим жителям Гента и гораздо более разнообразный рацион, но Франс Аккерман забрал лишь самое необходимое.

Рассказ Фруассара о ходе «переговоров» между льежцами и жителями Гента доносит до нас и причины, которыми могли руководствоваться горожане епископства, решая поддержать восставших фламандцев. Даже если Фруассар, бывший современником этих событий, но довольно часто при описании деталей пускавший в ход воображение (либо веривший на слово опрошенным свидетелям), до какой-то степени

домыслил слова, которые могли стороны сказать друг другу, рассказ о причинах поддержки со стороны Льежа отражает то, что крылось за «городской солидарностью» в Нидерландах. Среди причин, упомянутых льежцами, были:

1) справедливость борьбы городов за вольности и привилегии;

2) значение торговли, которую вели жители Гента, «для всей страны» (не совсем понятно, что подразумевается под «страной» – только ли Фландрия или это тот случай, когда мы сталкиваемся с осознанием себя жителями различных нидерландских княжеств как жителей одного географического региона) и необходимость предоставления свободы для этой торговли;

3) сочувствие идеям и действиям восставших в целом.

В случае с последней причиной жители Льежа провели четкое противопоставление мотивов, по которым оказывают поддержку Генту они и жители городов Брабанта. Хотя среди жителей Брюсселя, по словам льежцев, есть и «сочувствующие» Генту, но они помогают им скорее из страха (судя по всему, это замечание могло быть справедливым – армия Гента во время военных действий вела себя как большинство армий, т. е. грабила и жгла почти всё на своем пути, а брабантские города находились в опасной близости от центра восстания и к ним могли подойти гораздо более мощные силы гентцев). Что касается переговоров с герцогом²⁴ и герцогиней Брабанта²⁵, по мнению льежцев, его правители окажутся более склонны к поддержке Людовика Мальского, что, на их взгляд, вполне логично, «ведь сеньоры всегда поддерживают друг друга»²⁶. Таким образом, по рассказу Фруассара, жители Льежа четко провели линию между теми, кто будет проявлять солидарность по отношению друг к другу – горожане к горожанам, сеньоры к сеньорам. Эта позиция хрониста подтверждается и приводимой им причиной вмешательства в дела Фландрии её будущего правителя Филиппа Храброго, который был обеспокоен восстанием, так как боялся, что восставшие могут истребить всю знать Фландрии (таким образом, Фруассар вновь противопоставляет знать горожанам²⁷).

Получившие столь необходимое продовольствие (которого, если верить сообщению Фруассара, такому большому городу как Гент хватило в итоге всего на 15 дней), гентцы объявили жителей Льежа «друзьями» своего города и отправились в обратный путь через брабантские земли. Несмотря на высказанные льежцами сомнения в отношении к восставшим жителям Брабанта и его правителей, отряды из Гента были беспрепятственно пропущены через территорию герцогства, а герцогиня Жанна пообещала способствовать мирным переговорам с Людовиком Мальским²⁸.

Однако как эти, так и многие последующие переговоры между графом Фландрии и его не-

покорными подданными оказались тщетными. Восстание продолжалось, несмотря на вмешательство французских сил, приведенных Филиппом Храбрым, и их победу над фламандцами в битве при Роозбеке²⁹. Фламандские города переходили с одной стороны на другую, и герцогу Бургундскому, унаследовавшему Фландрию в 1384 г. и сумевшему объединить вокруг себя трех из четырех Членов Фландрии, пришлось столкнуться с поддержкой, оказываемой Генту двумя основными портами Брюгге – Слейсом и Дамме (можно предположить, что эта поддержка была вызвана соперничеством, всегда существовавшим как между Брюгге и Гентом, так и между Брюгге и его портами, в первую очередь Слейсом, постоянно пытавшимися добиться аналогичных привилегий). Лишь после захвата Филиппом Храбрым этих городов в Генте произошел переворот, приведший к власти «партию мира», положившую в 1385 г. конец восстанию³⁰.

Стоит отметить, что семилетнее восстание сильно подорвало экономику Фландрии, но никак не сказалось на политической активности фламандских городов, вновь проявивших сплоченность при отстаивании общих интересов в начале XV в. Политическое самосознание городов, напротив, еще больше возросло, в результате чего герцоги Бургундские не получили фактически никакой возможности влиять на внутреннюю ситуацию в Четырех Членах и стояли перед выбором – либо не конфликтовать с могущественными подданными и добросовестно выполнять их требования, рассчитывая на получение взамен этого определенной поддержки (политика, успешно проводимая во Фландрии Жаном Бесстрашным³¹), либо пытаться «взломать» городское управление, введя в него своих ставленников, и подорвать позиции Четырех Членов в качестве представительства графства (Филипп Храбрый и Филипп Добрый³², первый из которых после 1385 г. сталкивался лишь со «скрытой оппозицией» его власти и игнорированием вводимых им институтов, в то время как внешняя и внутренняя политика второго привела к ряду крупных восстаний).

Тем не менее ситуация во Фландрии и в Нидерландах в целом в первой половине XV в. значительным образом отличалась от реалий XIV в. Это стало очевидно уже при подавлении восстания в Льеже, вспыхнувшего в 1402 г.³³ против епископа Жана Баварского³⁴ – брата жены Жана Бесстрашного Маргариты Баварской³⁵. В ходе этого восстания проявилась солидарность между городами епископства – Льежем, Динамом, Тонгереном. Первые 5 лет восстания события развивались с переменным успехом, но к 1407 г. на стороне епископа остался лишь Маастрихт (находившийся в совместном управлении с Брабантом). Льежцы выбрали на место Жана Баварского нового епископа, а также мамбура – «заместителя» правителя по вопросам войны и дипломатии – и начали в 1407 г. осаду Маастрихта³⁶.

Льежское восстание по силе и размаху мало чем уступало фламандскому, но вызвало совершенно иную реакцию со стороны бывших «друзей». Правивший с 1405 г. во Фландрии Жан Бесстрашный принял сторону своего родственника Жана Баварского, а фламандские города дружно поддержали своего сеньора, собрав средства и продовольствие для организации бургундско-голландского похода против Льежа³⁷. Войска из Фландрии были в числе других подданных герцога Бургундского, одержавшего победу над восставшими в 1408 г. в битве при Отэ³⁸. Мирный договор, навязанный епископству Жаном Бесстрашным и Вильгельмом Баварским³⁹, показал, что нидерландские правители хорошо осознавали опасность «городской солидарности»: все привилегии льежских городов были свезены в Монс (столицу Геннегау)⁴⁰, туда же покоренные жители епископства отвезли все документы, касавшиеся союзов как между городами епископства, так и с городами за его пределами⁴¹. Герцог Бургундский и правитель Голландии, Зеландии и Геннегау запретили все несанкционированные собрания жителей одного или нескольких городов епископства⁴², отменили выборность должностных лиц и приказали разрушить городские укрепления⁴³.

Многочисленные беспорядки и восстания, происходившие в 30-х–50-х гг. XV в. в городах Фландрии в еще большей степени отражают изменившуюся ситуацию⁴⁴. Ни одно из них не получило какой-либо серьезной поддержки со стороны других фламандских городов или городов соседних нидерландских княжеств, большая часть которых уже вошла к тому моменту в состав государства герцогов Бургундских. Особенно ярко это иллюстрируют события восстания, вспыхнувшего в 1451 г. в Генте против власти Филиппа Доброго, попытавшегося внедрить в городское управление своих ставленников⁴⁵. Жители Гента пытались найти поддержку у других городов, в первую очередь Брюгге и Льежа, но не получили её. Два оставшихся Члена Фландрии также никак не поддержали Гент ни во время предшествовавшего восстанию конфликта с герцогом⁴⁶, ни во время восстания, пытаясь лишь организовать переговоры между сторонами и смягчить отношение герцога к восставшим⁴⁷. Но Гент продолжал оставаться самым могущественным городом Фландрии и Филиппу Доброму пришлось вновь прибегнуть к той же мере, на которую когда-то рассчитывал Людовик Мальский, – экономической блокаде города.

Проведение блокады показало успехи бургундской династии, достигнутые во внутренней и внешней политике: практически все подданные Филиппа Доброго как во Фландрии (восставшие против герцога по отдельности в других ситуациях), так и в остальных бургундских владениях в Нидерландах⁴⁸ остались верными своему сеньору, участвовали в блокаде Гента на суше и на море

(последнюю обеспечивал фламандский флот) и военных действиях против восставших⁴⁹.

Возможно, важным фактором, предопределившим успех бургундцев, был запрет, введенный Филиппом Добрым для своих войск, на разграбление каких-либо территорий, кроме окрестностей Гента, что снимало одну из потенциальных причин для перехода местного населения на сторону восставших⁵⁰. Другим фактором, скорее всего, являлось всё усиливающееся соперничество фламандских городов друг с другом и с городами соседних регионов, в первую очередь Брабанта, особенно остро проявлявшееся в связи с начавшимся в XV в. упадком текстильной промышленности во Фландрии. Итогом отсутствия солидарности между городами и не оказания ими поддержки Генту стало то, что восстание было подавлено Филиппом Добрым (без привлечения какой-либо помощи со стороны, как это было в случае с фламандским восстанием 1379–1385 гг. или восстанием в Льеже 1402–1408 гг., чему способствовало расширение владений герцогов Бургундских в Нидерландах) всего за три года. В результате поражения сам Гент лишился привилегий, выделявших его среди городов Фландрии и обеспечивавших ведущую политическую позицию в регионе⁵¹.

Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований секции истории Отделения историко-филологических наук РАН «Нации и государство в мировой истории».

Примечания

- 1 См.: Пирени А. Средневековые города Бельгии. СПб., 2001. С. 458–461.
- 2 Достаточно распространенная точка зрения, выраженная, в том числе, в недавней статье М. Боона: Boone M. Le comté de Flandre dans le long XIVe siècle : une société urbanisée face aux crises du bas Moyen Age // Rivolte urane e rivolte contadine nell'Europa del Trecento : un confronto. Firenze, 2008. P. 21–22.
- 3 Несмотря на знаменитую победу фламандского городского ополчения над французскими рыцарями в битве при Куртре в 1302 г., в конечном итоге фламандцы проиграли войну французам и были вынуждены согласиться на крайне невыгодные условия мира. Тем не менее непосредственное управление графством вновь перешло из рук французского короля в руки представителей династии Дампьеров. Возвращение Ги де Дампьера (1225/1226–1305, граф с 1251 г.) в качестве графа Фландрии и его наследника Роберта Бетюнского (1247–1322, граф с 1305 г.) из заключения во Францию было одной из целей, которых добивались восставшие.
- 4 В ходе восстания на стороне графа Фландрии Людовика Неверского (1304–1346, граф с 1322 г.) фактически остался только Гент (см.: Пирени А. Указ. соч. С. 410–411).
- 5 Якоб ван Артевельде (ок. 1290–1345), руководитель фламандского восстания 1338–1345 гг.
- 6 См.: Фруассар Ж. Хроники. 1325–1340 / пер. М. В. Аникиева. СПб., 2008. С. 128–129, 136–137. Фруассар описывает Артевельде как тирана, введшего во Фландрии «тоталитарный» режим.
- 7 См.: Пирени А. Указ. соч. С. 428–442.
- 8 Людовик Мальский (1330–1384), граф Фландрии с 1346 г.
- 9 См., например: Mollat M., Wolff P. Ongles bleus, Jacques et Ciompi. Les révolutions populaires en Europe aux XIVe et XVe siècles. P., 1970. P. 170, 175.
- 10 См.: Froissart J. Les chroniques de sire Jean Froissart, qui traitent des merveilles nobles aventures et faits d'armes advenus en son temps, en France, Angleterre, Bretagne, Bourgogne, Escosse, Espagne, Portingal et les autres parties // Nouvellement revues et augm. d'après les manuscrits, avec notes, éclaircissements, tables et glossaires par J. A. C. Buchon : in 3 vols. P., 1835–1838. Vol. 2. P. 252.
- 11 Филипп Храбрый (1342–1404), герцог Бургундии с 1363 г., граф Фландрии с 1384 г. (наследовал графство в качестве соправителя своей жены – дочери Людовика Мальского Маргариты (1350–1405)).
- 12 Королевский совет Франции, тем не менее, был крайне обеспокоен событиями в Париже (также полагая, что на их развитии, так же как и на волнениях в других городах, крайне отрицательно сказывается пример фламандских городов, и в первую очередь Гента: Yoshiaki O. Le réseau des révoltes urbaines dans le nord du Royaume de France à la fin du Moyen Âge – des révoltes urbaines de Paris et de chaque bonne ville. URL: <http://mahan.wonkwang.ac.kr/medsociety/symposium/networks/06.doc> (дата обращения: 1.06.2012).
- 13 См.: Froissart J. Op. cit. Vol. 2. P. 65–75, 77–78.
- 14 См.: Mertens J. A., Verhulst A. E. Yield-Ratios in Flanders in the Fourteenth Century // The Economic History Review. 1966. Vol. 19. Is. 1. P. 175.
- 15 ...tout Flandre pour ce temps étoit appareillée à son commandement (Froissart J. Op. cit. Vol. 2. P. 132–136).
- 16 Ibid. P. 144–146.
- 17 ...Liégeois administroient aux susdits Ganthoys vivres et aultres admonitions de guerees malgré leur conte. (Chronique abrégée de Jean d'Outremeuse // Chroniques liégeoises / pub. S. Balau. Bruxelles, 1931. Vol. 2. P. 215, 217).
- 18 Филипп ван Артевельде (ок. 1340–1382) стал лидером фламандского восстания в 1381 г. Погиб в битве при Роозбеке (Розбеке).
- 19 См.: Froissart J. Op. cit. Vol. 2. P. 144–146.
- 20 Франс Аккерман (1330–1387) – один из видных фламандских политических деятелей XIV в. Родился в Генте. Одна из улиц города названа в его честь.
- 21 ...moult favorables. (Froissart J. Op. cit. Vol. 2. P. 136–144).
- 22 См.: Vaughan R. Philip the Bold. The formation of Burgundian state. L., 1961. P. 23.
- 23 ...vous avez droit en cette guerre. (Froissart J. Op. cit. Vol. 2. P. 136–144).
- 24 Венцеслав Люксембургский (1337–1383), герцог Люксембурга с 1355 г. – второй муж Жанны Брабантской.
- 25 Жанна (1322–1406), герцогиня Брабанта и Лимбурга с 1355 г.

- ²⁶ Froissart J. Op. cit. Vol. 2. P. 197.
- ²⁷ ... toute chevalerie et gentillesse en pourroit être détruite. Ibid. P. 200, 215–216.
- ²⁸ Ibid. P. 197–199.
- ²⁹ См.: Froissart J. Op. cit. Vol. 2. P. 245–250 ; Itinéraires de Philippe le Hardi // Itinéraires de Philippe le Hardi et de Jean sans Peur, ducs de Bourgogne (1363–1419), d'après les comptes de dépenses de leur hôtel / recueillis et mis en ordre par E. Petit. P., 1888. P. 153.
- ³⁰ См.: Froissart J. Op. cit. Vol. 2. P. 251–253, 316–349.
- ³¹ Жан (Иоанн) Бесстрашный (1371–1419), герцог Бургундский с 1404 г., граф Фландрии с 1405 г. – сын Филиппа Храброго и Маргариты Мальской.
- ³² Филипп Добрый (1396–1467), герцог Бургундии и граф Фландрии с 1419 г. – сын Жана Бесстрашного и Маргариты Баварской.
- ³³ См.: Chronique de Jean de Stavelot / pub. par A. Borgnet. Bruxelles, 1861. P. 19–34.
- ³⁴ Жан (Иоанн) Баварский (1374/76–1425) – избранный епископ Льежа с 1390 г., младший сын Альбрехта I Баварского (1336–1404), правителя Голландии, Зеландии и Геннегау. Оставил епископский престол для того, чтобы оспорить наследование Голландии, Зеландии и Геннегау после смерти своего брата Вильгельма в 1317 г. у его дочери Якобы Баварской (1401–1436), претендовал на титул графа этих земель в 1418–1425 гг. и пользовался поддержкой со стороны Филиппа Доброго.
- ³⁵ Маргарита Баварская (1363–1423) – дочь Альбрехта I Баварского, герцогиня Бургундская с 1404 г.
- ³⁶ См.: Chronique de Jean de Stavelot. P. 96–98, 112–116.
- ³⁷ ... vinrent aldit mambor... et a paiis de Liege et de Louz... monsangneur de Borgongne, duk et conte de Flandre, seroige à dis princhez le conte de Henau et de Hollande et monsangneur Johans de Bealwier, et apres depart monsangneur Guillaume, conte de Namur, et messire Johan son frere, et grant nombre d'aultres grans sangneurs de Franche, de Borgongne, de Flandre et de pluseurs autres paiis... (Ibid. P. 117).
- ³⁸ См.: Chronique de Jean de Stavelot. P. 140–143.
- ³⁹ Вильгельм II Баварский (1365–1417), граф Голландии, Зеландии и Геннегау с 1404 г.
- ⁴⁰ ... ordonons que ceuls de la cité de Liege et autres dessusnommés apporteront en la ville de Mons en Haynnau... toutes leur lettres de privileges, de lois, libertés et franchises... (Chronique de Jean de Stavelot. P. 128–134).
- ⁴¹ ... toutes lettres d'alliances, confederations ou pactions... touchant ycelles villes et pays... touchent icelles cité et viilles de l'une avec l'autre, ou aucunes personnes ou villes hors desdis pays... (Ibid.).
- ⁴² ... ne se assemblent ne fassent consauls ensamble, ne l'une ville avoec l'autre, ne congregations quelxconques, ne aussi les habitants de ladite cite le suns avoec les autres... (Ibid.).
- ⁴³ Chronique de Jean de Stavelot. P. 128–134.
- ⁴⁴ См.: Chastellain G. Oeuvres. Chronique 1419–1422 / publ. par M. le baron Kervyn Lettenhove : in 5 vols. Bruxelles, 1863. Vol. 2. P. 61–62.
- ⁴⁵ См.: Memoires de J. Du Clercq // Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France / J. A. C. Buchon : in 15 vols. P., 1826. Vol. 13. P. 9–12.
- ⁴⁶ Ibid. P. 3–5 ; Chastellain G. Op. cit. Vol. 2. P. 15, 221–225.
- ⁴⁷ См.: Chastellain G. Op. cit. P. 225–226. По сообщению Шателлена, представители фламандских городов встали перед герцогом на колени, прося его проявить милосердие в отношении Гента.
- ⁴⁸ См.: Memoires de J. Du Clercq. Vol. 13. P. 11. Герцог объявляет «мобилизацию» во всех своих владениях, кроме Бургундии; в военных действиях против Гента участвуют жители Пикардии и Артуа, войска из Геннегау, голландцы (Ibid. P. 15, 18, 21, 37).
- ⁴⁹ См.: Chastellain G. Op. cit. Vol. 2. P. 227–232 ; Memoires de J. Du Clercq. Vol. 13. P. 96–98.
- ⁵⁰ Ibid. P. 37–38.
- ⁵¹ Ibid. Vol. 13. P. 110–122 ; Chastellain G. Op. cit. Vol. 2. P. 378–390 ; Chartier J. Chronique de Charles VII roi de France: in 4 vols. / ed. Vallet de Viriville. P., 1858. Vol. 2. P. 324.

УДК 908(470.44-25)+271.2(9)

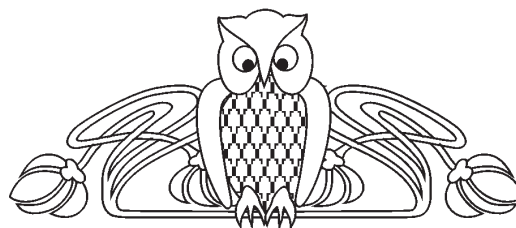
НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ЛЕВОБЕРЕЖНОГО САРАТОВА

Я. Н. Рабинович

Саратовский государственный университет,
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории левобережного Саратова, связанные с пребыванием в этом городе в XVII в. многих известных светских и церковных деятелей. Впервые дана хронология ряда событий, происходивших в Саратове.

Ключевые слова: Саратов, Волга, посольство, Грузия, царь Теймураз, князь Е. Ф. Мышецкий, переговоры.

Unknown Pages of the Saratov's Left Bank

Yu. N. Rabinovich

The article deals with the unknown pages of the history of the left bank of Saratov, related with staying in this city many well-known secular and church leaders in the XVII century. First time given the chronology of events that took place in this city.

Key words: Saratov, Volga, embassy, Georgia, Teimuraz King, prince E. F. Myshetsky, conversation.

Сведений о левобережном Саратове XVII в. сохранилось очень мало. Пожар 1701 г. уничтожил архив Приказа Казанского дворца, ведавшего делами Поволжья. Левобережный Саратов 1617–1671 гг. – одна из наименее изученных страниц истории нашего города, полная загадок и неясностей. Однако, учитывая особенности географического положения Саратова, даже при ограниченном количестве источников можно попытаться реконструировать многие события, происходившие в этом городе. Река Волга являлась в XVII в. основной транспортной артерией на юго-востоке России. Благодаря этому можно значительно расширить наши представления о том, что происходило на её берегах, особенно в поволжских городах. Для этого надо только тщательно изучить движение различных посольских и других караванов по Волге от Казани до Астрахани и обратно, обратив особое внимание на посольства в Иран, Грузию или страны Средней Азии, маршрут которых проходил через Саратов.

Любое судно, любой караван, шедшие вверх и вниз по Волге из Астрахани до Казани и назад, обязательно останавливались в Саратове. Здесь происходила смена гребцов, охраны судов (в роли гребцов и охраны выступали самарские, саратовские и царицынские стрельцы), осуществлялись торг с местными жителями и кочевниками, пополнение запасов продовольствия, доставка служебной корреспонденции и т. д. Имея сведения о том, когда посольский караван или воинский отряд отправился из Казани на Низ и прибыл в Астрахань (и наоборот), можно с точностью до нескольких дней или недель выяснить, когда эти люди останавливались в Саратове. Время в пути от Самары до Саратова составляло 5–9 дней, а обратно – около 2 недель. Примерно столько же времени затрачивалось на дорогу от Саратова до Царицына. В официальных документах было предусмотрено расчетное время в пути от Астрахани до Казани – 6 недель. Именно на такой срок послам в Астрахани выделялся «корм» до Казани.

Учитывая все это, можно составить довольно точную хронологию пребывания в левобережном Саратове многих известных деятелей XVII в. В качестве примера можно привести сведения о посольстве Василия Гавриловича Коробьина и дьяка Остафия Кувшинова. Эти послы останавливались в Саратове в сентябре 1624 г., следуя из Персии в Москву. Их сопровождали персидские послы, которые везли в дар царю Михаилу и патриарху Филарету православную святыню – ризу Христову. Эти оба посольства 19 августа отправились из Астрахани в Царицын, а 6 октября послы уже были в Самаре¹. Нетрудно подсчитать, что в Саратове посольство В. Г. Коробьина находилось в период между 15 и 25 сентября 1624 г.

Многие неизвестные страницы истории левобережного Саратова содержатся в документах Посольского приказа, связанных с русско-грузинскими отношениями в XVII в. Эти источники, которые широко использовали в своих трудах М. А. Полиевктов и Н. Т. Накашидзе, в настоящее время находятся в фонде 110 РГАДА². Особый интерес для исследователей представляют сведения о посольстве в Грузию к царю Теймуразу князя Е. Ф. Мышецкого.

В XVII в., кроме России, лишь Грузия была независимым православным государством. Поэтому цари Михаил Федорович (1613–1645) и Алексей Михайлович (1645–1676), а также патриархи Филарет (1619–1633), Иоасаф (1634–1640), Иосиф (1641–1652) и Никон (с 1652 г.) много внимания уделяли единой православной Грузии. Однако о Грузии как «независимом государстве» следует говорить с большой осторожностью. Фактически, к началу XVII в. она была раздроблена на ряд государственных образований. В её состав входили три царства – Картли, Кахети, Имерети, – а также княжества Самцхе-Саатабаго, Гурия, Мегрелия и Абхазия. Кроме того, за эти государственные образования велась упорная, с переменным успехом борьба между Ираном и Турцией. Вассалами Ирана фактически оказались восточные царства – Картли и Кахети. Под контролем Турции находились западные княжества, а также Имерети. О контактах с Россией правителей грузинских княжеств – вассалов Турции сохранилось мало сведений. Маршрут посольств из Западной Грузии проходил по Черному и Азовскому морям, через турецкую крепость Азов, по Дону до Воронежа, т. е. в стороне от Саратова. Наибольший интерес для истории Саратова представляют сведения о посольствах в Москву царя Кахети Теймураза и царя Имерети Александра. Эти посольства, как и ответные русские посольства в Кахети и Имерети, останавливались в Саратове.

Отправке посольства князя Е. Ф. Мышецкого в 1641 г. к царю Кахети Теймуразу предшествовали следующие обстоятельства. В конце 1635 г. царь Теймураз направил в Москву своего доверенного человека – грека митрополита Никифора. Никифор должен был вести переговоры с царем Михаилом Романовым об оказании Россией помощи единой православной Грузии в борьбе против Ирана и мусульманского правителя Картли Ростом, а также о присяге Теймураза царю Михаилу. Перезимовав в Астрахани, Никифор весной 1636 г. отправился по Волге в Москву. **Летом 1636 г.** он впервые проплыл мимо Саратова. До Москвы грузинское посольство добралось 8 октября 1636 г. и уже 11 октября было торжественно принято царем Михаилом Федоровичем «на приезде». 14 декабря 1636 г. Никифор был на очередном приеме у царя. В Дворцовых разрядах посол Никифор записан как «грузинский архимарит». 26 мая 1637 г. *«велел государь грузинскому*

послу нареченному митрополиту Никифору быть у себя у государя на отпуске»³.

О втором посещении митрополитом Никифором Саратова летом 1637 г., а также о лицах, сопровождавших его в этой поездке, стоит остановиться более подробно. 25 июня 1637 г. Никифор выехал из Москвы. Вместе с грузинским послом было отправлено к царю Теймуразу русское посольство князя Федора Федоровича Волконского и дьяка Артемия Хватова⁴.

В состав данного посольства, кроме переводчиков, толмачей, подьячих, кречетников и др., входили многие известные церковные деятели, среди которых можно назвать архимандрита Иосифа из Ипатьевского монастыря, а также Арсения Суханова («Чудова монастыря черной дьякон, что был в соборе, архидьякон Арсений»). Они везли с собой к царю Теймуразу большое количество книг и церковной утвари (в том числе около 300 икон), а иконописцы и «оконные мастера» – все необходимое для своего ремесла («500 листов золота красного, 500 листов золота двойного, 1000 листов серебра» и т. д.)⁵.

Если учесть, что отъезд послов из Москвы состоялся 25 июня 1637 г., а из Астрахани они отплыли в первых числах октября и уже 10 октября были в Терском городке, можно предположить, что в августе 1637 г. посольский караван проплыл мимо Саратова, где сделал кратковременную остановку. А. А. Гераклитов к августу 1637 г. относит смену саратовских воевод – прежний, Григорий Иванович Феофилачев, передавал дела новому воеводе князю Ивану Федоровичу Большому Шаховскому⁶.

Итог этого посольства князя Ф. Ф. Волконского в Грузию известен – царь Теймураз «торжественно подписал крестоцеловальную запись и поцеловал крест» (т. е. присягнул царю Михаилу Федоровичу). Царь Михаил Романов согласился «пожаловать Теймураза, его детей и всю Иверскую землю под свою царскую высокую руку и во оборону принять»⁷.

В 1639 г. русские послы во главе с князем Ф. Ф. Волконским в сопровождении митрополита Никифора вернулись в Россию. Историк Н. Т. Накашидзе кратко писал, что к концу года послы прибыли в Москву⁸. Источники, опубликованные М. А. Полиевктовым, позволяют сделать ряд существенных дополнений и уточнить некоторые подробности третьего посещения митрополитом Никифором Саратова осенью 1639 г.

По сообщению астраханского воеводы князя Ю. А. Сицкого, «корм грузинскому послу Никифору дали в Астрахани на дорогу до Казани на 6 недель» (с 27 августа по 10 октября 1639 г. – Я. Р.), питья – по 8 чарок вина на день, а также 2 пуда пресного меда. Из других источников известно, что «пива ему (Никифору. – Я. Р.) давать не было указано, только в Саратове дано по его запросу 3 ведра меда». По неизвестной причине митрополит Никифор к установленному сроку

(10 октября) до Казани не добрался. Чем-то Саратов приглянулся грузинскому послу, и он решил на время остаться в этом городе. Русские послы во главе с князем Ф. Ф. Волконским продолжили путь в Самару, и Саратовский воевода Григорий Никитич Орлов докладывал в Москву, что «в 148 году сентября в 28 день (28.9.1639 г. – Я. Р.) грузинский посол в Саратове зазимовал», хотя до окончания срока навигации оставался ещё месяц. Далее воевода Г. Н. Орлов сообщал в росписи, сколько корму было дано грузинскому послу Никифору с 10 октября по 25 декабря 1639 года⁹.

Эта «зимовка» грузинского посла в Саратове продолжалась только до конца декабря 1639 г., после чего Никифор 25 декабря отправился напрямую по зимней дороге в Москву. По-видимому, в столице узнали от князя Ф. Ф. Волконского о непредвиденной остановке митрополита Никифора в Саратове и немедленно отправили гонца к воеводе Г. Н. Орлову с требованием обеспечить грузинского посла всем необходимым (кормом, лошадьми, сопровождением) для немедленного его отъезда в Москву. Ранее по этой дороге грузинские и персидские послы не ездили. В конце декабря 1639 г. пустынная зимняя дорога оказалась для митрополита Никифора довольно короткой. Уже через шесть дней после отъезда из Саратова Никифор был в Темникове (скорость поразительная!), а 1 января 1640 г. выехал из Темникова в Москву, куда и прибыл 29 января 1640 г.¹⁰ В том месте, где Никифор благополучно завершил своё опасное путешествие из Саратова в Темников, через 20 лет был основан знаменитый Санаксарский монастырь.

В конце августа 1641 г. митрополит Никифор в четвертый раз побывал в Саратове, сопровождая в Грузию русское посольство князя Е. Ф. Мышецкого. Ещё 29 декабря 1640 г. царь Михаил Федорович указал «грузинского митрополита Никифора отпустить в Грузию», а вместе с ним послать с государевым жалованием к царю Теймуразу своих государевых послов: «...князя Еуфима Мышецкого да диака Ивана Ключарева...» (далее перечисляются имена переводчика, толмача, подьячего, скорняка и двух кречетников, которые сопровождали послов). Посольство готовилось в дорогу довольно долго. Лишь 29 мая 1641 г. грузинский митрополит Никифор был у государя на «отпуске»¹¹. Все это время собиралась большая казна для отправки царю Теймуразу. Послы везли с собой не только 20 тысяч ефимков (деньги были взяты из Большой Государевой Казны и из Новгородской Чети), но и собалями на 2200 рублей, а также живых 5 кречетов и 2 соболя. Послы отплыли из Москвы в Коломну на четырех судах 31 мая (по другим сведениям, 9 июня). Маршрут и время прибытия в каждый населенный пункт точно указаны в Статейном списке. Прибыв 12 июля 1641 г. в Казань, послы узнали, что «объявились вниз Волги во многих местах воровские казаки», против них ранее были отправлены от-

ряды стрельцов и поэтому необходимо ждать их возвращения. Только 1 августа послы в сопровождении отряда астраханских стрельцов отплыли из Казани в Самару, куда прибыли 12 августа¹².

24 августа 1641 г. митрополит Никифор, посол Е. Ф. Мышецкий и сопровождавшие их лица прибыли в Саратов. Отплытие посольского каравана из Саратова в Царицын состоялось через день, **26 августа**. Посла встречал и провожал саратовский воевода Григорий Никитич Орлов. Он отказался дать в сопровождение послам дополнительный отряд саратовских стрельцов, ссылаясь на то, что *«все служилые люди посланы в посылку за казаки, а иные в степи по караулом»*¹³.

26 августа небольшой посольский караван «с великим бережением» отплыл из Саратова в Царицын и 20 сентября 1641 г. без особых происшествий прибыл в Астрахань.

Автор этих строк, а до него А. А. Гераклитов и другие краеведы ранее считали, что Г. Н. Орлов вторично находился на воеводстве в Саратове в 1639–1640 гг. Период с 1640 до 1644 г. был одним из самых темных в истории левобережного Саратова. Неизвестны были имена саратовских воевод в это время, пока в феврале 1644 г. в город не прибыл новый воевода Аверкий Федорович Болтин¹⁴. Новые источники позволили несколько уточнить время пребывания Г. Н. Орлова на воеводстве в Саратове, как минимум, до осени 1641 г.

В 1648 г., после поражения от картлийско-персидских войск, царь Теймураз покинул Кахетию и укрылся вместе с семьей и многочисленной свитой в Имерети у своего зятя, царя Александра III. Сразу же в Москву было отправлено объединенное грузинское посольство от Теймураза и Александра с просьбой о помощи. Во главе этого посольства находились архимандрит Пахомий и *«князь Иван Григорьев»*, а также *«иеромонах Василий да товарищ его Давид»*. Весной 1649 г. с началом навигации на Волге это посольство отплыло из Астрахани. В начале **июня 1649 г.** послы остановились на короткое время в Саратове, где были встречены местным воеводой князем Федором Борятинским, а уже в августе прибыли в Москву. Имеретинский посол передал царю Алексею Михайловичу просьбу своего государя Александра III взять его страну под свою защиту. Грузинский правитель соглашался *«быть под царскою рукою в вечном холопстве»* и просил дать *«государеву жалованную грамоту»*. Был поставлен также вопрос о женитьбе грузинского царевича Луарсаба Давыдовича на сестре царя Алексея Михайловича. Грузинских послов в Москве часто приглашали на торжественные мероприятия. 14 апреля 1650 г., *«на Велик день, ел у государя»* патриарх Иосиф. *«Да у государя ели Греческий митрополит Анфим и иные Греческие власти, да Грузинский посол князь Иван да Мелетинский посол Леонтей с товарищи, а сидели под бояры выше дворян»*¹⁵.

Уже в 1650 г. в Имерети было снаряжено посольство во главе со стольником Никифором

Павловичем Толочановым и дьяком Алексеем Ивановичем Иевлевым, которое 10 июня выехало из Москвы вместе с грузинскими послами¹⁶. В начале **августа 1650 г.** послы остановились в Саратове. Известно, что в 1650 г. воеводу Саратова князя Федора Борятинского сменил новый воевода – стольник Василий Григорьевич Феофилачев¹⁷. Трудно сказать, кто из них встречал и провожал русских и грузинских послов, архимандрита Пахомия «с товарищи». 10 октября 1650 г. посольство Н. Толочанова и грузинские послы прибыли в Терский городок. В ходе переговоров в Кутаиси летом и осенью 1651 г. царь Александр и его приближенные, в том числе и церковные владыки Имерети, подписали крестоцеловальную запись. Грузинский царь называл себя *«холопом восточного великого государя нового Рима»*, просил царя Алексея Михайловича прислать пушек, пушечных мастеров и единоверных донских казаков, которые должны были помочь управиться с врагами царя Александра.

Весной 1652 г. русские послы Н. Толочанов и А. Иевлев в сопровождении новых послов царя Александра III отплыли из Астрахани в Москву. Этими грузинскими послами были архимандрит Евдемон и казначей царя Ломкаци Джапаридзе. В сентябре 1652 г. посольство благополучно прибыло в Москву *«во 161-м году сентября в 9 ден»*. Судя по этой записи, мимо Саратова посольский караван проплывал в **начале лета 1652 г.** Воеводой Саратова в 1652 г. был назначен стольник Алексей Пантелеевич Чириков, сменивший В. Г. Феофилачева.

12 ноября 1652 г. *«были у Государя на приезде Грузинские и Меретинские послы»*, а 19 мая 1653 г. *«на Вознесенев день ... Меретинского царя Александра послам да Мелетинскому архимариту Евдокиму»* в Москве была вручена жалованная грамота царя Алексея Михайловича. Царю Имерети были отправлены 10 тысяч ефимков и 80 соковок соболей.

1653 г. хорошо запомнился жителям левобережного Саратова и принес немало хлопот воеводе Алексею Пантелеевичу Чирикову. В **мае 1653 г.** Саратов посетил при возвращении из длительного путешествия по Востоку Арсений Суханов, который в отчете подробно описал свои странствия¹⁸.

В **августе 1653 г.** «серебряный» караван с грузинскими послами архимандритом Евдемоном и Ломкаци Джапаридзе по пути из Москвы в Астрахань проплывал мимо Саратова, воевода которого А. П. Чириков получил специальные инструкции для обеспечения надежной охраны послов и казны от воровских казаков¹⁹.

В районе Саратова грузинские послы во главе с архимандритом Евдемоном повстречались со своими соотечественниками, которые из Астрахани направлялись в Москву. Ещё в 1652 г. царь Теймураз снарядил в Москву своего внука, царевича Ираклия Давыдовича (в русских источниках его называют Николаем Давыдовичем) вместе

с матерью «царицею Еленю Левонтьевною» и многочисленной свитой, в которую входили послы архимандрит Герман и Кайхосро Джапаридзе. Несмотря на нападение кумыцких отрядов, грузинскому царевичу все же удалось в конце 1652 г. добраться до Терского городка. Царь Алексей Михайлович издал специальный указ воеводам поволжских городов, чтобы они обеспечили надежную охрану царевичу при движении его по Волге. 23 апреля 1653 г. царевич Ираклий прибыл из Терского городка в Астрахань, а 27 декабря того же года с матерью и свитой торжественно въехал в Москву. Дворцовые разряды сообщают, что 1 января 1654 г. у царя Алексея Михайловича был стол, за которым по левую сторону от государя сидел царевич Николай Давыдович (по правую сторону сидел патриарх Никон)²⁰.

Таким образом, **летом 1653 г.** жители Саратова впервые увидели у себя в городе грузинского царевича Ираклия, которого торжественно встречал местный воевода стольник Алексей Пантелеевич Чириков. Тогда ещё никто не мог предполагать, что вскоре другая царственная особа из Грузии почтит Саратов своим присутствием.

Царевич Ираклий Давыдович с матерью оставался в Москве семь лет, а грузинские послы во главе с архимандритом Германом 1 июня 1654 г. выехали из Москвы на родину. Царь Алексей Михайлович отправил Теймуразу 6 000 ефимков и 120 сороков соболей, но в помощи войсками и пушками отказал в связи с началом русско-польской войны. **В августе 1654 г.** этот караван проплывал мимо Саратова.

Летом 1657 г. царь Теймураз, оказавшись в отчаянном положении (персидский шах требовал его выдачи), выехал в Россию. Перезимовав в Астрахани, Теймураз уже в начале апреля 1658 г. с открытием навигации на Волге отравился в сопровождении крупного отряда стрельцов через Царицын и Саратов в Москву. Караван двигался вверх по Волге против течения с небывалой скоростью. Саратовскому воеводе стольнику Никите Ивановичу Головину царским указом было предписано заранее подготовить все необходимое для беспрепятственного движения каравана, чтобы не было никакой задержки. Уже **в начале мая 1658 г.** караван миновал Саратов и Самару, а 20 июня грузинский царь прибыл в Москву. Через две недели, 6 июля, состоялась торжественная встреча Теймураза с царем Алексеем Михайловичем²¹. Этот день хорошо известен историкам, изучавшим взаимоотношения царя и патриарха Никона в связи со скорой приближенной царя Богдана Хитрово и патриаршего стряпчего князя Мещерского. Теймуразу было дано «*государево жалование 6 000 рублей да соболей на 3 000 рублей*». Военную помощь Москва обещала предоставить ему только после окончания войны с Польшей.

В конце сентября 1658 г. переговоры между царем Теймуразом и московским правительством были завершены, однако из Казани он отплыл в

Астрахань лишь 7 мая следующего года²². Грузинский царь **5 июня 1659 г.** прибыл в Саратов, где его встречал местный воевода стольник Даниил Варфоломеевич Хитрово. Здесь произошла встреча Теймураза с имеретинским посольством. Послы сообщили ему о смерти внука, Луарсаба Давыдовича, вопрос о женитьбе которого на сестре Алексея Михайловича неоднократно ставился грузинскими послами. Из Саратова Теймураз написал письмо царю Алексею Михайловичу с просьбой отпустить царевича Ираклия Давыдовича в Грузию. К началу осени Теймураз уже был в Астрахани, а в конце 1659 г. добрался до Имерети²³. Вскоре после его возвращения умер царь Александр (1660 г.), в Западной Грузии начались междоусобицы и анархия. Престарелый Теймураз фактически оказался в плену у шаха Аббаса II, принял монашество и зимой 1663 г. умер в возрасте 74 лет.

Его внук Ираклий (Николай Давыдович) 8 мая 1660 г. был у государя «в отпуске» и вскоре уехал из Москвы. 18 августа 1660 г. грузинский царевич приехал в Астрахань, посетив по пути в **июле 1660 г.** Саратов, где его торжественно встречал воевода стольник Иван Иванович Косагов²⁴.

В дальнейшем царевич Ираклий безуспешно пытался вернуть себе трон Кахетии, но потерпел поражение. Весной 1666 г. он снова прибыл в Россию одновременно с двумя патриархами, Паисием Александрийским и Макарием Антиохийским, которых встречал в Астрахани и провожал по Волге через Саратов до Москвы астраханский архиепископ Иосиф. Патриарха Макария, как и в первое путешествие, сопровождал его сын Павел Алеппский.

О путешествии патриархов по Волге летом-осенью 1666 г. исследователи писали мало, изредка обращаясь к труду Н. Гиббенета, когда говорили о прибытии Паисия и Макария в Москву и о суде над патриархом Никоном. Саратовские краеведы полностью игнорировали документы «Дела патриарха Никона», опубликованные в приложениях к монографии Н. Гиббенета. А ведь здесь содержится весьма ценная информация о событиях лета 1666 г. в районе Саратова.

Жители левобережного Саратова недолго видели у себя знатных гостей, которые прибыли в город **20 августа 1666 г.**²⁵, хотя хлопот воеводам города князю Алексею Путятину и сменившему его в том же году князю Ивану Борятинскому эти церковные деятели доставили немало, ибо специальным царским наказом предписывалось с патриархами «во всем быти опасну и бережну». Гости ждали в Саратове с мая-июня 1666 г., тщательно готовились к встрече. Здесь находились специальные царские посланники – подьячий Тайного приказа Порфирий Оловеников и Федор Аврамович Лопухин (будущий тесть Петра I) с денежной казной, которые долго ждали прибытия этого каравана. Из Саратова патриархи решили продолжать путь вверх по Волге к Самаре и Симбирску, куда

приплыли 16 сентября. Из Симбирска высокие гости двинулись в Москву по суше, напрямую. Этот их маршрут постоянно находился под царским контролем. Посланные для бережения патриархов приставы старались ограничить контакты владык с местными священниками, чтобы исключить возможность их переписки с опальным патриархом Никоном, в суде над которым и в его низложении им предстояло участвовать. В середине октября 1666 г. патриархи уже подъезжали к Владимиру, а 29 октября их встречали в Московском уезде в селе Рогожа думный дворянин Иван Богданович Хитрово и архимандрит владимирского Рождественского монастыря Филарет²⁶.

Грузинский царевич Ираклий 22 января 1671 г. был тысяцким на свадьбе Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны Нарышкиной²⁷. В начале 1674 г. царевич вновь отправился из Москвы на родину и 17 июня прибыл в Астрахань. В ходе этого путешествия в мае 1674 г. Ираклий посетил новый Саратов, строительство которого было возобновлено на горной стороне. В это время воеводой в Саратове был стольник Михаил Иванович Глебов, сменивший в марте 1674 г. первого воеводу – думного дворянина Федора Ивановича Леонтьева. После этого грузинский царевич ни в Саратове, ни в России больше не был.

Будем надеяться, что, несмотря на фрагментарность приведенных сведений, эта информация о пребывании в Саратове многих церковных деятелей XVII в. вызовет интерес к изучению далекого прошлого родного города не только у саратовских краеведов, но и у представителей Русской православной церкви. Кроме того, более тщательное изучение в архивах (прежде всего РГАДА) документов об отношениях между Россией и Грузией, Россией и Ираном, а также с другими странами, народами и правителями Востока позволит раскрыть многие ещё не раскрытые тайны левобережного Саратова.

Примечания

- 1 См.: Бушев П. П. Посольство В. Г. Коробьина и А. Кувшинова в Иран в 1621–1624 гг. // Иран. Экономика. История. Биография. Литература: сб. статей. М., 1976. С. 124–155.
- 2 См.: Полиевктов М. А. Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. Тифлис, 1928; *Накашидзе Н. Т.* Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII в. Тбилиси, 1968.
- 3 *Накашидзе Н. Т.* Указ. соч. С. 111; Дворцовые разряды: в 4 т. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 526.
- 4 Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 535.
- 5 *Накашидзе Н. Т.* Указ. соч. С. 112, 125. Подробные сведения об Арсении Суханове (1599–1668), который был ризничим, казначеем и секретарём при патриархе Филарете, строителем московского Богоявленского монастыря, келарем Троице-Сергиевой лавры, заведующим московским Печатным двором, неоднократно участвовал в различных религиозно-дипломатических миссиях, прениях о вере с афонскими старцами и т. д., изложены в ряде трудов С. А. Белокурова. См.: *Белокуров С. А.* Арсений Суханов. М., 1891–1894. Ч. 1–2; *Он же.* Поездка старца Арсения Суханова в Грузию (1637–1640) // Христианское чтение. 1884. Март-апрель; *Он же.* Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1.
- 6 См.: *Герасимов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 66.
- 7 См.: *Накашидзе Н. Т.* Указ. соч. С. 118.
- 8 Там же. С. 122.
- 9 См.: «Книга» о посольстве в Грузию российских послов князя Ефима Мышецкого и дьяка Ивана Ключарева для вручения царю Теймуразу жалованной грамоты, двадцати тысяч ефимков и сорока шести «сороков» соболей. 1640, декабря 29 – 1643, октября 14 // Полиевктов М. А. Указ. соч. С. 9–10.
- 10 См.: *Полиевктов М. А.* Указ. соч. С. 10.
- 11 В Дворцовых разрядах после записи об отпуске в Грузию князя Ефима Мышецкого следует запись о том, что «того же дни был у Государя Грузинский митрополит». См.: Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 658.
- 12 См.: *Полиевктов М. А.* Указ. соч. С. 95.
- 13 Там же. С. 96.
- 14 См.: *Рабинович Я. Н.* Саратовский воевода Григорий Никитич Орлов: страницы биографии // Поволжский край: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2010. Вып. 13. С. 23–35; *Герасимов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. С. 66, 80–81. Все сведения о воеводах Саратова за 1640–1670-е гг. взяты из данного труда А. А. Герасимова и нуждаются в дополнительной проверке.
- 15 *Накашидзе Н. Т.* Указ. соч. С. 147–148; Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3. Стб. 158.
- 16 См.: *Накашидзе Н. Т.* Указ. соч. С. 148; Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 163.
- 17 См.: *Герасимов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. С. 67.
- 18 См.: Проскинитарий Арсения Суханова // Православный палестинский сборник. 1889. Вып. 21. В ходе этого путешествия Арсений Суханов посетил Константинополь, Родос, Египет, Иерусалим, Малую Азию, Тифлис, Шемаху.
- 19 См.: *Накашидзе Н. Т.* Указ. соч. С. 148–152, 154, 259; Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 333, 351–352.
- 20 См.: *Накашидзе Н. Т.* Указ. соч. С. 169–173, 179; Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 384–396.
- 21 См.: *Накашидзе Н. Т.* Указ. соч. С. 183; Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 497–510.
- 22 См.: Дворцовые разряды. Стб. 513–514.
- 23 См.: *Накашидзе Н. Т.* Указ. соч. С. 189.
- 24 См.: Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 515–530; *Накашидзе Н. Т.* Указ. соч. С. 190.
- 25 См.: *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Часть вторая. СПб., 1884. С. 279.
- 26 См.: *Андреев И. Л.* Алексей Михайлович. М., 2003. С. 352–353; Дворцовые разряды. Т. 3. Стб. 646–658.
- 27 См.: Дворцовые разряды. Стб. 872–873.

УДК 9(4/9)(082)

КУЛЬТУРНАЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ АНГЛИЙСКОГО ГОРОДА ЭПОХИ РЕСТАВРАЦИИ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ

Т. В. Мосолкина

Саратовский государственный университет,
E-mail: tmosolkina@mail.ru

В статье идет речь об уровне культурных запросов англичан эпохи Реставрации, об эмоциональном климате, интересах и пристрастиях английских горожан второй половины XVII в.

Ключевые слова: эпоха Реставрации в Англии, культурные запросы, развлечения, техника, наука.

Cultural and Intellectual Life of an English City of an Epoch of Restoration in Perception of Contemporaries

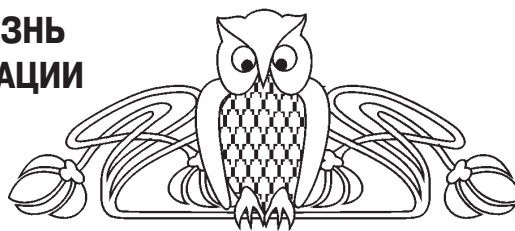
T. V. Mosolkina

In article there is a speech about level of cultural requirements of Englishmen of an epoch of Restoration, about an emotional climate, interests and predilections of English townspeople of second half XVII century.

Key words: Restoration epoch in England, cultural requirements, entertainments, technics, a science.

После смерти О. Кромвеля в 1658 г. перед Англией встал вопрос, как жить дальше. Протектор не оставил после себя в стране прочного режима и стабильной ситуации. Из-за упадка промышленности, отчасти связанного с войной с Испанией из-за неурожаев и голода, вызванных ими, недовольство испытывали все. Растущие налоги это недовольство лишь усиливали. Ни буржуазия, ни дворянство не могли полностью контролировать страну, в результате чего реальная власть оказалась в руках у верхушки армии¹. Поэтому неудивительно, что именно генерал Монк, командующий английскими войсками в Шотландии в начале 1660 г., распускает парламент и начинает переговоры с принцем Карлом, сыном казненного короля Карла I.

Чтобы получить назад престол, принц Карл вынужден был подписать «Бредскую декларацию», обещая быть «добрым» королем – даровать амнистию участникам мятежа (кроме тех, кто приговорил к смерти его отца), и главное, провозгласить веротерпимость и неприкосновенность сложившихся имущественных отношений. В итоге в Англии была восстановлена монархия и новый король Карл II вместе со своим двором вернулся из Франции, где пребывал в изгнании². Вместе с ним вернулись привыкшие к паразитическому образу жизни его сторонники-роялисты. После возвращения на престол Карла II Стюарта власть в стране перешла из рук бережливых и набожных пуритан в руки бездельников и мо-

тов. Лондон, по свидетельству современников, превратился в центр безудержных развлечений, безнравственных и весьма расточительных. И прежде всего это относится к новому королю и его придворным, для которых главным смыслом жизни стала жажда наслаждений и развлечений. Это очень хорошо прослеживается по свидетельствам мемуаристов, например Дж. Эвелина и С. Пипса. В их дневниках мы находим интересные замечания по поводу уровня культурных запросов англичан второй половины XVII в., об эмоциональном климате в городе, интересах и пристрастиях их современников³.

Создается впечатление, что для лондонцев стремление к развлечениям превращается в манию и при дворе только тем и занимаются, что танцуют, смотрят и ставят пьесы, слушают музыку. Джон Эвелин, который был убежденным сторонником монархии и даже уехал из Англии в период господства Кромвеля, в своих дневниках рисует впечатляющую картину. Прочитываем лишь несколько записей, сделанных в разные годы: «Я смотрел Маски, представлявшие при дворе шестью джентльменами и шестью леди, ... это было Сретенье господне» (1665)⁴; «Этим вечером я слушал замечательные итальянские голоса двух евнухов и одной женщины в зеленой спальне его величества, рядом с его кабинетом» (1667)⁵. Почти сразу после этого он записывает: «Я смотрел комедию, разыгрывавшуюся при дворе» (1667)⁶. В феврале 1668 г. он пишет: «Я смотрел трагедию “Гораций” (написанную целомудренной миссис Филипс), игравшуюся перед их величествами. Между каждым актом – маски и античные танцы»⁷. Потом следует запись: «Я смотрел большой бал, который танцевали королева и знатные леди в Театре Уайтхолла. На следующий день здесь была разыграна знаменитая пьеса, называвшаяся “Осада Гранады”⁸; играли два дня подряд»⁹. Часто в театральных постановках принимали участие и члены королевской семьи. В декабре 1674 г. Эвелин пишет: «Смотрел ночью комедию при дворе, исполнявшуюся только леди, среди них леди Мэри и Энн, две дочери их королевских высочеств»¹⁰. Уровень придворных постановок часто был очень невысок. «Отправился посмотреть нелепый фарс и рапсод герцога Бекингема под названием “Концерт”, фиглярствовавшего всю пьесу, еще непристойно

вдобавок», – пишет Эвелин¹¹. В итоге в 1671 г. он, сам человек спокойный и уравновешенный, записывает: «Этой ночью я остановился в Нью-маркете, где нашел веселых соревнующихся, танцующих, празднующих и пирующих, более похожих на блестящую и распущенную пирушку, чем на христианский двор»¹².

Театр стал любимым развлечением верхушки общества. Хотя правильнее было бы сказать, снова стал, поскольку во времена Кромвеля специальным указом парламента театральные постановки были запрещены, ибо считались рассадником порока и безнравственности. Горожане перестали посещать театр, что было немислимо во времена Шекспира, но после возвращения Стюартов он стал восстанавливаться. Правда, за большой промежуток времени был открыт лишь один Королевский театр Друри-Лейн, да это и не удивительно, так как посещали его прежде всего аристократия и придворные. Благочестивые горожане театра избегали из-за репертуара, который отличался пошлостью и извращенным вкусом. Неслучайно наибольшим успехом пользовалась пьеса Уичерли «Деревенская женщина», в которой представлены различные уловки для соблазнения женщин. Трудно было ожидать, что приверженцы англиканской церкви (не говоря уж о пуританах) найдут подобные пьесы достойным развлечением. Постепенно пошлые пьесы Уичерли вышли из моды, но на это понадобилась жизнь целого поколения. Даже после того как возобновились пьесы Шекспира и Бена Джонсона, появились поэтические драмы Драйдена, настороженное отношение к театру у англичан осталось¹³.

Гораздо сильнее театра широкие слои англичан привлекали другие формы проведения досуга. Например, среди прочих развлечений особый интерес и азарт вызывала такая жестокая забава, как травля зверей. Конечно, к «культурным» развлечениям отнести это трудно, но в рассматриваемое время популярность подобных зрелищ была весьма велика. В специально отведенных местах организовывались петушиные и собачьи бои, травля медведей и быков. Зрелище, которым наслаждались зрители, несомненно, было очень жестоким и кровавым. 16 июня 1670 г. Д. Эвелин записывает: «Я отправился с некоторыми друзьями в Медвежий парк (Bear Garden), где проводились петушиный бой, собачий бой, травля медведя и быка. Это был знаменитый день для всех этих жестоких развлечений или, скорее, варварской безжалостности. Быки исполняли роль чрезвычайно хорошо, однако ирландские волкодавы, которые были необычайно быстроходны, превосходили их; действительно величественное животное, которое побеждало безжалостного мастифа. Один из быков швырнул собаку прямо на колени леди, хотя она сидела в одной из лож на значительной высоте от арены. Две бедные собаки были убиты, и, наконец, все закончилось обезьяной верхом на лошади. И я совершенно устал от

грубого и низменного развлечения, которого я не наблюдал, думаю, уже в течение двадцати лет»¹⁴.

О характере эпохи говорит и страсть англичан к азартным играм – картам, костям, бильярду. Это был не просто способ провести досуг – во время игры большие деньги переходили из рук в руки, иногда проигрывались целые состояния. В январе 1668 г. Д. Эвелин наблюдал при дворе «грандиозную игру» и «груды золота, промотанные в тщеславной и расточительной манере»¹⁵. Редко игра в карты или кости обходилась «без шума, ругани, ссор или беспорядков какого-нибудь сорта»¹⁶, это было чем-то необычным, вызывавшим удивление.

Ужасы гражданской войны приучили людей спокойно смотреть на страдания других существ и даже получать от этого удовольствие. В октябре 1660 г. С. Пипс отправился на Чаринг-Кросс посмотреть казнь члена Верховного судебного трибунала, судившего Карла I, генерал-майора парламентской армии Томаса Гаррисона. Его должны были повесить, распять и четвертовать. Когда после казни зрителям продемонстрировали его голову и сердце, «толпа издала радостный вопль»¹⁷. Сам факт мучительной казни такого известного человека ни у кого не вызывал удивления – в «Бредской декларации» Карл II специально оговорил это условие. Интересно, что после такого ужасного зрелища С. Пипс с друзьями спокойно отправился в таверну, чтобы поест устриц¹⁸.

Кроме жажды развлечений страну обуряла строительная лихорадка. Стремление перестраивать и строить здания можно было бы объяснить тем, что в 1666 г. Лондон пострадал от страшного пожара. Но строительный бум отмечался по всей стране. Причем все дома перестраивались и возводились с необычайной роскошью. Д. Эвелин описывает дома своих приятелей, знакомых и знатных лиц в разных городах Англии и повсюду отмечает стремление к роскоши: комнаты дворца герцога Норфолка обшиты деревянными панелями из кедра, тиса, кипариса; кедровая столовая шерифа Лондона Роберта Клейтона в его новом доме расписана фресками из истории войны титанов¹⁹. Навестив графиню Арлингтон, одну из придворных дам королевы, Эвелин пишет: «Она провела нас наверх в свою новую уборную, где была кровать, два зеркала, серебряные кувшины и вазы, шкатулки и другие такие же богатые предметы, какие я редко видел; в этом обилии излишества мы теперь пребываем, и это не только при дворе, но почти повсеместно, даже до распутства и расточительности»²⁰.

Хотя культурная атмосфера эпохи Реставрации не отличалась особой утонченностью, рассматриваемое время характеризовалось и другими тенденциями. Это было время первой научной революции, которую историки науки считают самой значительной из всех последующих научных революций. Так, Джеймс Джейкоб считает ее самым важным преобразованием в современной истории, призванным «создать новый материал»

ный и моральный порядок»²¹. Такого же мнения придерживается и Гельмут Кёнигсбергер: «По силе интеллектуального и эмоционального воздействия научная революция XVII в. представляла собой уникальное явление, с которым не может соперничать ни одна последующая “научная революция”...»²².

В рассматриваемый период в разных отраслях промышленности Англии – горнодобывающей, металлургической, текстильной – стали появляться новые механизмы и устройства. А быстро развивающаяся техника стимулировала научные исследования. Особое внимание привлекала механика как наиболее тесно связанная с техникой. Кроме того, образованные люди, которые до Реформации занялись бы изучением теологии, теперь предпочитали изучать естественные науки, которые не грозили разрушением мира и спокойствия, как религиозные споры.

В первый год Реставрации в Англии было основано научное общество для развития знаний о природе. Петиция о преобразовании общества в корпорацию со своим уставом была подана еще в сентябре 1661 г.²³ В 1662 г. Карл II присвоил ему наименование «Королевское общество»²⁴.

В рассматриваемый период в Англии очень успешно развивались оптика и механика. Именно в это время в английских лабораториях работали Роберт Гук, Исаак Ньютон, Роберт Бойль. Их исследования привлекали пристальное внимание образованных людей. Так, Д. Эвелин гордится знакомством с Робертом Бойлем и интересуется исследованиями, которые проводят члены Королевского общества²⁵.

В XVII в. происходят изменения в мировоззрении англичан. Представление о природе и человеке все более опирается «на зрение, а не на умозрение»²⁶. Поэтому такой популярностью пользуются эксперименты, в том числе и публичные, в присутствии многих людей, которые могут подтвердить результаты эксперимента. Самое большое количество зрителей собирали анатомические театры. Люди приходили на вскрытие в прямом смысле как на спектакль. В феврале 1663 г. С. Пипс сделал запись в дневнике: «Часов в одиннадцать утра специальный уполномоченный Петт и я – в Клуб хирургов (нас туда пригласили, пообещав накормить обедом), где нас провели в зал, куда вскоре явился лектор, доктор Терн, в окружении учителей и студентов. Когда все сели, приступил к своей лекции, второй по счету, о почках, мочеточнике и половых органах. По окончании этой весьма поучительной лекции направились в здание клуба, где был накрыт превосходный ужин; ... После ужина доктор Скарборо повел нескольких своих друзей (а с ними и меня) посмотреть на покойника, здорового малого, моряка, которого повесили за грабеж. Из покойницей – в отдельную комнату, где, насколько я понял, препарировали тела; там: почки, мочеточники, половые органы, камни, семенные канатики

– все то, о чем читалась сегодняшняя лекция»²⁷. Д. Эвелин, также очень далекий от медицины человек, с любопытством наблюдает за работой хирургов. В марте 1672 г. он пишет: «Я смотрел, как хирург отрезал ногу раненому моряку, отважному и храброму человеку, переносившему это с невероятным терпением, без привязывания его к креслу, как обычно в таких мучительных случаях. У меня едва хватило мужества присутствовать. Не отрезали достаточно высоко, чтобы одолеть гангрену, и вторая операция стоила бедному человеку жизни»²⁸. Опыты проводились самые разнообразные. В 1665 г. С. Пипс после беседы со знаменитым Уильямом Петти, который считается родоначальником политической экономии, отправился в Грешем-колледж, «где видел, как чуть было не умертвили котенка (умертвлять его, собственно, никто не собирался), выкачав воздух из сосуда, куда его посадили; когда же сосуд вновь наполнили воздухом, котенок тут же ожил»²⁹.

Тем не менее нужно отметить, что в результате таких жестоких, на взгляд современного человека, опытов над животными и проверки их на людях были сделаны важные открытия в области медицины. Так, Уильям Гарвей открыл, что кровь в теле человека циркулирует по замкнутому кругу благодаря работе сердца, а не печени, как предполагали раньше. Подобный эксперимент наблюдал С. Пипс: «...кровь одной собаки переливали (пока она не издохла) другой, лежавшей рядом, собственную же кровь второй собаки слили тем временем на землю. Первая собака умерла на месте, другая же чувствует себя отлично и, по всей вероятности, будет чувствовать себя так же хорошо и в дальнейшем»³⁰. С присущим ему юмором он замечает: «Этот эксперимент навел меня на мысль о том, что не худо было бы перелить кровь квакера архиепископу и так далее. Как замечает доктор Крун, плохую кровь можно улучшить, позаимствовав здоровую, что является огромным подспорьем для поддержания человеческой жизни»³¹.

Далекие от ремесла и промышленности люди проявляли интерес к техническим изобретениям. Д. Эвелин в мае 1661 г. пишет, что осматривал «превосходную машину для вязания шелковых чулок»³², в июле этого же года появляется запись в дневнике: «Мы испытывали наш водолазный колокол (Diving Bell) в доке Дептфорда, в котором наш член правления (Curator) продержался полчаса под водой»³³. В сентябре 1668 г. он с энтузиазмом «отправился посмотреть проект сэра Элиаса Лайтона повозки с железной осью»³⁴.

Такой интерес не был случайным. Во второй половине XVII в. в Англии происходило интенсивное накопление капитала. Английский экономист и статистик конца XVII в. Чарлз Девенант подсчитал, что за 1660–1688 гг. английская промышленность и торговля, а вместе с этим и тоннаж английского морского флота выросли более чем

вдвое. Такого быстрого экономического развития Англия ранее никогда еще не знала.

Хотя поздние Стюарты и их сторонники вынуждены были приспособляться к капиталистическому развитию страны и считаться с интересами буржуазии, они все же недостаточно учитывали особенности послереволюционной Англии. Королевская политика не обеспечивала в полной мере защиты экономических интересов английской буржуазии и нового дворянства. Стремление Стюартов править помимо парламента, опираясь на поддержку внешних сил – Франции и католической церкви, к которой Стюарты всегда были ближе, чем к протестантизму, – в конце концов привело к новому конфликту между правительством, с одной стороны, и буржуазией и джентри – с другой.

Таким образом, можно заметить что Реставрация была очень противоречивым периодом в истории Англии. И хотя правление поздних Стюартов длилось 28 лет, оно не могло вернуть страну к старым порядкам.

Примечания

- 1 См.: *Hutton R.* The Restoration : A Political and Religious history of England and Wales, 1658–1667. Oxford ; N. Y., 1987.
- 2 См.: *Seaward P.* The Cavalier Parliament and the reconstruction of the Old Regime, 1661–1667. Cambridge, 1989.
- 3 См.: *Evelyn J.* The Diary of John Evelyn / ed. by W. Bray. L., 1901. V. I–II ; *Idem.* The Diary of John Evelyn, esq., F. R. S. From 1641 to 1705–6. With Memoir. L., 1890 ; *Pepys S.* The Diary of Samuel Pepys. A new and complete transcription edited by R. Lattam and W. Matthews. L., 1971. Vol. I–III ; *Punc C.* Домой, ужинать и в постель. Из Дневника / вступ. ст., сост., пер. с англ., именной указатель и прим. А. Ливерганта. М., 2001.
- 4 *Evelyn J.* The Diary of John Evelyn. Vol. II. P. 2.
- 5 *Ibid.* P. 29–30.
- 6 *Ibid.* P. 30.
- 7 *Ibid.* P. 41.
- 8 Эвелин имеет в виду пьесу Драйдена «Завоевание Гранады».
- 9 *Evelyn J.* The Diary of John Evelyn. Vol. II. P. 62.
- 10 Речь идет о дочерях Якова, брата Карла II – будущих королевах Англии. (*Ibid.* P. 99).
- 11 *Ibid.* P. 74.
- 12 *Ibid.* P. 74.
- 13 См.: *Мокульский С.* История западноевропейского театра. М., 1936 ; *Ступников И.* Английский театр. Конец XVII – начало XVIII века. Л., 1986.
- 14 *Evelyn J.* Op. cit. Vol. II. P. 53–54.
- 15 *Ibid.* P. 41.
- 16 *Ibid.* P. 71.
- 17 *Pepys S.* Op. cit. Vol. I. P. 265.
- 18 *Ibidem.*
- 19 См.: *Evelyn J.* Op. cit. Vol. II. P. 85, 124.
- 20 *Ibid.* P. 88.
- 21 *Jacob J. R.* The Scientific Revolution : Aspirations and Achievements, 1500–1700. N. Y., 1998. P. XVII.
- 22 *Кёнигсбергер Г.* Европа раннего нового времени. 1500–1789. М., 2006. С. 226.
- 23 См.: *Evelyn J.* The Diary of John Evelyn, esq., F. R. S. From 1641 to 1705–6. With Memoir. L., 1890. P. 278.
- 24 *Ibid.* P. 286, 287. Уже в 1667 г. была опубликована «История Королевского общества», написанная Томасом Спрэтом: *Sprat T.* The History of the Royal Society. St. Louis, 1957.
- 25 См.: *Evelyn J.* Op. cit. P. 247.
- 26 *Трубников Н. Н.* Время человеческого бытия. М., 1981. С. 81.
- 27 *Punc C.* Домой, ужинать и в постель. С. 71.
- 28 *Evelyn J.* The Diary of John Evelyn. Vol. II. P. 78.
- 29 *Punc C.* Домой, ужинать и в постель. С. 73.
- 30 Там же. С. 75.
- 31 Там же.
- 32 *Evelyn J.* The Diary of John Evelyn, esq., F. R. S. From 1641 to 1705–6. P. 275.
- 33 *Ibid.* P. 277.
- 34 *Evelyn J.* The Diary of John Evelyn. Vol. II. P. 43.

УДК 94(430).053+929 Фридрих II

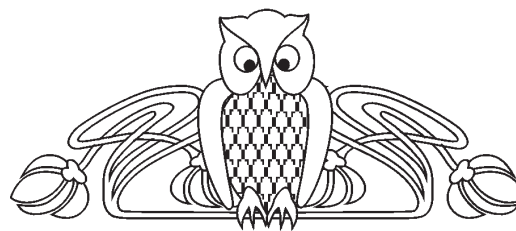
ГОРОДСКАЯ ПОЛИТИКА ФРИДРИХА II

С. А. Нагодкина

Саратовский государственный университет
E-mail: nagodkinasvetlana@yandex.ru

В статье анализируется городская политика прусского короля Фридриха II, определяются ее направления. Автор приходит к выводу, что основной составляющей этой политики были привлечение в города иммигрантов – специалистов, необходимых для развития экономики, – и перестройка старых деревянных зданий для обеспечения противопожарной безопасности городов.

Ключевые слова: город, Фридрих II, городская колонизация, строительство, противопожарные мероприятия.

Urban Policy Of Frederick II

S. A. Nagodkina

The article examines urban policy of Prussian king Frederick II and determines the direction of his actions. The author makes a conclusion that the main components of Frederick's II policy were attraction of immigrants-professionals to the city and fire-safety security.

Key words: city, Frederick II, city colonization, building, fire-prevention actions.

Фридрих II как представитель меркантилистской политики стремился к развитию промышленных и торговых центров в своем государстве, чтобы не вывозить средства в другие страны для покупки необходимых товаров. Поэтому города в роли таких центров занимали особое место в деятельности прусского короля. Возможно даже выделить в государственной деятельности Фридриха II собственно городскую политику, при изучении которой представляется важным определить отношение короля к городскому управлению и выявить основные направления его деятельности в отношении городов.

В своем «Политическом завещании 1752 г.» Фридрих II писал о городах и горожанах: «Городам старых провинций я сохранил свободу выбирать самим магистрат, а мне вмешиваться в эти выборы только в случае злоупотребления, когда одни городские семьи в ущерб другим возьмут всю власть в свои руки. В Силезии я лишил их избирательного права, чтобы выборные должности не смогли занять сторонники Австрийского дома. Со временем, после смерти нынешнего поколения, можно будет спокойно вернуть силезцам их избирательное право»¹. Силезию Фридрих II приобрел в результате войны за австрийское наследство, поэтому его опасения относительно того, что к городскому управлению могли прийти сторонники прежней династии, кажутся весьма логичными, хотя и указывают на отсутствие уверенности в прочности своей власти на новой территории. Вместе с тем намерение вернуть избирательное право новой провинции, когда для этого появятся условия, свидетельствует о приверженности короля традиционному способу городского управления. Хотя Фридрих II и пишет о свободном для горожан выборе магистрата, необходимо отметить, что зависимость от королевской власти была весьма ощутимой. В инструкции о назначении тайного финансового советника Михиэлиса на должность действительного государственного министра Генерал-директории и департамента, в ведомстве которого находилось управление Курмарком, значилось: «... что касается городов, то необходимо следить за полицией, а также за тем, чтобы бургомистр и магистрат не тиранили горожан и жителей, а напротив, чтобы каждый мог найти у них защиту»².

Интересен тот факт, что солдаты – выходцы из крестьян после службы в армии могли не вернуться к своему крепостному состоянию в том случае, если они изъявляли желание поселиться в городе и стать горожанами. Причем такая практика не была изобретена Фридрихом II, а применялась еще его отцом. Так, Фридрих II писал: «Еще мой отец много лет назад постановил, что если крепостной продолжительное время служил отечеству в качестве военного, а после увольнения

решил поселиться в городе, то он мог получить свободу без уплаты выкупа своему прежнему господину <...> За время моего правления уже имелись различные примеры такой же практики. Считаю также, что было бы очень жестоко, если бы человек, служивший и рисквавший своей жизнью и здоровьем, не имел бы достаточно свободы, чтобы улучшить свое положение, а был вынужден вернуться в рабство крепостной зависимости»³. Таким образом, Фридрих II, следуя политике своего отца и предшественника, разрешал бывшим крепостным крестьянам пополнять численность городских жителей. При этом переход в статус горожанина король рассматривал как своего рода привилегию, которая предоставлялась за верную службу. Предполагать, что такая политика была обусловлена желанием увеличить число ремесленников в городах, о недостатке которых король часто писал, представляется маловероятным, поскольку число таких солдат, ставших горожанами, не могло быть очень большим. Это признавал и Фридрих II: «Дворяне из-за этого не могут потерять много, поскольку прошлое крепостное состояние редко давало им [крепостным] возможность достаточно выучиться, чтобы после суметь себя прокормить в качестве ремесленника в городе»⁴.

Основным средством, позволявшим восполнять недостаток специалистов в городе, была колонизационная политика, проводимая особенно интенсивно в Западной Пруссии, поскольку в этой провинции у нее была еще одна важная функция – увеличение численности немецкоязычного населения по сравнению с местным польским. Иммигранты не основывали новых городов, они селились почти в каждом существующем городе. В Эльбинге обосновалось 132 колонистские семьи, в Кульме – 92, в Мариенвердере – 56, в Грауденце – 45, Мариенбурге – 39, Шидлице – 29⁵ и т. д.

Примечательно, что Фридрих II стремился привлечь в качестве колонистов на свои земли представителей определенных профессий. В инструкциях и указаниях, которые он давал чиновникам и местным органам государственного управления, говорилось о необходимости составления списка тех профессий, представителей которых в городах не хватает. Агентам, вербовавшим колонистов, также рассылались указания, содержащие сведения о том, на кого следует обратить внимание. Так, агенту во Франкфурте-на-Майне в 1769 г. король писал: «Крестьянские семьи больше не присылайте, сейчас нам нужны прядильщики и другие ремесленники»⁶. В инструкции директору палаты в Западной Пруссии ф. Гауди от 7 июня 1775 г. оговаривалась его обязанность составить список имеющихся в тамошних городах ремесленников и при этом определить, каких и где не хватает, чтобы недостающих привлечь и поселить там⁷. Ремесленники и специалисты призваны были способствовать развитию городов, росту промышленного производства и торговли. Они должны были производить товары не только для

нужд городских жителей. Их задачей было способствовать развитию обмена продукцией между городом и деревней. Фридрих II уделял внимание в этом смысле не только большим городам и старым торговым центрам, но и развитию небольших городских поселений. Так, король писал президенту палаты Померании ф. Ашерслебену о том, что в Померании не хватает торговых центров и он считает городок Наугартен наиболее удобным для организации такого торгового обмена. Вместе с тем крестьянину необходимо будет что-то предложить за его продукты, а потому король считал необходимым «основать в городе производство товаров, которые могли бы быть полезны крестьянам»⁸, чтобы происходил взаимообмен. Президента палаты Фридрих II обязал обдумать, какие фабрики и мануфактуры будет разумно основать в городе⁹. Также король писал о необходимости развивать в малых городах Померании мануфактурное производство, и прежде всего производство шерстяных тканей¹⁰. Городским колонистам, как и сельским, предоставлялись средства для переезда, право не платить таможенную пошлину на провозимое имущество, помощь в постройке дома и свобода от уплаты налогов на срок от 2 до 15 лет¹¹.

В городах, кроме ремесла и торговли, сохранялось земледелие. Особенно это было характерно для небольших городов. Так, в уже упоминавшейся инструкции о назначении тайного финансового советника Михизлиса на должность действительного государственного министра Генерал-директории говорится о малых городах, в которых имеются и пашня, и ремесленники¹². В распоряжении от 17 декабря 1775 г., адресованном Генерал-директории, король писал о том, что в мелких городах жители плохо обрабатывают землю и это происходит от недостаточных знаний, а потому «каждый магистрат города, имеющего пашни, обязан иметь умного и опытного специалиста, который смог бы давать указания относительно обработки земли и сумел бы научить жителей грамотному ведению хозяйства»¹³. Таким образом, несмотря на стремление короля к развитию городов как центров ремесла и торгового обмена, Фридрих II признавал неизбежность сохранения в городках сельскохозяйственных занятий и даже способствовал их сохранению и развитию.

Важным направлением в политике Фридриха II было благоустройство городов, в частности стремление повысить их противопожарную безопасность. В предписаниях короля часто встречаются указания, касающиеся особенностей строительства домов с точки зрения предупреждения распространения пожаров. В частности, король писал о необходимости замены в городах гонтовых крыш на черепичные. Так, 11 августа 1749 г. генерал-майору Шульце Фридрих II указывал, что «пожар в пригороде снова причинил большие несчастья, и это не прекратится в городах Силезии, пока дома там кроют опасной гонтовой крышей. Вместо нее следует использовать черепицу»¹⁴.

Король признавал, что такая крыша будет дороже, но, как он писал, «это не идет ни в какое сравнение с тем ущербом, какое собственник жилья потерпит в случае даже небольшого пожара, ведь гонтовые крыши распространяют огонь по всей улице и дома сгорят дотла»¹⁵. И потому Фридрих II приказывал приступить к изготовлению и использованию черепицы¹⁶.

Вместе с тем король стремился регулировать цены на безопасные, но дорогие строительные материалы. 12 сентября 1751 г. он писал в Генерал-директорию: «Цены на кирпич завышены, что в условиях большихстроек в Берлине и Потсдаме заставляет людей переплачивать или даже отказываться от строительства <...> Потому Генерал-директория должна определить расценки на материалы <...> чтобы строительство не страдало от завышенных цен»¹⁷.

Также король предписал тех помощников плотников и каменщиков, которые работают летом в Берлине, а зимой уезжают к себе на родину, в другие государства, поселить перед городскими воротами. Это решение отчасти объяснялось меркантилистскими взглядами Фридриха II, поскольку такие специалисты увозили с собой из государства деньги, заработанные на стройках. По мнению короля, для их размещения лучше всего подходила «территория перед Гамбургскими воротами в месте, где сейчас стоит виселица, последнюю можно перенести и поставить по дороге в Руппин на холме»¹⁸. Это пространство, как писал Фридрих II, следовало «разделить на кварталы и улицы, и построить там небольшие дома, разбить сады и выделить каждому небольшой участок»¹⁹. В Потсдаме король уже начал проводить политику по заселению пригорода такими специалистами. Каменщики и плотники, которых предполагалось поселить перед воротами Гамбурга, по замыслу короля, зимой могли бы заниматься прядением или другим делом. Этот квартал Фридрих II предполагал освободить от налогов²⁰. Генерал-лейтенанту графу Гаке и тайному советнику Кирхайзену, которым король адресовал это распоряжение, следовало составить подробный план реализации этого проекта.

Фридрих II заботился и о застройке небольших городов. Так, он писал президенту палаты Грёбену о необходимости строительства на пустующих местах в городе Бернау домов, причем речь шла о строительстве домов из кирпича. Президенту палаты предлагалось рассчитать, сколько всего их нужно построить и определить стоимость материалов и работы. В новые дома предполагалось вселить ремесленников, чтобы таким образом «изменить вид Бернау не только строительством»²¹.

Известно и другое постановление короля, адресованное магистрату Берлина. В нем говорится о дарении домов, заново отстроенных за счет короля, собственникам земли, на которой эти дома были возведены: «Дома будут принадлежать

им, и никто не имеет права требовать с них хоть малейшую компенсацию за строительство»²². Вероятно, речь идет о восстановлении пострадавшего от пожара жилого массива. Магистрату Берлина предписывалось составить и передать владельцам домов письма о дарении с подписью магистрата и городской печатью.

17 июня 1786 г. король писал тайному финансовому советнику Шутцу: «Моя воля состоит в том, чтобы заново отстроить дома в городах Штаргарде, Ландсберге и Зольдине с выделенными на то 150 тыс. талеров, причем строить надлежит из камня с целью дальнейшего предупреждения пожаров. Присланный Вами план, предполагающий строительство из фахверка, никуда не годится <...> Вам следует исправить этот план, и снова выслать мне. Я вообще не хочу строить новые дома из дерева»²³. Но кирпичные дома обходились слишком дорого и поэтому приходилось выборочно заменять ими деревянную застройку. Так, Фридрих II предлагал снести в Штаргарде дома, находящиеся далеко от воды, и на их месте построить новые, но уже не деревянные. В Ландсберге следовало, по его мнению, строить угловые дома из камня, чтобы в случае пожара пламя не распространялось дальше. И, само собой, у новых домов должны были быть черепичные крыши. «В Зольдине также нужно на месте очень плохих домов строить новые и крыть их черепичной крышей...»²⁴, – писал Фридрих II. Часть средств предполагалось использовать для ремонта пожароопасных домов бедных горожан. Чтобы защитить дома, король приказывал строить противопожарные стены-брандмауэры. На ремонт деревянных домов можно было использовать только средства, оставшиеся после строительства каменных²⁵.

Таким образом, приоритетным было строительство безопасных кирпичных домов. Но ограниченность выделяемых средств позволяла лишь частично заменить деревянную застройку кирпичной, поэтому правительству приходилось особо планировать размещение новых безопасных домов, чтобы снизить возможность распространения пожаров. Застраивать новыми домами предполагалось и другие, не пострадавшие от пожаров города, но несколько позже. Вероятно, и это было связано с недостатком средств. Так, 19 ноября 1783 г. король писал: «Необходимо будет застроить пустые места в Райхенбахе, я планирую сделать это со временем, но не в следующем году, так как сейчас я приказываю отстраивать крепости и сгоревшие города»²⁶.

Кроме пожарной безопасности король при строительстве новых домов призывал учитывать и другие факторы. Так, в инструкции министру ф. Хойму, от 4 мая 1779 г., содержащей указания по восстановлению Силезии, Фридрих II писал, что в случае роста производства в Грюнеберге и, как следствие, увеличения численности работников необходимо будет «построить дома на скверной

песчаной почве <...> там, где почва не ценная и ни на что негодная. Если строить дома на хорошей почве, то это может навредить, так как хорошая земля дороже»²⁷. То есть король не хотел занимать под строительство плодородные земли, годные для земледелия.

Итак, Фридрих II сохранил традиционное городское управление. Важнейшими направлениями городской политики прусского короля были колонизация, призванная решить проблему нехватки необходимых для промышленности специалистов, и перестройка городов, отчасти вызванная реализацией первого направления, поскольку работников-иммигрантов следовало обеспечить жильем. Новые дома, которые король приказывал строить только из кирпича и камня, а для крыш использовать только черепицу, должны были заменить старые, пожароопасные и тем самым сократить ущерб от часто случавшихся и таких опасных в условиях деревянной застройки пожаров. С одной стороны, выборочная, даже точечная застройка каменными домами свидетельствует о недостатке средств для окончательного решения проблемы, а с другой стороны, само размещение новых безопасных домов указывает на продуманную схему создания своего рода щитов от распространения пожаров.

Примечания

- 1 Das Politische Testament von 1752 // *Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte der Neuzeit* : 40 Bde. B. XXII. Friedrich der Grosse. Darmstadt, 1982. S. 198.
- 2 *Preussens Könige in ihrer Thätigkeit für die Landes-cultur*. Friedrich der Grosse. Leipzig : Verlag von S. Hirzel, 1882. S. 513.
- 3 *Ibid.* S. 316.
- 4 *Ibidem.*
- 5 См.: *Beheim-Schwarzbach M.* Hohenzollernsche Colonisationen. Ein Beitrag zu der Geschichte der preussischen Staates und der Colonisation der östlichen Deutschlands. Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1874. S. 424.
- 6 *Preussens Könige in ihrer Thätigkeit für die Landes-cultur*. Friedrich der Grosse. S. 16.
- 7 *Ibid.* S. 409.
- 8 *Ibid.* S. 294.
- 9 *Ibidem.*
- 10 *Ibid.* S. 495–497.
- 11 См.: *Schmoller G.* Umriss und Untersuchungen zur Verfassungs-, Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte besonders des Preussischen Staates im 17 und 18 Jahrhundert. Leipzig : Verlag von Duncker & Humblot, 1898. S. 613.
- 12 См.: *Preussens Könige in ihrer Thätigkeit für die Landes-cultur*. Friedrich der Grosse. S. 513.
- 13 *Ibid.* S. 429.
- 14 *Ibid.* S. 287.
- 15 *Ibid.* S. 287–288.
- 16 *Ibid.* S. 288.
- 17 *Ibid.* S. 301.

¹⁸ Preussens Könige in ihrer Thätigkeit für die Landescultur. Friedrich der Grosse. S. 302.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid. S. 305.

²² Ibid. S. 384.

²³ Ibid. S. 650.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibid. S. 650–651.

²⁶ Ibid. S. 606–607.

²⁷ Ibid. S. 492.

УДК 353.2(47–12–21)|17|

ГОРОДА-КРЕПОСТИ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНОЙ РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

Р. Г. Буканова

Башкирский государственный университет, г. Уфа
E-mail: brg777.50@mail.ru

В статье предпринята попытка проследить связь между становлением и развитием городов-крепостей и управлением на юго-восточной окраине России в первой трети XVIII в. Реформы Петра I в области государственного управления коснулись и административно-территориального устройства Башкирии. В ходе губернской реформы 1708 г., в основу которой была положена сложившаяся урбанистическая система, впервые предпринимается попытка распространения на территорию Башкирии общей унифицированной системы управления. Однако вследствие пограничного положения и малочисленности городов как административных центров Башкирия до образования Оренбургской губернии продолжала сохранять исключительное положение в составе России.

Ключевые слова: юго-восток России, Казанская губерния, Башкирия, Уфимский уезд, Уфимская провинция, губернская реформа, города-крепости, Пётр I, Оренбургская губерния.

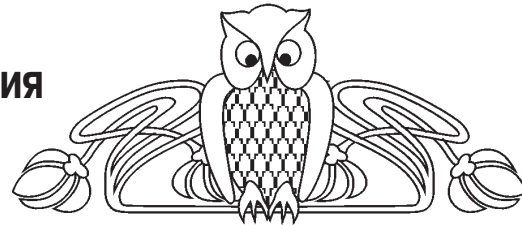
City-fortress in the System Management of South-eastern Edge of Russia in the VIII Century

R. G. Bukanova

In the article the attempt to trace link between formation and development of the cities of fortresses and management of the southeast suburb of Russia during of the XVIII century is undertaken. Peter the Great reforms touched the field of a state policy and the administrative-territorial structure of Bashkiriya. The distribution attempt of the general, unified control system on the territory of Bashkiriya was undertaken for the first time during provincial reform in 1708 which is based on the developed urbanistic system. However, due to the border situation and the small number of towns as administrative centers, Bashkiriya before the formation of Orenburg Province continued to maintain a unique position as a part of Russia.

Key words: southeast of Russia, Kazan province, Bashkiriya, Ufa district, Ufa province, provincial reform, city-fortress, Peter the Great, Orenburg province.

Строительство городов-крепостей на окраинах страны являлось важнейшей частью государственной политики России в XVIII в. Выход на международную арену, необходимость укрепления административно-управленческой

и торгово-промышленной функций городов повлекли за собой изменения в сфере городского управления. Это выразилось в проведении на протяжении XVIII столетия ряда реформ, которые должны были способствовать дальнейшему подъему городов – оживлению торгово-промышленной деятельности посадского населения, освобождению купечества от мелочной опеки со стороны царской администрации и развитию городского самоуправления. Попытка изменить систему управления городами на юго-восточной окраине страны непременно затрагивала интересы всего региона. Поэтому становление городов здесь было непосредственно связано с административно-территориальным переустройством края и формированием новых органов власти на местах.

В данной статье предпринята попытка проследить связь между становлением и развитием городов-крепостей и управлением на юго-восточной окраине России в XVIII в. Реформы Петра Великого в области государственного управления коснулись и административно-территориального устройства Башкирии, которая в силу как особых, непринудительных условий присоединения к России, так и пограничного положения длительное время продолжала оставаться относительно самостоятельной частью страны. Именно при Петре I впервые предпринимается попытка распространения на территорию Башкирии общей унифицированной системы управления.

В основу губернской реформы 1708 г. была положена сложившаяся урбанистическая система, определившая структуру органов местного самоуправления. Петровским указом от 18 декабря 1708 г. все города, удаленные более чем на 100 верст от Москвы, были расписаны по 8 губерниям: Московской, Ингерманландской, Киевской, Смоленской, Архангелогородской, Казанской, Азовской и Сибирской¹. Каждый город в губернии имел свой уезд.

Губернии и уезды, которые напрямую зависели от наличия городов, были неравнозначными – на практике оказалось, что губернии слишком велики и неудобны для управления. В связи с этим возникла необходимость введения промежуточного

деления между губернией и уездом – провинции. Попытка введения нового административного деления предпринималась еще в конце XVII в. – о провинции упоминалось в указе от 27 октября 1699 г. Однако только в 1719–1720 гг. деление на провинции стало общим для всей страны. Губернии были разделены на провинции, а провинции – на уезды. В основу будущего административно-территориального устройства Российской империи были положены элементы шведской системы управления, и провинция (ланд) стала основной единицей областного управления. Территориальное устройство было непосредственно «привязано» к городам, которыми управляли «в порубежных и знатных – генерал-губернатор и коменданты; а в других порубежных же – губернаторы и вице-губернаторы, обер-коменданты; во внутренних же провинциях – воеводы»².

Административно-территориальная реформа Петра I преследовала прежде всего следующие цели: укрепление аппарата государственной власти на местах, создание эффективной системы сбора налогов, расписание полков русской армии по губерниям для их содержания – словом, чтобы «о денежных сборах и о всяких делах присматриваться»³. Восемь губернаторств, по словам К. Валишевского, соответствовали отчасти старинным военным и финансовым округам⁴.

Важным принципом нового административно-территориального устройства явилась опора на служилую бюрократию. Губернаторы были наделены чрезвычайными полномочиями: каждый из них не только имел административные, полицейские, финансовые и судебные функции, но и являлся командующим всех войск, расположенных в подведомственной ему губернии. При этом в управлении национальными окраинами (Прибалтика, Левобережная Украина, Башкирия, частично Сибирь и др.) были сохранены некоторые особенности, в чем, по мнению ряда исследователей, проявилась политическая гибкость абсолютной монархии, старавшейся использовать в своих целях традиционные институты власти на местах⁵.

Петровским указом 1708 г. «Об учреждении губерний и о росписании к ним городов» все земли, управляемые приказом Казанского дворца, были отнесены к Казанской губернии. Всего к Казанской губернии было приписано 36 городов уездного значения с 34 подчиненными им «пригородами». Среди них числилась Уфа и приписанные к ней село Каракулино, Бирский и Соловарный городки⁶. Если учесть, что Соловарный городок был построен лишь в 1684 г. как острожек⁷ и вскоре прекратил свое существование, то на огромной территории Башкирии в петровское время фактически оставалось всего лишь 2 городских поселения – Уфа и Бирск. Мензелинская крепость и городок Оса, ранее находившиеся в составе Уфимского уезда, были приписаны к г. Казани.

Возможно, попытка изменить систему управления в Поволжье и Приуралье предпринималась до реформы 1708 г. По мнению историка Оренбургского края Н. Н. Чернавского, управление всей юго-восточной частью России с 1706 г. было сосредоточено в Казани, превратившейся в 1708 г. в губернский город. До того основная территория Башкирии входила в состав Уфимского уезда и находилась в непосредственном ведении приказа Казанского дворца. Как отмечал Н. Н. Чернавский, «Уфимская часть края с городами Уфою, Бирском, Мензелинском и Осою до 1706 года довольно бесконтрольно управлялась Уфимскими воеводами»⁸. Но и после 1708 г. в административном устройстве Башкирии продолжали существовать специфические черты: старое деление всей территории края на 4 дороги (Казанскую, Осинскую, Сибирскую и Ногайскую), а также более мелкие единицы внутри дорог – волости и аймаки.

Пограничное положение Башкирии и малочисленность городов не способствовали реализации на ее территории губернской реформы. Уфимская провинция, формально считавшаяся в составе Казанской губернии, продолжала сохранять особое положение. Ее статус окончательно оформился в 1728 г., когда уфимский воевода на правах губернатора был подчинен Сенату.

Следующий этап в административно-территориальном переустройстве Башкирии был связан деятельностью Оренбургской экспедиции (комиссии) в 1734–1743 гг. и массовым строительством городов-крепостей на ее территории. Первым начальником Оренбургской экспедиции И. К. Кириловым, который был наделен исключительными полномочиями, в центре и вдоль внешних границ Башкирии в общей сложности было заложено 18 крепостей⁹. Из них 10 крепостей к началу 1737 г. были в основном построены – это Оренбургская крепость на р. Орь (ныне г. Орск), Табынская, Озерная, Бузулуцкая, Красносамарская, Красноуфимская, Еддяцкая и Нагайбацкая крепости и две крепости в Зауралье – Чебаркульская и Миясская.

В мае 1737 г. после смерти И. К. Кирилова начальником Оренбургской комиссии был назначен В. Н. Татищев, который в 1720–1722 и 1734–1737 гг. занимал пост начальника Главного Правления Сибирских и Казанских казенных заводов в г. Екатеринбурге и хорошо знал обстановку в Башкирии.

Период деятельности В. Н. Татищева на посту главного командира Оренбургской комиссии оказался самым эффективным по своим политическим и социально-экономическим последствиям. По справедливому замечанию исследователя истории Оренбургского края В. Н. Витевского, «Татищев, хорошо уже знакомый с краем, поднял коллегиальное начало, слабо прилагавшееся к делу во времена Кирилова, и придал совершенно иной характер управлению Оренбургской комиссией»¹⁰. Его преобразования в сфере

административно-территориального устройства Башкирии, размещения и сооружения крепостей оказали огромное влияние на все последующее социально-политическое развитие Волго-Уральского региона.

В. Н. Татищев не только продолжил строительство городков, начатое при И. К. Кирилове, но и внес в него определенный порядок, подчинив строительство крепостей задачам управления краем и определив их административные функции. При нем были заложены и новые крепости: Тевкелев Брод, Переволока, а также Елшанская и Сорочинская – на р. Самаре; Татищева пристань, Бердская, Губерлинская – на р. Яике; Мочинская крепость в 20 верстах южнее г. Самары; Ставрополь на р. Волге для удержания калмыков за Волгой (это место ныне затоплено Волжским водохранилищем); построены Эткульская и Челябинская крепости в Зауралье.

В. Н. Татищевым было принято решение о переносе г. Оренбурга на новое, более удобное место. Выяснилось, что хотя И. К. Кирилов еще в 1736 г. доложил императрице Анне Иоанновне об окончании строительства Оренбурга, ничего в нем еще не было построено. В своем письме кабинет-министрам А. И. Остерману и А. М. Черкасскому В. Н. Татищев в августе 1737 г. писал: «Назначенное место ежегодно водою поднимает более аршина, а остается токмо сухое, где ныне крепостца – и то место самое малое. <... > Кому же оно в вину причесте не знаю, ибо инженерные офицеры сказывают, якобы неудобства Кирилову представляли, да слушать не хотел, да и офицера довольно в градостроении искусного нет»¹¹. Место под строительство нового Оренбурга было определено в урочище Красная гора, однако достроить Оренбургскую крепость В. Н. Татищеву не удалось.

По инициативе Татищева 14 июля 1737 г. в г. Мензелинске впервые был созван генеральный совет, в котором участвовали все более или менее крупные царские чиновники, находящиеся на территории Башкортостана. Одним из главных, рассмотренных на генеральном совете стал вопрос дальнейшего управления краем – о разделении «башкирцов под разные суды и правления»¹², что, в свою очередь, требовало осуществления ряда административных преобразований внутри Башкирии.

Чтобы подчинить северо-восточных башкир единой системе управления, было решено в Башкирском Зауралье основать новую провинцию. Вскоре по представлению В. Н. Татищева указом от 13 августа 1737 г. Зауралье, населенное башкирами, было отделено от Сибирской губернии и образована Исетская провинция, которая стала основной территорией современной Челябинской области¹³. Исетская провинция была разделена на три уезда – или дистрикта, Исетский, Окуневский и Шадринский. Административным центром новой провинции сначала была опреде-

лена Теченская слобода Окуневского дистрикта, с 1739 г. им стала Чебаркульская крепость, а с 1743 г. – Челябинск¹⁴.

Были приняты некоторые меры для упорядочения управления башкирами Осинской дороги. В Осе, например, который находился «в самом удобном месте, но от Казани удален», было решено назначить особого воеводу и «приписать дворцовых мужиков до Сарапула, <... > ему ж подчинить Уфимского уезду Гайнинскую волость», а Красноуфимскую крепость «также учредить, как и Осу, пригородом Уфимской провинциальной канцелярии и к нему которые поблизости волости и деревни приписать»¹⁵. Красноуфимская крепость и Осинский городок стали пригородами, подчиненными Уфимской провинциальной канцелярии, но с особыми воеводами, назначаемыми из Сената.

Таким образом, изменение управления Башкирским краем и башкирским народом было непосредственно связано со строительством городов-крепостей. В начале 40-х гг. XVIII в. на территории Башкирии насчитывалась 22 крепости, 14 из которых находились в южной части Башкирии – это Красносамарск, Борск, Ольшанск, Бузулук, Тоцк, Сорочинск, Тевкелев, Переволока, Татищев, Чернореченск, Бердск, Оренбург (впоследствии Красногорск), Озерная, Орск, а также Губерлинская крепость¹⁶. В Зауральской Башкирии находилось 4 крепости – Чебаркульская, Миясская, Эткульская и Челябинская, – а также укрепленная Верхояицкая пристань, которая тоже выполняла функцию крепости. В центральной части Башкирии были построены Табынская, Елдяцкая, Нагайбацкая и Красноуфимская крепости. Все они в той или иной степени выполняли и административные функции, что постепенно подготавливало условия для перехода к губернской системе управления и окончательного превращения Башкирии во внутреннюю провинцию России.

Преобразование Уфимской провинции в Оренбургскую губернию и окончательное утверждение на территории Башкирии губернской системы управления связано с именем действительного тайного советника и кавалера Ивана Ивановича Неплюева, назначенного командиром Оренбургской комиссии в январе 1742 года.

Главным итогом деятельности И. И. Неплюева следует считать основание современного Оренбурга и подготовку губернской реформы в Башкирии. До образования Оренбургской губернии Уфимская провинция продолжала сохранять самостоятельность во внутренних делах, попрежнему оставались расплывчатыми ее административные границы. Осенью 1742 г. и зимой 1743 г. И. И. Неплюев объезжает Башкирию с целью определения границ будущей губернии, а заодно основывает и заселяет новые города-крепости. Ниже по течению р. Яика были определены места для строительства еще двух крепостей – Магнитной близ горы Магнитной – Кизильской на р. Нижний Кизил. Две небольшие крепости

предполагалось построить на реках Уртазым и Таналык¹⁷. Во время пребывания И. И. Неплюева в Зауралье было выбрано новое место под строительство г. Оренбурга: «...подле самого Яика, выше Сакмарского устья в десяти верстах, и тако, стало быть, на самом краю Башкирии»¹⁸. 19 апреля 1743 г. состоялась торжественная церемония закладки города. В 1744 г. была образована Оренбургская губерния и г. Оренбург стал губернским городом, а И. И. Неплюев – первым губернатором. Благодаря своему пограничному положению Оренбург в XVIII в. становится центром управления не только башкирским краем, но и всей юго-восточной окраиной России.

Таким образом, города-крепости, построенные на территории Башкирии в 1735–1743 гг., сыграли исключительно важную роль в истории становления губернской системы управления в Башкирии, начавшегося с петровских реформ 1708 г. и завершившегося спустя 35 лет образованием Оренбургской губернии.

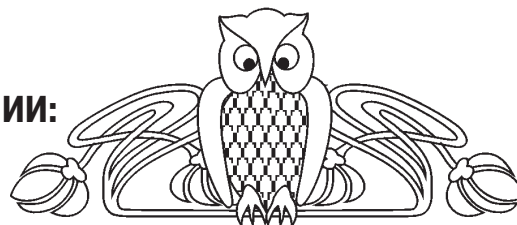
Примечания

- ¹ См.: ПСЗ РИ. Т. IV. № 2218. С. 436–438.
- ² РГВИА. Ф. 349. Оп. 2. Д. 474. Л. 2.
- ³ ПСЗ РИ. Т. IV. № 2218. С. 436–437 ; Об учреждении губерний и о росписании к ним городов. Именной, объявленный из ближней канцелярии Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях : сб. док. и материалов. Уфа, 1999. № 2. С. 20 ; История административно-территориального деления Республики Башкортостан (1708–2001) : сб. док. и материалов.

- Уфа, 2003. С. 9 ; ГАРФ. Ф. 728 – Коллекция документов Зимнего дворца. Оп. 1. Ч. 1. Д. 44а. Л. 9–10.
- ⁴ См.: *Валишевский К.* Пётр Великий. М., 1990. С. 288.
- ⁵ См.: *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство XVIII в. М., 1974. С. 31–32 ; *Кушева Е. Н.* Дворянство // Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954. С. 205–210.
- ⁶ ПСЗ РИ. Т. IV. № 2218 ; Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1986. Т. 4. С. 168.
- ⁷ См.: Архив СПб ИИ РАН. Колл. 105. Оп. 1. Д. 11. Л. 29–30.
- ⁸ *Чернавский Н. Н.* Оренбургская епархия в прошлом и настоящем // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 10. Оренбург, 1900–1902. С. 77.
- ⁹ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1164. Л. 81–82.
- ¹⁰ *Витевский В. Н.* И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1889. Вып. 1. С. 153.
- ¹¹ Цит. по: *Рычков П. И.* История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896. С. 31.
- ¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1164. Л. 660 об.
- ¹³ Там же. Л. 660–661.
- ¹⁴ См.: *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С. 359, 365 ; *Чернавский Н. М.* Оренбургская епархия в прошлом и настоящем. Вып. 1 // Труды ОУАК. Оренбург, 1900. Вып. VII. С. 78.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Кн. 1164. Л. 660–661.
- ¹⁶ См.: ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 48–61.
- ¹⁷ См.: *Рычков П. И.* История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896. С. 68.
- ¹⁸ Там же.

УДК 930.85(470.44–21). 07

ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА УЕЗДНЫХ ГОРОДОВ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ: ГОРОДА-КРЕПОСТИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

А. С. Майорова

Саратовский государственный университет
E-mail: majorova-as@mail.ru

В статье рассматривается общественно-культурная среда (или культурное пространство) уездных городов Саратовской губернии, которые были основаны как крепости, – Царицына, Камышина и Петровска. По социальному составу населения они практически не выделялись среди уездных городов губернии. Народная культура имела доминирующее значение в их общественно-культурной среде. Ее заметным отличием от культурной среды других уездных городов было существование преданий и реликвий, которые поддерживали память о «военном прошлом» городов-крепостей.

Ключевые слова: культурное пространство, Саратовская губерния, уездные города, города-крепости, народная культура, память о военном прошлом.

Socio-cultural Environment of Saratov Province District Towns: Fortress-cities in the Late 18th and Early 19th Centuries

A. S. Mayorova

The article examines socio-cultural environment (or cultural community) of Saratov province district towns that had been founded as fortresses: Tsaritsin, Kamyshin and Petrovsk. Their social structure did not differ much from that of the other district towns of the province. Their socio-cultural environment was dominated by folk culture marked by legends, traditions and relics that kept the memories of the war-time past of the fortress-cities alive.

Key words: cultural community, Saratov province, district towns, fortress-cities, folk culture, memories of the war-time past.

В русской публицистике и художественной литературе XIX в. сложился стандартный образ уездного города, в котором жизнь удручающе однообразна и не дает «никакой пищи для умственной деятельности». Несмотря на то, что этот образ родился как результат живых наблюдений, его нельзя считать основой для изучения культурного процесса в уездных городах ни в целом по России, ни в конкретной губернии. Рассмотрение общественно-культурной среды (культурного пространства) уездных городов Саратовской губернии показывает, что все они обладали чертами своеобразия.

Понятие «культурное пространство» с позиций социологического подхода рассматривается в работах саратовских философов¹. Согласно определению О. В. Гуткина, национальное культурное пространство «выступает синтезом культурных пространств различных классов, социальных слоев и групп соответствующего социума»². Он отмечает также, что культурное пространство можно охарактеризовать как локальное образование³. Уездный город является одним из вариантов такого локального образования.

Уездный город как административная единица был выделен в законодательстве, связанном с областной реформой 1775–1780 гг. Статус уездных городов получили не только те поселения, которые и в предшествующий период считались городами, но и многие села и слободы. Эта масштабная акция наложила глубокий отпечаток как на развитие городской жизни в России, так и на представление современников, а позднее историков, социологов, общественных деятелей о роли городов в жизни государства и общества. Л. В. Кошман определяет их смысл следующим образом: «Возникновение и развитие города нового времени связывалось, прежде всего, с властью и рассматривалось как место присутствия администрации»⁴.

Проблема развития социокультурной среды уездных городов России XVIII–XIX вв. остается мало изученной. Историки, как правило, рассматривают отдельные стороны культурного процесса на конкретном материале определенных городов. В исследовании Л. В. Кошман, посвященном городской жизни в России XIX в., нет акцента на дифференцированном подходе к объекту изучения⁵. Можно заметить, что автор стремится показать, каковы были общие черты в социокультурном развитии и губернских, и уездных городов. В то же время Л. В. Кошман не оставляет без внимания отличия, которые характеризуют, с одной стороны, столичные, а с другой – провинциальные города. В коллективной монографии «Очерки городского быта дореволюционного Поволжья» авторы рассматривают городскую культуру в период с конца XVIII до конца XIX в. в ее этнографическом аспекте⁶. Объектом исследования здесь являются

города Казанского Поволжья, которое охватывает территорию современных Татарстана, Чувашии и Республики Марий Эл. Города Саратовского Поволжья конца XVIII – первой половины XIX в. пока еще не стали предметом исследований саратовских историков. Отдельные сюжеты, которые могут быть использованы при характеристике социокультурного развития конкретных уездных городов, можно встретить в трудах саратовских краеведов. Однако сведения такого рода обычно относятся к более позднему периоду начиная со второй половины XIX в.

При изучении уездных городов как определенной категории поселений выясняется, что они отнюдь не представляли собой однородной массы. Даже в пределах одной губернии (например, Саратовской) можно выделить три–четыре группы уездных городов, которые различались по своему культурному облику. Первую из них составляют города-крепости – Петровск, Камышин (первоначальное название – Дмитриевск) и Царицын⁷. Они получили городской статус уже при их основании и были городами задолго до образования губернии (она была создана в 1780 г.). Ко второй группе можно отнести те, в которых до получения ими статуса уездных городов значительную роль играла торговая, промысловая или ремесленная деятельность населения, – Вольск (варианты названия – Волгск, Волжск), Хвалынский и Кузнецк⁸. В начале 60-х гг. XIX в. все три названных города относились к уездным центрам России, в которых население было многочисленным для того времени⁹. К третьей группе можно отнести уездные города, которые по характеру хозяйственной деятельности их жителей фактически оставались сельскими поселениями – Аткарск, Балашов и Сердобск. В Балашове в 80-е гг. XVIII в. не было ни ярмарки, ни даже еженедельного торга¹⁰. От сел названные города отличались наличием органов городской и уездной администрации и присутствием воинского контингента – внутренней стражи, которая с 1811 г. была во всех уездных городах России¹¹. В качестве отдельной группы следует рассматривать уездные города Заволжья – Николаевск, Новоузенск и Царёв. От городов Правобережья они отличались более поздним приобретением городского статуса (с 1836 г.)¹² и более кратким пребыванием в этом статусе на территории Саратовской губернии. В 1851 г. Николаевский, Новоузенский и Царёвский уезды были присоединены к Самарской и Астраханской губерниям¹³.

Объектом рассмотрения в данной статье является культурное пространство «старых» городов Саратовской губернии, т. е. городов-крепостей. В отличие от уездных городов, получивших городской статус с 1780 г., они обладали определенными традициями городской жизни. В связи с этим представляют интерес вопросы, каким образом отразилось «военное прошлое» в памяти их жителей, а также на планировке и застройке городов,

какие группы населения оказывали наибольшее влияние на культурный процесс в этих городах. Чтобы получить представление о его своеобразии, необходимо привлекать сведения о культурном пространстве других уездных городов губернии.

Со времени создания Саратовской губернии и до конца 50-х гг. XIX в. создавались статистические описания ее территории, в которых имеются сведения и об уездных городах. Сохранившиеся материалы фиксируют главным образом социально-экономический аспект их жизни. Однако в описаниях присутствуют и некоторые показатели, позволяющие судить об их культурном облике. В первой половине XIX в. численный метод еще не стал преобладающим в статистике, поэтому в статистических работах того времени встречаются эмоциональные оценки и красочные описания объектов. Первым сводом статистических сведений, в котором мы находим материалы, характеризующие города Саратовской губернии, является «Описание Саратовского наместничества», составленное в начале 80-х гг. XVIII в. Автором его считается саратовский губернатор И. И. Поливанов¹⁴. Вероятно, в действительности оно было составлено по распоряжению губернатора в его канцелярии. Данное «Описание» было впервые опубликовано в месяцеслове на 1785 г, а затем переиздано в составе «Собрания сочинений, выбранных из месяцеслов на разные годы»¹⁵. Более чем через полвека после его составления, в 1839 г., вышло в свет «Статистическое описание Саратовской губернии» знаменитого местного краеведа А. Ф. Леопольдова¹⁶. В нем имеются сведения об уездных городах, в которых гораздо больше численных показателей, чем в предшествующем «Описании». Кроме того, здесь приведены данные по истории городов, сведения о местных реликвиях и достопримечательностях (если таковые были), замечания о внешнем облике некоторых из них.

Изменения в жизни городов Саратовской губернии, произошедшие в 40–50-х гг. XIX в., представлены в работе Д. Л. Мордовцева «Несколько данных из материалов для статистического описания Саратовской губернии»¹⁷. Основное внимание в ней было обращено на изучение динамики социально-экономического развития. Тем не менее Д. Л. Мордовцев стремился создать образ уездного города, используя личные наблюдения. Его суждения дают основания для выводов о некоторых чертах социокультурного процесса в городах. К сожалению, свои наблюдения и замечания автор высказал не обо всех уездных городах губернии. Особенности их культурного облика в большей степени, чем в статистических описаниях, можно увидеть в мемуарных источниках. Значительный интерес в этом плане представляют «Воспоминания о Саратовской губернии статского советника В. Беккера»¹⁸. Автор этих воспоминаний – петербургский чиновник, посетивший губернию в 1842 г. Цель своего сочинения В. И. Беккер опре-

деляет следующим образом: «сказать о физиономии» губернского и уездных городов губернии «в верхней сколь можно очерках». В. И. Беккер побывал не во всех уездных городах губернии, и содержание его воспоминаний ограничивается описанием тех из них, которые он посетил.

Благодаря работе А. Ф. Леопольдова «О расколе в Саратовской епархии» можно достаточно определенно судить о степени влияния старообрядчества на культурное пространство некоторых уездных городов Саратовской губернии¹⁹. Очень интересные очерки об отдельных городах Саратовской губернии с использованием статистических данных и сведений по их истории были составлены краеведами в середине и второй половине XIX в. Очерки местных историков ценны тем, что они передают впечатления о внешнем облике, благоустройстве и укладе жизни, в них можно встретить замечания, которые касаются культурного потенциала уездных городов. Наиболее ценными являются подобные очерки, хронологически близкие к изучаемому времени. К ним можно отнести «Путевые заметки о городе Петровске и уезде» А. Росницкого, опубликованные в 1843 г.²⁰; статьи из «Саратовских губернских ведомостей» за 1858 г. – «Историко-статистический очерк города Царицына» Д. Л. Мордовцева²¹, «Впечатления Кымышина, Дубовки и Царицына» Н. И. Костомарова²²; очерки этого же автора о Вольске и Петровске, которые вошли в «Памятные книжки Саратовской губернии» в 1859 и 1860 годах²³.

Рассмотрение материала источников показывает, что в социально-экономическом и культурном развитии разных уездных городов Саратовской губернии существовали заметные отличия. Тем не менее все они обладали определенными чертами, присущими этой категории городских поселений. Основным формальным признаком города в XIX в. было наличие учреждений уездной и городской администрации. Статистические материалы указывают также на то, что во всех городах обязательно находились подразделения губернского батальона внутренней стражи (полицейские команды существовали не во всех городах). Присутствие органов управления и поддержания правопорядка отражалось на социальном составе населения, среди которого были чиновники и дворяне, а также военные. Количество их было невелико.

На основании статистических сведений по Саратовской губернии, представленных А. Ф. Леопольдовым, видно, что к концу 30-х гг. XIX в. количество чиновников в ее уездных городах колебалось от 10 до 48; численность воинских команд составляла от 107 до 210 человек²⁴. Количество дворян в его труде указано по городам таким образом, что очень трудно определить принципы группировки сведений и потому возникают затруднения в подсчете общей численности дворян-мужчин в каждом городе (в соответствии с

правилами тогдашней демографической статистики учетной единицей считалась душа, т. е. лицо мужского пола). И все же некоторые выводы на основании сведений А. Ф. Леопольдова сделать можно. Минимальное количество дворян в уездном городе примерно 10 человек (в Хвалынске)²⁵, максимальное – около 100 (в Сердобске)²⁶. Эти данные позволяют говорить о том, что влияние чиновников и дворян на социокультурную среду уездных городов не могло быть значительным.

В качестве подтверждения этого предположения можно обратиться к сведениям о внешнем облике уездных городов. Авторы статистических описаний и мемуаристы обычно называли в своих заметках архитектурные сооружения – в том числе и частные дома, – которые отличались красотой и представительностью. Судя по сохранившимся отзывам современников о внешнем облике разных уездных городов Саратовской губернии присутствие дворянства в них не отражалось на характере застройки. Краткая характеристика Сердобска, в котором дворян было больше, чем в любом другом уездном городе губернии, данная В. И. Беккером, не блещет яркостью красок: «Городок незавидный, построенный на равнине, при речке Сердобе, с двумя тысячами жителей, тремя церквями и скромными домиками, между которыми только один каменный, занимаемый присутственными местами»²⁷. Отсутствие заметного влияния дворянства на культурную среду уездных городов Саратовской губернии в изучаемый период можно считать их общей чертой.

Судя по количественному составу групп населения, в них безусловно преобладали мещане. Однако о существовании мещанской культуры в первой половине XIX в. говорить преждевременно. Это относится и к возможности выделения сословной культуры купечества. Основу культуры этих сословий в Саратовской губернии в изучаемый период ввиду постоянного пополнения их за счет крестьянства составляла народная культура. В. В. Кузнецов, который посвятил специальное исследование купечеству малых волжских городов губернии, подчеркивает, что при открытии новых городов купечество составлялось преимущественно из крестьян тех селений, которые получали статус городов²⁸. М. В. Булычев указывает на то, что и в первой половине XIX в. крестьяне массово переселялись в города губернии²⁹. Здесь они либо записывались в мещанское сословие, либо продолжали заниматься крестьянским трудом на земле, принадлежавшей городу.

Особенности народной культуры Саратовского Поволжья накладывали неизгладимый отпечаток на культурный процесс в уездных городах. В связи с этим в силу широкого распространения старообрядчества православное духовенство не имело в городах безоговорочного авторитета. Если верить замечаниям А. Ф. Леопольдова, то получается, что именно горожане являлись в первой половине XIX в. основными пропагандистами

старообрядчества. Он пишет, что «промышленный народ» (т. е. занимающийся промыслами и торговлей) «расторопен, смел, нередко начитан книг и резок в разговорах по делам церкви». «Таковым речистым людям, – с досадой замечает он, – нетрудно смять и расстроить добродушного христианина, пришедшего из скромных селений»³⁰. Как видим, здесь расторопный и начитанный горожанин выступает в качестве «совратителя в раскол». Конечно, не все уездные города Саратовской губернии могли считаться очагами распространения старообрядчества. А. Ф. Леопольдов замечает по этому поводу: «Чем ближе города и селения к Иргизским монастырям, тем более в них раскольников, а чем отдаленнее, тем менее»³¹.

Интересно то, что в Саратовской губернии в первой половине XIX в. православный монастырь существовал только в одном уездном городе – Петровске. В то же время в губернии было пять старообрядческих монастырей на реках Большом и Малом Иргизе³². В некоторых городах были старообрядческие культовые сооружения. Так, в Вольске существовали две раскольников церкви³³. На основании сведений, содержащихся в работах А. Ф. Леопольдова и в мемуарах В. И. Беккера, можно сказать, что этнический и конфессиональный состав населения уездных городов Саратовской губернии не был однородным. В Новоузенске проживали мусульмане, а в Хвалынске существовала мечеть, что указывает на наличие и в этом городе представителей данной конфессии³⁴. Несомненно, проживание в определенном городе носителей других, кроме русской, этнических традиций придавало своеобразие его культурной среде.

Отличия в социокультурном облике уездных городов Саратовской губернии были заметны уже на начальном этапе ее существования. Судьбы самых старых городов губернии – Царицына, Камышина и Петровска – в XIX в. были разными. Неодинаковыми были количественный состав их населения, направления хозяйственной деятельности. Социокультурная среда каждого из них также имела свои особенности. Однако в ней можно увидеть и общие для всех этих городов черты. Они определялись сходством их происхождения и общностью исторической судьбы до образования губернии. В планировочной структуре всех трех городов оставались следы их «военного» прошлого – оборонительных сооружений. Дольше всего они сохранялись в Царицыне, где были зафиксированы в середине XIX в.³⁵ В Петровске деревянная крепость, по сведениям А. Ф. Леопольдова, существовала до 1782 г.³⁶ В Камышине «земляная крепость и цитадель», сооруженные на месте первоначальной закладки города, были видны в начале 80-х гг. XVIII в.³⁷ В описаниях более позднего времени упоминаний об остатках укреплений Камышина не встречается. Особенностью планировочной структуры Петровска, связанной с его первоначальной функцией, было

то, что его улицы были прямыми (по крайней мере, в конце XVIII в.)³⁸.

В первом статистическом «Описании Саратовского наместничества» данная особенность планировочной структуры уездного города отмечена только в Петровске. Очевидно, он принадлежал к числу тех городов, которые строились по заранее разработанному проекту и с использованием чертежа. На это указывают дата основания города – 1698 г. – и правильная форма оборонительных сооружений – «деревянный четырехугольный замок»³⁹. В России в XVII в. строительство новых городов осуществлялось на основании принципов, в которых исследователи усматривают признаки «регулярности», отличавшие их планировочную структуру от структуры древних городов Руси. Признаками «регулярности» были не только геометрически правильные очертания крепости. В соответствии с ними проводилась и разбивка уличной сети как внутри, так и за ее пределами⁴⁰. К концу XVIII в. крепость в Петровске утратила свое значение и прекратила существование. Остались только прямые улицы, необычные для планировки уездного города. По названиям этих улиц можно было узнать, переселенцы из каких городов стали первыми жителями Петровска. А. Ф. Леопольдов писал, что переселенцы из Пензы, Саранска, Инсара, Мокшана, Чардыма и Курмыша жили отдельными улицами и названия их напоминали о происхождении жителей Петровска⁴¹. Можно сказать, что топонимика города была одним из элементов исторической памяти его населения.

Существование оборонительных сооружений или их остатков имело непосредственное влияние на культурную среду городов-крепостей. Они способствовали поддержанию памяти об историческом прошлом в среде местного населения. И в Петровске, и в Царицыне, и в Камышине в первой половине XIX в. были зафиксированы предания, которые вошли в состав статистических описаний в качестве исторических справок (следует отметить, что в первом «Описании Саратовского наместничества» подобные сведения практически отсутствуют). Впоследствии краеведы сопоставляли эти материалы с письменными свидетельствами, восстанавливая историю уездных городов. Однако предания иногда использовались и без критического подхода к их содержанию. Память об историческом прошлом городов-крепостей придавала особую глубину их культурному пространству. Она была отлична от глубины культурного пространства сельских поселений, в которых предания об исторических событиях были тесно связаны с мифологией. Сюжеты о прошлом Царицына, Петровска, Камышина, записанные краеведами, не содержат фантастических элементов, близких к мифам. Они имеют черты исторических преданий – центральными персонажами в них являются реальные деятели. Как выяснила В. К. Соколова, в русском фольклоре наиболее крупные

циклы преданий связаны с именами Ивана Грозного, Петра I, Разина и Пугачева⁴². Названные персонажи присутствуют и в повествованиях об истории саратовских городов-крепостей. Однако здесь мы часто встречаем и других лиц – ханов Батю и Мамаю, что вполне соотносится с местными реалиями, которые повлияли на представление о прошлом жителей волжских городов.

Сведениям по истории Царицына, самого старого из городов-крепостей, в описаниях краеведов обычно предшествовало изложение преданий о происхождении названия реки Царицы, которое в народной памяти было связано с именем Батю. Согласно вариантам преданий, реку называли в честь жены или дочери хана. Кроме того, считалось, что город был основан на месте, где когда-то стоял дворец Батю. Время его основания местные жители относили к эпохе Ивана Грозного⁴³. Интересно, что в преданиях встречается «ссылка» на документ – грамоту Ивана Грозного, данную жителям города, причем даже указано, что в городе хранилась ее копия, а подлинник якобы находился в Москве⁴⁴. (Современные историки дату основания Царицына относят к 1589 г.)⁴⁵. Сведения о прошлом Царицына в статистических описаниях первой половины XIX в. излагаются достаточно подробно, с указанием некоторых дат.

Как полагают современные исследователи А. Л. Клейтман и И. О. Тюменцев, в основе этих сведений – варианты рукописи З. А. Дьяченко «О начале заведения города Царицына и о древних случайностях оного...», начало составления которой относится к 1810 г.⁴⁶ Позднее, в конце 30-х гг. она была дополнена П. Лугаревым и Бочкаревым, что положило начало существованию так называемой Царицынской летописи, списки которой дошли до нашего времени⁴⁷. Более ранняя письменная фиксация истории Царицына в трудах исследователей не отмечена. В 1771 г. адъюнкт Академии наук П. Б. Иноходцев в «Кратком известии о городе Царицыне» приводит сведения, полученные из царицынской канцелярии, о том, что город претерпел разорение от Степана Разина, а затем от Игнатия Некрасова. Он сообщает: «Ничего письменного до истории сего города касающегося здесь не имеется»⁴⁸.

История Камышина, основанного в 1697 г., – более короткая, чем история Царицына, но не менее драматичная по содержанию – тоже обрела письменную форму, известную под названием Камышинской летописи, в начале XIX в.⁴⁹ К. Л. Клейтман и И. О. Тюменцев указывают на то, что А. Ф. Леопольдов, рассказывая об основании Дмитриевска и истории города в XVIII в., «привел практически полный текст Камышинской летописи»⁵⁰. Большое значение для изучения письменной исторической традиции Камышина имеют наблюдения Д. Л. Мордовцева и Н. И. Костомарова относительно того, что существовали и более ранние варианты фиксации местных исторических преданий⁵¹. Действующими лицами

местных преданий выступают Пётр I, Кондратий Булавин, князь П. А. Хованский, Е. И. Пугачёв⁵².

Город Петровск не сохранил, в отличие от Царицына и Камышина, письменной фиксации исторических преданий. Отсутствие «письменной истории» в Петровске в первой половине XIX в. может объясняться тем, что документы по истории города были изъяты. А. Росницкий в своих «Путевых заметках о городе Петровске» упоминает о том, что в город приезжал губернатор А. П. Степанов (был губернатором Саратовской губернии в 1835–1837 гг.). Он потребовал передать ему «на время древние письменные акты», которые хранились в городском соборе. Документы ему предоставили, но назад в город они возвращены не были⁵³. Подтверждением этого сообщения А. Росницкого может служить тот факт, что в составе фонда Саратовской ученой архивной комиссии, который хранится в Государственном архиве Саратовской области, оказались документы, имеющие прямое отношение к истории Петровска. Это копия с грамоты патриарха Адриана от 1698 г. о постройке церкви во имя Бориса и Глеба в новом городе Петровске⁵⁴, копия с копии выписки из дела об отводе земель переведенцам города Петровска (первоначально копированный документ относился к 1699 г.)⁵⁵ и копия с копии указа Петра I от 1703 г. пензенскому воеводе князю С. И. Путятину о межевании земель жителям Петровска⁵⁶. Возможно, из Петровска в Саратов были доставлены не только эти, но и еще какие-то другие документы, связанные с историей города.

Поддержанию памяти о прошлом в Петровске способствовало существование целой группы исторических реликвий, хранившихся в местных церквях. А. Росницкий называет напрестольные кресты и Евангелия, а также другие богослужебные книги. Кроме того, в одной из церквей он видел «знамена и ручные военные орудия»⁵⁷. Более подробно о них писали Г. И. Чернышевский и Н. И. Костомаров. Это были семь знамен, алебарда и бердыш. Костомаров сообщил предание, согласно которому эти предметы были переданы Петром I при возвращении из персидского похода (напомним, что император не бывал в Петровске). Согласно другой легенде, они были присланы царем при основании города. В 1872 г. военные реликвии из Петровска были отправлены на Московскую политехническую выставку и назад их не вернули⁵⁸.

Культурное пространство каждого из «старых» городов Саратовской губернии обладало чертами своеобразия, которые были следствием особенностей этнического состава населения самого города либо прилегающих к нему территорий. Так, в Петровске в середине XIX в. проживали оседлые цыгане. Они не отмечены в «Статистическом описании» А. Ф. Леопольдова, но о них сообщают В. И. Беккер⁵⁹ и А. Росницкий⁶⁰, который указывает на их хозяйственные занятия – скупку и перепродажу лошадей. Среди

цыган были богатые купцы, которые торговали целыми табунами. Судя по его замечанию, цыгане в Петровске занимались отчасти и земледелием.

Можно представить, какими яркими красками была расцвечена не только праздничная, но и повседневная жизнь Петровска благодаря жителям цыганской слободы. А. Росницкий пишет: «Разгульная жизнь, природное удальство их мало изменяется»⁶¹. При этом он подчеркивает характерную особенность цыган, которые не чуждаются брачных связей с представителями других народов: «Чрез родственные связи с русскими они довольно обрусели, так что детей их редко можно распознать в кругу русских»⁶². По вероисповеданию петровские цыгане были православными. В источниках не говорится о том, когда они появились в Петровске и как долго проживали там. Д. Л. Мордовцев в своем статистическом труде, опубликованном в 1859 г., не упоминает о них⁶³. Означает ли это, что тогда цыгане в Петровске уже не жили, сказать трудно. Кроме цыган в середине XIX в. в Петровске было и мордовское население, как отмечал А. Росницкий. Это обстоятельство, конечно, тоже отражалось на культурном пространстве города.

В Царицыне и Камышине современники не отмечали значительных по количеству групп нерусского населения, однако соседство и общение с кочевниками-калмыками повлияло на культурную среду Царицына. В этом городе в 30-е–40-е гг. XIX в. существовала миссия по распространению христианства среди калмыков, для закрепления христианизации которых был составлен краткий букварь калмыцкого языка⁶⁴. Особенностью социокультурной среды Камышина было наличие в этом городе довольно значительного количества старообрядцев. По данным А. Ф. Леопольдова, их насчитывалась 261 душа при общем количестве населения 4544 души⁶⁵. Они проживали и в Царицыне, правда, численность их в этом городе, согласно статистике, была невелика 46 – душ⁶⁶.

Во всех трех городах-крепостях Саратовской губернии к середине XIX в. имелись образовательные учреждения, что являлось очень важным элементом культурного потенциала для города того времени. В 1839 г. в Царицыне к уже существовавшему училищу гражданского ведомства прибавилось еще одно – училище для детей калмыков, принявших христианскую веру⁶⁷. В Петровске тогда было только одно духовное училище, но контингент обучавшихся в нем был довольно значительным по сравнению с училищами в других городах. В нем было до 270 учеников⁶⁸. В Камышине в то же время было два училища – гражданское и духовное⁶⁹. По материалам «Памятной книжки Саратовской губернии на 1859 год», в Петровске было уже два уездных училища – гражданское и духовное, в Царицыне – только одно училище гражданского ведомства (школа для обучения калмыков не названа). В

Камышине сохранялись оба образовательных учреждения⁷⁰.

Элементы обустройства, которые в XIX в. обеспечивали соответствующие городской среде формы обслуживания и общения населения, отмечены саратовскими статистиками в двух из трех «старых» городов губернии. (Правда, есть основания сомневаться в том, что в статистических описаниях того времени всегда точно фиксировались все трактиры, гостиницы, общественные бани). По сведениям, представленным П. Лугаревым, в Царицыне к 1839 г. были две гостиницы и одна харчевня⁷¹. В воспоминаниях В. И. Беккера, который побывал в городе в 1849 г., отмечено, что в городе был гостиный двор⁷². В статистических очерках Д. Л. Мордовцева 1859 г. в Царицыне назван только гостиный двор⁷³. А. Росницкий в своем очерке о Петровске, опубликованном в 1843 г., отметил, что в этом городе постоянные дворы «с двухэтажными каменными домами, с устроенными в них для проезжающих покоями устроены хорошо»⁷⁴. Д. Л. Мордовцевым в 1859 г. постоянные дворы в Петровске не отмечены, указан только один трактир⁷⁵. Возможно, постоянные дворы сгорели во время одного из пожаров и не были восстановлены. Но отсутствие сведений о них могло быть просто упущением в комплексе статистических сведений. Камышин, насколько можно судить по имеющимся материалам, в первой половине XIX в. не располагал подобными заведениями.

Впечатления от внешнего облика городов, описанные современниками, имеют немаловажное значение при рассмотрении вопроса о том, насколько они соответствовали, по их представлению, своему «городскому» статусу. Петровск в первой половине XIX в. производил благоприятное впечатление. Священник А. Росницкий, посетивший его в 1843 г., писал, что Петровск – «один из лучших уездных городов Саратовской губернии»⁷⁶. О Царицыне в «Путешествии по Волге» художников Г. Г. и Н. Г. Чернецовых сказано, что он «хорошо остроен»⁷⁷. Следует отметить, что никто, кроме художников, не сказал доброго слова о внешнем облике Царицына в ту эпоху. Застройка Камышина не вызывала каких-либо эмоций у современников. Н. И. Костомаров, посетивший этот город через три года после пожара, от которого тот пострадал в 1855 г., писал: «Трудно представить себе другой городок, который производил бы более грустное впечатление, чем Камышин...»⁷⁸ Это описание является единственным эмоциональным отзывом о внешнем облике Камышина в изучаемый период.

На основании приведенных сведений можно сказать, что уездные города Саратовской губернии, которые были основаны как крепости, имели определенные общие черты в своем культурном пространстве. По социальному составу населения они практически не выделялись среди уездных городов губернии. Народная культура имела доминирующее значение в их общественно-культурной среде. Ее заметным отличием от культурной среды других уездных городов было существование преданий и реликвий, которые поддерживали память о «военном прошлом» городов-крепостей.

нирующее значение в их общественно-культурной среде. Ее заметным отличием от культурной среды других уездных городов было существование преданий и реликвий, которые поддерживали память о «военном прошлом» городов-крепостей.

Примечания

- 1 См.: Гуткин О. В., Листвина С. В., Петрова Г. Н., Семенищева О. А. Феномен культурного пространства. Саратов, 2005.
- 2 Гуткин О. В. Сущностные характеристики культурного пространства // Гуткин О. В., Листвина С. В., Петрова Г. Н., Семенищева О. А. Указ. соч. С. 60.
- 3 Там же. С. 42.
- 4 Кошман Л. В. Города и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 5.
- 5 Там же.
- 6 См.: Зорин А. Н., Зорин Н. В., Каплуновский А. П. [и др.] Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.
- 7 См.: Описание Саратовского наместничества // Собрание сочинений, выбранных из месящесловов за разные годы. СПб., 1790. Ч. 6. С. 42, 44, 58–59.
- 8 Там же.
- 9 См.: Кошман Л. В. Указ. соч. С. 59.
- 10 См.: Описание Саратовского наместничества... С. 51, 52, 54–56.
- 11 См.: Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1897. Т. 6 а. С. 689.
- 12 См.: [Леопольдов А. Ф.] Статистическое описание Саратовской губернии, составленное Андреем Леопольдовым. СПб., 1839. С. 118.
- 13 См.: Мордовцев Д. Л. Саратовская губерния в прошлом веке в отношении к нынешнему ее состоянию // Памятная книжка Саратовской губернии на 1860 год. Саратов, 1860. Отдел 3. С. 58.
- 14 См.: ОР РНБ. Ф. 550. ОСПК. F4 68.
- 15 Описание Саратовского наместничества... С. 23–62.
- 16 См.: [Леопольдов А. Ф.] Статистическое описание...
- 17 Мордовцев Д. Л. Несколько данных из материалов для статистического описания Саратовской губернии // Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год. Саратов, 1859. Отд. 3. С. 115–161.
- 18 [Беккер В. И.] Воспоминания о Саратовской губернии статского советника В. Беккера. М., 1852.
- 19 См.: [Леопольдов А. Ф.] О расколе в Саратовской епархии, по рукописи А. А. Леопольдова // Труды СУАК. Саратов, 1903. Вып. 23. С. 35–166.
- 20 См.: Росницкий А. Путевые заметки о городе Петровске и уезде // Прибавления к Саратовским губернским ведомостям. 1843. № 40–41.
- 21 См.: Мордовцев Д. Л. Историко-статистический очерк города Царицына // Царицынский и Камышинский уезды в описаниях краеведов (1727–1928). Волгоград, 2010. С. 76–81.
- 22 См.: Костомаров Н. И. Впечатления Камышина, Дубовки и Царицына // Там же. С. 82–87.

- 23 См.: *Костомаров Н. И.* Поездка в г. Волгск // Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год. Саратов, 1859. Отд. 3. С. 87–111; *Он же.* Петровск // Памятная книжка Саратовской губернии на 1860 год. Саратов, 1860. Отд. 3. С. 21–30.
- 24 См.: [*Леопольдов А. Ф.*] Статистическое описание... С. 60–109.
- 25 Там же. С. 85.
- 26 Там же. С. 104.
- 27 *Беккер В. И.* Указ. соч. С. 39.
- 28 См.: *Кузнецов В. В.* Купечество малых волжских городов Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX веков: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2007. С. 78.
- 29 См.: Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1. С древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1993. С. 154.
- 30 [*Леопольдов А. Ф.*] О расколе в Саратовской епархии... С. 46.
- 31 Там же. С. 37.
- 32 См.: [*Беккер В. И.*] Указ. соч. С. 29.
- 33 Там же. С. 79.
- 34 См.: [*Леопольдов А. Ф.*] Статистическое описание... С. 86; [*Беккер В. И.*] Указ. соч. С. 28.
- 35 См.: *Беккер В. И.* Указ. соч. С. 68.
- 36 См.: [*Леопольдов А. Ф.*] Статистическое описание... С. 88.
- 37 См.: Описание Саратовского наместничества... С. 45–46.
- 38 Там же. С. 41–42.
- 39 Там же.
- 40 См.: *Кириллов В. В.* К проблеме изучения древнерусского города XVI–XVII вв. // Русский город (исследования и материалы). М., 1984. Вып. 7. С. 14.
- 41 См.: [*Леопольдов А. Ф.*] Статистическое описание... С. 89.
- 42 См.: *Соколова В. К.* Русские исторические предания. М., 1970. С. 6.
- 43 См.: [*Леопольдов А. Ф.*] Статистическое описание... С. 51.
- 44 Там же. С. 54
- 45 См.: Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1. С. 33.
- 46 См.: *Клейтман А. Л., Тюменцев И. О.* Историография Царицынского и Камышинского края XVIII – первой трети XX вв. // Царицынский и Камышинский уезды... С. 14.
- 47 Там же.
- 48 *Иноходцев П. Б.* Краткое известие о городе Царицыне и о лежащем около его местах // Царицынский и Камышинский уезды... С. 36.
- 49 См.: *Клейтман А. Л., Тюменцев И. О.* Указ. соч. С. 14.
- 50 Там же. С. 15.
- 51 Там же.
- 52 См.: [*Леопольдов А. Ф.*] Статистическое описание... С. 72–75.
- 53 См.: *Росницкий А.* Указ. соч.
- 54 См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 1063. Л. 2–3.
- 55 Там же. Л. 13 об. – 16.
- 56 Там же. Л. 3 об. – 12.
- 57 *Росницкий А.* Указ. соч.
- 58 См.: *Максимов Е. К., Мезин С. А.* Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб., 2010. С. 121–122.
- 59 См.: *Беккер В. И.* Указ. соч. С. 7.
- 60 См.: *Росницкий А.* Указ. соч.
- 61 Там же.
- 62 Там же.
- 63 См.: *Мордовцев Д. Л.* Несколько данных из материалов... // Прибавления к Саратовским губернским ведомостям. 1843. № 40.
- 64 См.: Саратовская летопись // Саратовский край: исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 69.
- 65 См.: [*Леопольдов А. Ф.*] О расколе в Саратовской епархии... С. 37; *Он же.* Статистическое описание... С. 75.
- 66 См.: [*Леопольдов А. Ф.*] О расколе в Саратовской епархии... С. 37.
- 67 См.: [*Леопольдов А. Ф.*] Статистическое описание... С. 60; *Дьяченко З. А., Бочкарев.* О начале заведения города Царицына и о древних случайностях оно-го... // Царицынский и Камышинский уезды... С. 49.
- 68 См.: [*Леопольдов А. Ф.*] Статистическое описание... С. 91.
- 69 Там же. С. 75.
- 70 См.: Памятная книжка Саратовской губернии на 1859 год. С. 21, 28, 36, 44.
- 71 См.: *Лугарев П.* История о городе Царицыне в двух частях... // Царицынский и Камышинский уезды... С. 53.
- 72 *Беккер В. И.* Указ. соч. С. 68.
- 73 *Мордовцев Д. Л.* Несколько данных... С. 151.
- 74 *Росницкий А.* Указ. соч.
- 75 См.: *Мордовцев Д. Л.* Несколько данных из материалов... С. 151.
- 76 *Росницкий А.* Указ. соч.
- 77 *Чернецовы Г. Г. и Н. Г.* Путешествие по Волге. М., 1970. С. 138.
- 78 *Костомаров Н. И.* Впечатления Камышина, Дубовки и Царицына. С. 82.

УДК 94(44).022: 303.446.4

Э. Э. ВИОЛЛЕ-ЛЕ-ДЮК И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ФРАНЦИИ

А. Н. Галямичев

Саратовский государственный университет
E-mail: galymichev57@mail.ru

В статье рассматривается научное наследие знаменитого французского архитектора и историка Э. Э. Виолле-ле-Дюка (1814–1879), выявляется его вклад в изучение истории средневековых городов Франции.

Ключевые слова: средневековый город, историческая урбанистика, Э. Э. Виолле-ле-Дюк.

E. E. Viollet le Duc and His Place in History of Study of French Towns in the Middle Ages

A. N. Galyamichev

The author of this article examine scientific legacy of famous French architect and historian E. E. Viollet le Duc (1814–1879), define his contribution in study of history of French towns in the Middle Ages.

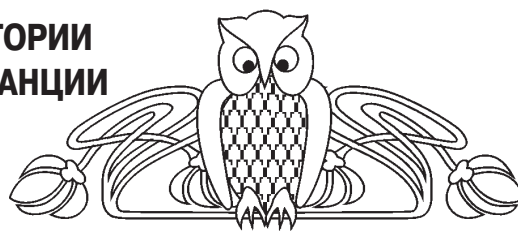
Key words: towns in Middle Ages, historical urbanistic, E. E. Viollet le Duc.

Выбор темы настоящей статьи – изначально доклада на междисциплинарном семинаре «Город и общество» – был обусловлен двумя обстоятельствами. С одной стороны, хотелось обратить внимание на то место, которое занимает Каркассон – главный предмет научных интересов М. Е. Беляевой – в истории изучения культурного наследия эпохи средневековья. С другой стороны, творческое наследие знаменитого реставратора Каркассона Эжена Эммануэля Виолле-ле-Дюка (1814–1879) представляет собой яркий пример плодотворности междисциплинарных связей при изучении проблематики средневекового урбанизма.

У богатого творческого наследия Э. Э. Виолле-ле-Дюка интересная судьба. Его работы как архитектора-практика не получили высокой оценки современников и потомков. Не сыграли ожидаемой роли и военно-фортификационные проекты Э. Э. Виолле-ле-Дюка, положенные в основу концепции обороны восточных границ Франции накануне Первой мировой войны.

Чем дальше, тем больше он воспринимается последующими поколениями прежде всего как историк и археолог. При этом интерес к научному наследию Э. Э. Виолле-ле-Дюка-историка постоянно растёт. В чём следует искать причины этого парадокса? По-видимому, в том, что, не будучи историком-профессионалом, он не был скован рамками цеховой регламентации и обладал, таким образом, высокой степенью свободы для творческих исканий.

Э. Э. Виолле-ле-Дюк постоянно впитывал и переосмыслил все новые веяния в историографии

и общественной мысли. Его наследие трудно точно классифицировать, дать ему однозначное определение, найти ему место в системе историографических направлений и научных школ его времени. С одной стороны, его с полным основанием относят к представителям романтизма¹. Огромное воздействие идей романтизма на Виолле-ле-Дюка, детские и юношеские годы которого пришлось на период Реставрации, совершенно очевидно. Через всю жизнь он пронёс преклонение перед величием готической архитектуры, открытой для французов эпохой романтизма, в особенности романом Виктора Гюго «Собор Парижской богородицы»².

В своём знаменитом трактате «Беседы об архитектуре» Э. Э. Виолле-ле-Дюк совершенно в духе романтизма пишет об архитектуре как воплощении «народного духа»: «По-моему, каждой нации можно сказать: “Покажи мне твою архитектуру, и я буду знать тебе цену”». Вплоть до ближайшей к нам эпохи между архитектурой и действительной ценностью нации существует настолько тесная связь, что можно было бы написать историю народного духа по выстроенным этим народом зданиям»³.

Э. Э. Виолле-ле-Дюк внёс огромный вклад в сохранение шедевров французской готической архитектуры, став одним из самых деятельных сотрудников созданной в 1830 г. государственной Инспекции (с 1837 г. – Комиссии) по охране исторических памятников. В 1834–1853 гг. во главе Комиссии стоял знаменитый французский писатель Проспер Мериме, с которым Э. Э. Виолле-ле-Дюка связывала многолетняя дружба⁴. Начав работу в Комиссии в 1840 г., он стал ближайшим помощником П. Мериме и провёл огромную работу по выявлению, изучению и восстановлению памятников средневековой французской архитектуры.

Реставрация памятников средневековой архитектуры не было для Э. Э. Виолле-ле-Дюка самоцелью. Он жил жизнью своей эпохи и мечтал о создании такой архитектуры, которая была бы достойна её великой обновляющей силы, когда научно-технический прогресс превратился в мощный фактор экономического и культурного развития, а градостроительство пережило огромные изменения революционного характера⁵.

Э. Э. Виолле-ле-Дюк полагал, что современный архитектор должен быть разносторонним учёным, и не был чужд влиянию новых философских учений. В частности, его с полным ос-

нованием можно отнести к ярким представителям позитивистского мышления. Принцип детерминизма проникает в сферу истолкования развития искусства. Одной из основ его мировоззрения являлось убеждение в закономерности и прогрессивности развития общества и архитектуры как части общественного развития.

Готике Виолле-ле-Дюк отводил особое место в истории архитектуры и именно в ней видел богатейший источник творческих импульсов: «Средневековое искусство имело у нас один недостаток: оно появилось раньше времени. Искусство совершило революцию 1789 года в 1170 году; начиная с этого времени, оно освободилось от всего, что могло стеснять его независимость и его национальный характер. Оно выплывило новые традиции, оно ввело такие либеральные принципы, каких только можно было желать, оно нашло новый широкий путь и, вместе с тем, установило весьма определённые и законченные методы... Из того, что оно в продолжение более чем трёх веков оставалось непризнанным, бесправным, разве следует заключить, что его не нужно реализовывать, не нужно искать в его принципах, столь широких и столь близких нашему духу, элементов, которые могут быть нам полезны в настоящее время?»⁶.

«Неужели XIX веку суждено до самого его конца не иметь собственной архитектуры?», – задавая этот вопрос, он отмечает отсутствие лежащего в основе архитектуры единого самобытного метода. Утрату метода учёный связывает с эпохой Возрождения и последующими столетиями, когда искусство перестало быть правдивым и находится в гармонии с обычаями, учреждениями и духом народа. Образцом подобного рода искусства для него является прежде всего средневековая архитектура, «правдивая и применимая ко всякому объекту»⁸, где формы неотделимы от конструкции, а каждая часть сооружения наделена особой функцией. Для Виолле-ле-Дюка готический собор являлся наиболее совершенным образцом памятника архитектуры, поскольку все его составляющие, как представлялось архитектору-учёному, были соединены по законам безупречной логики, соответствовали тщательно разработанному плану.

Совершенно в духе позитивистского детерминизма выдержан и основополагающий принцип Э. Э. Виолле-ле-Дюка в деле реставрации памятников архитектуры. Он считал, что реставратор должен исходить не из реального облика памятников, а из того, «какими они должны были бы быть», если бы их создатели неукоснительно следовали принципам архитектурной логики⁹.

Наиболее яркий пример подобного рода реставрации – проведённое Э. Э. Виолле-ле-Дюком восстановление собора Парижской Богоматери (1845–1864 гг.), сильно пострадавшего от многочисленных перестроек и разрушений времён Великой французской революции. Благодаря кропотливому труду Виолле-ле-Дюка собор обрёл

свой современный вид. У его реставрационного метода уже тогда было немало противников, и Виолле-ле-Дюк не смог полностью осуществить свой замысел¹⁰, но нельзя не отметить по крайней мере того, что именно благодаря спорному методу учёного-реставратора мировая художественная культура приобрела знаменитую галерею химер собора Парижской Богоматери.

Эти фантастические существа с телом обезьяны и крыльями летучей мыши, олицетворяющие злые силы и человеческие грехи (самой знаменитой из химер является ночная птица Стрикс), появились на свет в ходе реставрации собора в XIX в., но настолько глубоко пронизаны духовной атмосферой средневековья, что воспринимаются сегодня в неразрывном единстве с собором, точно так же как и дошедшие до нас из XIII в. гаргульи.

Э. Э. Виолле-ле-Дюк исходил из необходимости реставрации любого памятника средневекового зодчества как органического целого и каждой детали этого организма, находящейся в нерасторжимом единстве с другими и целым, в отдельности. В основе реставрационных работ Виолле-ле-Дюка лежало глубочайшее знание эпохи, её мировосприятия, социальной психологии и повседневной жизни. Две фундаментальные работы – «Толковый словарь французской архитектуры XI–XV вв.» и «Словарь французской утвари со времён Каролингов до эпохи Возрождения»¹¹ – создавались Э. Э. Виолле-ле-Дюком как научно-справочные издания, адресованные архитекторам-практикам. Но их содержание (в особенности последнего) значительно шире названий. Неслучайно название русского перевода некоторых его частей звучит очень современно – «Жизнь и развлечения в средние века»¹². Занимаясь вопросами реставрации памятников архитектуры, он стал выдающимся знатоком истории средневековых городов Франции, причём знатоком несколько иного рода, чем историки-профессионалы его времени. Ведь решение задач реставрации архитектурных памятников потребовало от Виолле-ле-Дюка обращения к тем сферам жизни средневекового города, которые оставались за пределами внимания современных ему историков-профессионалов. Внимание последних, исходивших из характерного для историографии второй половины XIX в. фундаментального методологического принципа «история – это прежде всего тексты», было приковано преимущественно к институциональной истории, поскольку первый пласт письменных источников, порождённых городской жизнью средних веков и непосредственно отразивших её, составили городские хартии – памятники городского права. В самой же проблематике урбанистических исследований ведущее место заняло переосмысление истории становления французских городов-коммун – отказ от обоснованной в работах О. Тьерри в первые десятилетия XIX в. концепции борьбы за городские коммуны как великого освободительного

антифеодалного движения и возобладание представлений о постепенном, плавном перерождении феодального поместья в городскую коммуны как «коллективную сеньорию»¹³.

В отличие от своих современников – профессиональных историков Э. Э. Виолле-ле-Дюк изучал хозяйственный уклад, типы жилищ, повседневную жизнь – одним словом, все, включая мелкие и мельчайшие составляющие городского организма¹⁴. Из этих потребностей и выросли его словари, предназначавшиеся прежде всего архитекторам и художникам-реставраторам второй половины XIX столетия, но органически вписывавшиеся в современную историческую литературу. Объясняя читателю замысел своего «Толкового словаря французской утвари», Виолле-ле-Дюк отмечает в духе методологических идей культурной антропологии: «Чтобы составить правильное представление о старинных вещах, их назначении, необходимо знать обычаи тех, кто ими пользовался, тем более, что обычаи эти во многом отличаются от современных»¹⁵. Обобщая вводные замечания, исследователь пишет: «Итак, настоящий труд – попытка собрать воедино и тщательно классифицировать “вещественные доказательства” минувших эпох, чтобы на их основе получить связный рассказ и, объединив разрозненные материалы (иногда краткие заметки), преподнести факты таким образом, чтобы осветить социальную и частную жизнь средневекового общества»¹⁶.

Колоссальная эрудиция и редкая работоспособность позволили Виолле-ле-Дюку стать подлинным реформатором в деле реставрации исторических памятников. Именно он ввёл в оборот понятие «исторический город», рассматривая в качестве исторического памятника город в целом, а не отдельные его составляющие¹⁷. Благодаря этому были сохранены неповторимые архитектурные ансамбли средневековых городов Франции¹⁸.

Бесспорно, самая яркая работа Э. Э. Виолле-ле-Дюка в этом ряду – реконструкция Каркассона, продолжавшаяся с 1852 по 1879 г.¹⁹ По ряду причин Каркассон предоставил Виолле-ле-Дюку уникальные возможности для проведения реставрационных работ. Во-первых, сам по себе он является интереснейшим многослойным памятником, окружённым таинственным ореолом легенд и преданий. Сердце средневекового Каркассона составлял возникший во времена раннего средневековья графский замок, вокруг которого постепенно вырос Старый город, в XIII в. опоясанный двумя линиями крепостных стен с 52 башнями. Во многих отношениях воздвигнутый здесь комплекс оборонительных сооружений представлял собой вершину военно-фортификационного искусства средневековья. В том же XIII в. на противоположном пологом берегу реки Од вырос Новый город с регулярной застройкой, геометрически чёткой планировкой улиц и готическим собором Святого Михаила, над реставрацией которого в 1857–1869 гг. работал Э. Э. Виолле-ле-Дюк.

Во-вторых, в первые столетия Нового времени город влачил существование глубокого захолустья. Не докатились до стен Каркассона и волны индустриализации XIX в., потребовавшей во многих случаях радикальной перестройки городского пространства²⁰. Поэтому при воссоздании облика средневекового города на пути реставраторов не встречалось непреодолимых препятствий, а напротив, задачи реставрации приобрели приоритетное значение по сравнению со всеми прочими проблемами и потребностями Каркассона.

В результате кропотливого многолетнего труда реставраторов был воссоздан уникальный природно-архитектурный комплекс, ставший столь же уникальным историко-культурным заповедником французского средневековья, не только привлекающим сегодня множество туристов из всех уголков мира, но и вошедшим в фонд мирового культурного наследия ЮНЕСКО. А исследователь средневековой истории Провансальского Юга и Альбигойских войн имеет редкую возможность окунуться в атмосферу минувших столетий и попытаться найти ответы, остающиеся открытыми до настоящего времени.

Примечания

- 1 Есть основания полагать, что Э. Э. Виолле-ле-Дюк и сам «почитал себя романтиком» (См.: История европейского искусствознания. Вторая половина XIX века. М., 1966. С. 92).
- 2 А. Моруа, говоря о воздействии «Собора Парижской Богоматери» на современников, отмечал: «Его книга оказала глубокое воздействие на французскую архитектуру. До него строения, возведённые до эпохи Возрождения, считали варварскими, а после появления его романа их стали почитать, как каменные библии» (Моруа А. Олимпико, или Жизнь Виктора Гюго. М., 2002. С. 217).
- 3 *Виолле-ле-Дюк Э. Э. Беседы об архитектуре* : в 2 т. М., 1937. Т. 1. С. 228.
- 4 Именно к Виолле-ле-Дюку П. Мериме обратился в конце жизни (в письме, написанном в январе 1865 г.) с очень важной просьбой: «Я заявляю в своём завещании о том, что придерживаюсь Аугсбургского исповедания, и прошу Вас проследить, чтобы меня не препроводили в храм Фомы Аквинского» (Цит. по: *Фрестье Ж. Промисер Мериме*. М., 1987. С. 275).
- 5 Значение трудов Виолле-ле-Дюка по теории архитектуры, их влияние на направление развития архитектуры рубежа XIX–XX вв. оцениваются очень высоко. См.: *Бартенев И. А., Батажкова В. Н. Очерки истории архитектурных стилей*. М., 1983. С. 192–193; *Гуляницкий Н. Ф. История архитектуры*. М., 1984. С. 222–223.
- 6 *Виолле-ле-Дюк Э. Э. Указ. соч.* С. 238.
- 7 Там же. С. 432.
- 8 Там же. С. 276.
- 9 См.: *Базен Ж. История истории искусства : От Вазари до наших дней*. М., 1995. С. 103.

- ¹⁰ Э. Э. Виолле-ле-Дюк отмечал: «Если фасад собора Нотр-Дам в Париже прекрасен в том виде, в каком он существует в настоящее время, нужно, тем не менее, признать, что всё было замечательно хорошо подготовлено, чтобы получить завершение в виде каменных спилей и что их отсутствие вызывает сожаление. В конструкции башен чувствуется сила, неоправданная, поскольку они ничего не несут» (*Виолле-ле-Дюк Э. Э. Указ. соч. С. 292*).
- ¹¹ *Viollet le Duc E. E. Dictionnaire raisonné de l'architecture française du X au XVI siècle. P., 1875. T. I–X; Dictionnaire raisonné du mobilier français de l'époque Carolingienne à la Renaissance. P., 1865–1874. T. 1–6.*
- ¹² *Виолле-ле-Дюк Э. Э. Жизнь и развлечения в средние века. СПб., 1999.*
- ¹³ *Гутнова Е. В. Историография истории средних веков. М., 1974. С. 149–153.*
- ¹⁴ Показательным представляется в этой связи свидетельство М. дю Канна о временах совместной работы Э. Э. Виолле-ле-Дюка и Проспера Мериме в Комиссии по охране исторических памятников: «Когда Мериме не мог определить время какого-либо щипца или пинакля, он советовался со своим другом Виолле-ле-Дюком и тот ему подсказывал и подсказывал всегда правильно» (Цит. по: *История европейского искусствознания. Первая половина XIX века. М., 1965. С. 53*).
- ¹⁵ *Виолле-ле-Дюк Э. Э. Жизнь и развлечения в средние века. С. 20.*
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ События современности со всей остротой поставили вопрос об охране исторических городов. В 1850–1860-е гг. осуществлялась грандиозная реконструкция Парижа, главным вдохновителем которой являлся префект департамента Сены барон Ж.-Э. Осман. Последний писал в своих воспоминаниях, что при прокладке новых улиц преследовал три цели – прямизну, симметрию, ориентир. Реконструкция Парижа привела к разрушению множества зданий. Одним из примеров этого подхода было создание прямоугольной площади возле собора Парижской Богоматери, позволившее любоваться шедевром готического зодчества в различных ракурсах, но имевшее следствием полное разрушение исторической застройки (см.: *Саваренская Т. Ф., Швидковский Д. О., Петров Ф. А. История градостроительного искусства. Поздний феодализм и капитализм. М., 1989. С. 220–225*).
- ¹⁸ Отмечая значение трудов Э. Э. Виолле-ле-Дюка для сохранения культурного наследия западного средневековья, следует отметить и то, что благодаря его чертежам и расчётам можно составить представление о памятниках архитектуры, разрушенных в годы Первой мировой войны. См. об этом: *Кирпичников А. Н. Виолле-ле-Дюк. Жизнь, деятельность, творчество // Виолле-ле-Дюк Э. Э. Жизнь и развлечения в средние века. С. 12–13.*
- ¹⁹ Именно Каркассон выступает в качестве одного из самых ярких образцов крепостных сооружений эпохи Средневековья в общих работах по истории градостроительства и архитектуры. См.: *Бартенев И. А., Батажкова В. Н. Указ. соч. С. 63; Саваренская Т. Ф. История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальный периоды. М., 1984. С. 151–152, 162.*
- ²⁰ Примером противоположного рода может послужить Тулуза, вступившая после строительства прошедшей через неё железной дороги в период стремительного роста, который потребовал прокладки новых улиц, прорезавших средневековые кварталы, что привело к гибели уникальных памятников архитектуры (*Саваренская Т. Ф., Швидковский Д. О., Петров Ф. А. История градостроительного искусства. Поздний феодализм и капитализм. С. 228*).

УДК 94 (47). 08

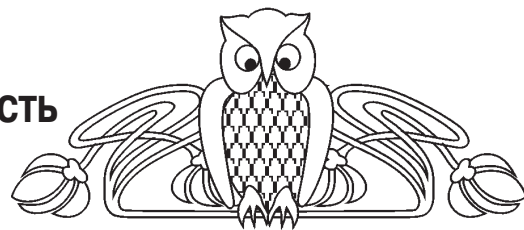
«ЗОЛОТОЙ ВЕК» МЕЩАНСТВА: МЕЩАНСКАЯ ГОРОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В 50–60-е ГОДЫ XIX ВЕКА

З. М. Кобозева

Самарский государственный университет
E-mail: zoya_kobozeva@mail.ru

В статье анализируется мещанская сословная повседневность провинциального города Самары в 50–60-е гг. XIX в. Период, предшествующий городской реформе 1870 г., обозначен как «золотой век» мещанской идентичности, так как именно в этот период мещанство было наиболее активно в рамках городского сообщества.

Ключевые слова: мещанство, повседневность, идентичность, сословие, город, «золотой век».

**«Golden Age» of Meschanstvo: Urban Daily Routine
of Meschanstvo Estate in the 50–60s of the XIX Century**

Z. M. Kobozeva

The article provides the analysis of the meschanstvo estate daily routine in the provincial Samara town in the 50–60s of the XIX century. The period of time which precedes the City Reform of 1870 is considered to be “the Golden age” of the meschanstvo estate identity due to the fact that in this very period of time meschanstvo acted especially actively within the town community.

Key words: meschanstvo, daily routine, identity, estate, town, «Golden age».

Самым сложным вопросом в изучении словесной жизни мещанства дореволюционного периода является проблема социальной идентичности людей, объединённых в рамках государственного правового определения. «Одним из главных источников путаницы при определении социальных категорий являлась... напряжённость между фискально-правовой политикой государства и экономическим развитием общества. В то время как налоговая и регистрационная политика были направлены на определение социальных границ, экономическое развитие и собственные правительственные образовательные потребности активно их стирали»¹.

Если встать на точку зрения, что в России при определении социальной идентичности определяющую роль играла сфера культуры, а не экономическое неравенство², то следует рассматривать проблему мещанской повседневности как культурологический феномен, помогающий определить психологию социальной группы в отношении своей идентичности и своего места в пространстве империи. После десятилетий объяснения исторической наукой социальной стратификации через призму классовой теории, а также в «чаду» современных подходов тотального теоретизирования весьма сложно прорваться в психологический мир «срединного чрева» городской жизни дореволюционной России, в психологию мещанства, чтобы понять, насколько перспективно с точки зрения модернизационных процессов было это сословие и каким образом люди мещанского круга определяли границы своего социального локуса. В этом отношении я солидаризируюсь с Ш. Фицпатрик, которая в отношении «молодых историков культуры», представителей школы «советской субъективности» пишет: «Их интересуют идеология и дискурс и увлекает в первую очередь теория. Меня интересуют социальная практика и повседневность»³.

Понятие «история повседневности» в последнее время несколько девальвировано описательными детализированными исследованиями, касающимися истории быта горожан, или, как об этом говорит О. Гавришина, «в текстах по повседневности, как художественных, так и вполне академических, обращает на себя внимание стремление к избыточно подробным описаниям, длинным перечислениям, бесконечным наименованиям, которые как бы не требуют действия и самим своим присутствием нечто значат»⁴. Данное явление вытекает из потери интереса к созданию тех или иных объяснительных моделей исторического процесса в связи с некой утомлённостью от макроисторических парадигм советской историографии. Для нас интересны вопросы конструирования социальной идентичности мещанства с точки зрения отождествления себя с некой группой и конструирование персональной идентичности, «кипящее целью установить степень своей личности внутри категории»⁵. Рассмо-

трению этого вопроса помогает анализ поведения людей в той или иной ситуации: в рутинной повседневности или же когда в силу чрезвычайных исторических обстоятельств «повседневность» взрывается событийностью, меняется хронотоп обывателя и социальный актор начинает искать новую социальную категорию, к которой он мог бы прибиться. Весьма перспективна в этом отношении, на мой взгляд, теория о повсеместной драматической самопрезентации социальных акторов⁶, однако в разные исторические периоды степень интенсивности социальной «игры» и социальной «маски» разная: метафора маски в ранний советский период более выразительна, чем, скажем, театральность обывателя в городском пространстве 50–60-х гг. XIX в., к примеру в границах самарского «шумного захолустья».

В отношении делопроизводительной документации, которая является основным источником данного исследования, весьма интересен период 50–60-х гг. XIX в. Оттолкнуться хотелось бы от отрывка из главы «Формирование “документального Я”» в советском быту» в монографии Ш. Фицпатрик: «Харре предлагает понятие “документальное Я” – данные и рассказы о человеке, его история, документированная в бюрократических бумагах, в досье, помеченных его именем... Подобные досье обычно содержат автобиографии, заявления о приёме на работу, характеристики. Копии свидетельств о рождении и браке, сведения о судимостях... Хотя у человека только одно реальное “Я”, его может сопровождать по жизни бесконечная толпа документальных “Я”, каждое из которых представляет какой-то аспект его личности, определённый соответствующим делопроизводителем»⁷. Несмотря на то что дореволюционная делопроизводительная практика не несла в себе семантической роли улики, тем не менее в 50–60-е гг. XIX в. мещанин как-то более эмоционально апеллирует в «градскую» думу, чем в последующий период, после реформы городского управления. В дальнейшем порвётся некая «пуповина», связывающая обывателя с властью: он перестаёт «плакать» во власть, исчезают патриархальные письма городскому «голове», исчезают вообще редкие для сословия, случайно попавшие в фонд городской думы письма мещан, исчезает рукописный текст и приходит эра печатной бумаги. По фондам городской думы и городской управы совершенно явственно пролегает водораздел между 60-ми и 70-ми гг. XIX в.: наивный и открытый человек превращается в дистанцированного и закрытого, коллективный – в «self made man».

Ш. Фицпатрик пишет, что «сословная структура оскорбляла образованных русских людей»⁸. Не пытаюсь опровергать данный тезис, хотелось бы обратить внимание, что «оскорбление» – достаточно сильная эмоция, которая так или иначе должна была бы проступить в источниках, касающихся мещанства – но она не обнаруживается

в документации 50–60-х гг. XIX в. Или же исходить из того, что под «образованными людьми» Фицпатрик подразумевает интеллигенцию, рефлексия которой не могла оставить следа в делопроизводственной документации городской думы. Для рядового мещанства 50–60-х гг. ощущение жизни «в сословии» было частью их социальной идентичности, определённого миропорядка и статус-кво. Н. Г. Помяловским в повести «Мещанское счастье» был введен тип людей, подобных ее главному герою Егору Молотову⁹, которые, получая образование, уходили из сословия, становясь разночинцами, которым свойственны и комплекс парвеню¹⁰, и оскорблённое сословностью чувство собственного достоинства, и желание сформулировать свою идентичность в виде достойной «социальной маски», чтобы не звучало вслед: «...этим людям кусок хлеба дай, и они что хочешь будут делать ... у них нет этого дворянского гонору ... манер нет...»¹¹

В качестве рабочей гипотезы можно было бы предположить, что рассматриваемый период являлся своего рода «золотым веком» мещанского сословия. И дело тут не столько в каких-то законодательных событиях, хронологически выделивших данный период, как в ситуации с «золотым веком» русского дворянства, сколько в определённом этапе сословной психологии, в изменении функциональной структуры русского города. Это касалось постепенного разрушения хронотопа провинциального замкнутого патриархального городского пространства, усложнения хозяйственной деятельности мещан, повышения их образовательного уровня и интенсификации социальной мобильности, причём все эти процессы происходили не «благодаря», а «вопреки» социальной политике власти.

До 70-х гг. XIX в. городская дума являлась неким официальным «чревом» мещанской жизни, регулирующим повседневные стратегии и практику сословного существования. Какой бы неэффективной и искусственной с точки зрения историографической интерпретации не выглядела её деятельность¹², градская дума в значительной степени организовывала быт мещан и купцов 3-й гильдии (после 1824 г. купцы 1-й и 2-й гильдии получили право отказываться от службы в сословных городских учреждениях)¹³.

Символическое значение в напечатанной повести Н. Г. Помяловского в 1861 г. в том, что текст обращён не внутрь, а вовне, является знаком не мещанства, а бегства от мещанства той его образованной части, которая латентно апеллировала к высокой культуре: «Посмотрите, как я страдаю в своей среде, обратите на меня внимание!» (и вот в этом-то случае как раз и можно говорить об оскорблённом сословностью чувстве). В определённой степени, Помяловского, давшего литературный знак мещанству, можно было бы отнести в категорию лиц «социально несуществующих»¹⁴

для мещанства как целостной структуры. И тем не менее для провинциального «ядра» мещанской самобытности в символическом плане был весьма показателен введённый в русскую культуру код иронического словоупотребления выражения «мещанское счастье» в значении узости обывательских интересов и отсутствия высоких стремлений. Как мне видится, тем самым мещанство не уходило «в тень», а, благодаря «возможности существования таких языков, которые позволяют говорить о своём как о чужом и о чужом как о своём»¹⁵, становилось выразительной частью российской истории, представляющей собой «синтез факта и смысла»¹⁶.

Таким образом, в 50–60-е гг. XIX в. мещанство более, чем в другие периоды своей сословной истории, обнаружило себя как коллектив, а следовательно, именно на этом этапе в большей степени проявилось его несформулированное самосознание, проявившееся в поведении, основой которого «становятся чувства частичности и причастности», «одновременное переживание себя и в качестве подобного универсуму целого, и как его части»¹⁷, в позднейший же период «в пространстве между коллективизмом и эгоизмом ... между стадностью и индивидуальностью»¹⁸ победит индивидуальность (одна из характерных черт модернизации) и мещанин воплотит в своей жизненной стратегии тексты поведения «self made man».

Стратегия повседневного поведения мещанства, с одной стороны, задавалась правовыми установлениями, с другой стороны, мещане «применяли и интерпретировали правовые формулы в ответ на различные обстоятельства, нужды и стремления»¹⁹. Формированию специфической социально-культурной идентичности мещанства в 50–60-е гг. XIX в. способствовала, как это ни покажется странным, сама формальная административная практика правового определения мещанства, сделавшего его весьма открытым для культурного взаимопроникновения через расширение круга лиц, могущих вступать в сословие.

Указом 1849 г. был облегчен переход государственных крестьян в городское сословие; в 1858 г. разрешено перечисление евреев в Сибири из государственных крестьян в мещане; Положение 1861 г. и закон 18 января 1866 г. подтверждали право вступления в мещанство сельских обывателей всех категорий; в 1835 г. осёдлым самоедам было разрешено вступать в сословие мещан; в 1842 г. крестившиеся евреи, а также вернувшиеся из Сибири ссыльнопоселенцы могли приписываться к мещанским обществам; в 1855 г. стали причислять к мещанству лиц, уволенных из цеха вольных матросов; в том же году было дозволено сосланным на проживание в отдалённые губернии записываться там в мещане; с 1833 г. стали записывать в мещане священнослужителей, лишённых духовного сана за преступления и по-

роки; с 1850 г. представители бывшей польской шляхты, не доказавшие дворянства, перечислялись в мещане; с 1852 г. дети личных дворян, не имевшие офицерских чинов, могли вступать в мещанство; перечислялись купцы, не выкупившие свидетельства; в мещанство могли вступать также все лица, имевшие право или обязанность избрать род жизни, – незаконнорожденные, подкидыши, не помнящие родства, церковные причётники, уволенные из духовного звания за пороки, жители польских губерний, переселившиеся в другие губернии, ссыльные, которым разрешено было вернуться из Сибири во внутренние губернии, уральские и среднеазиатские инородцы, принявшие православие, сосланные раскольники в случае их обращения в православие, солдатские и матросские дети и военные кантонисты, оставшие нижние воинские чины и т. д.²⁰

Таким образом, мещанство представляло собой такую «концентрацию активностей»²¹, которую удержать в сословных рамках мог только или очень мощный, или очень удобный символ, «скелетная система», которой присуща конструктивность, способная обеспечивать состояние взаимного тяготения элементам системы. Символом сословного духа становится мещанское общество – некая осознанная структура в исключительно фрагментированном социальном слое. Это была та стабильная структура, вокруг которой создавались социальные связи.

Другое дело, что податное состояние сословия налагало на мещанское общество отрицательную коннотацию, но она декомпенсировалась социальной ролью **дома**. А. П. Каплуновский начинает своё исследование мещанской общины Казанского Поволжья с 70-х гг. XIX в., связывая эту хронологическую границу с организационным выделением мещанской общины из состава городского общества и получением самостоятельного статуса²². Действительно, в первой половине XIX в. мещанское общество города организационно входило в градское общество и не имело статуса самостоятельного юридического лица. Городская дума наряду с городским хозяйством занималась и делами сословных обществ²³.

Реформа 1870 г. внесла изменения в деятельность мещанского общества. Дела отдельных сословий были изъяты из ведения городского управления и переданы в сословные органы, ставшие юридически самостоятельными. Однако «при декларированной самостоятельности деятельность этих сословных обществ находилась под контролем правительственных властей в лице губернатора, казённой палаты, а иногда и Министерства внутренних дел»²⁴. По городскому положению для заведования делами общества учреждались мещанские управы.

Таким образом, казалось бы, всё говорит в пользу отсчёта так называемого золотого века мещанства начиная с 70-х гг. XIX в. В этой связи хочется привести высказывание В. И. Ленина:

«Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой»²⁵. Если рассматривать историю людей с точки зрения эволюции законодательства, очерчивающего их жизнь, то действительно, когда возникает больше сословных полномочий, больше прав – тогда и «золотой век». Но если под понятием «золотой век» понимать мифологическое представление о «счастливом и беззаботном состоянии первобытного человечества», когда, как у Гесиода, «жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душой, горя не зная, не зная трудов ... А умирали как будто объятые сном...»²⁶, то есть в качестве критерия выделения «золотого века» учитывать психологические импульсы источника, диктующего сюжеты мещанской повседневности 50–60-х гг. XIX в., создаётся стойкое впечатление, что именно в границах дореформенного городского общества наиболее отчётливо проявились константы «мещанского рая», или «золотого века»: дом, семья, работа в городе (базар), порядок. Каждая из данных констант предполагает отдельное серьёзное исследование, поэтому в рамках данной статьи ограничусь зарисовками на тему, архивными впечатлениями.

Дом. Мещанская семья обычно жила в собственном небольшом деревянном доме или флигеле. В большинстве губернских городов в 60-е гг. мещанам, отставным солдатам принадлежало до 75% домостроений²⁷. Некоторые мещане владели двухэтажными домами, в которых жилое помещение соединялось с торговым, расположенным на первом этаже. Данные факты подтверждаются обывательской книгой г. Самары за 1855 г.²⁸ При работе с данным документом поражают удивительная терпеливость и упорство мещан. Самара часто горела, особенно в тот период когда создавалась обывательская книга. В данном источнике прослеживаются весь путь владения домом от прежних хозяев к нынешним и дальнейшая перестройка. Притом что, судя по графе обывательской книги, касающейся «промысла» владельцев недвижимости, большинство было занято чёрной работой, дома после пожара в ближайшие годы отстраивались заново, люди стремились выстроить дом каменный или на каменном фундаменте²⁹. В данном источнике мещанский дом выступает весьма символически – как внешняя оболочка. Дается подробное описание «путешествия» этой оболочки во времени, но во внутреннее пространство дома мы попасть не можем. Мещанин не обязан демонстрировать власти (а обывательская книга составлялась как документ административного и сословного учёта городского населения) свой частный домашний мир, он вообще не стремится его показывать, хотя, замечу, городской образ жизни предполагал «открытые двери» (основным видом мещанских городских девиаций были кражи, в документах часто указывается, что вещи

украдены из незапертой квартиры и т. д.). «По мере развития цивилизационного процесса ... индивидуалистические аспекты жизни в доме приобретают всё большую значимость, порождая идеи уединения, комфорта, вообще домашнего быта ... воспринимаемый таким образом дом становится поэтому не только укрытием и приютом, но ещё и «удобством и удовольствием»³⁰. Таким образом, мещанство утверждается в городе, завоевывает своё сословное (общественное) пространство как некую маргинальную респектабельность, которую давало владение дворовым местом и домом (даже если это ветхая изба).

Семья. Мещанская делопроизводственная документация – весьма специфический источник для исследования антропологии семьи, так как в ней сюжеты, связанные со взаимоотношениями внутри семьи, выглядят скорее как намёки на то, что характеризовало семейный быт. Главный вопрос, касающийся семейного быта, связан с трансформацией традиционной патриархальной этической модели взаимоотношений мужчины и женщины в городском пространстве, подверженном инновациям. Достаточно часто встречаются дела о незаконнорожденных детях, причём в тех случаях, когда известно имя матери, источник не содержит даже косвенных отрицательных коннотаций в отношении женщин, родивших «во грехе». Сами матери незаконнорожденных детей, установившие в дальнейшем свои матримониальные отношения, не испытывают страха или смущения при пересказе жизненных историй об отдаче незаконнорожденного ребёнка в другую семью. Другой часто встречающийся факт – когда мужья усыновляют незаконнорожденных детей своих жён. Усыновление незаконнорожденных детей и приёмных нельзя однозначно интерпретировать в этическом плане, так как часто за этим скрывался прагматический интерес, связанный с перспективой рекрутской повинности.

Зависимость жён от мужей подчёркивается паспортной системой. В 1853 г. было разрешено включать мещанок в паспорта их мужей. Без согласия мужа женщине не выдавался отдельный вид на жительство, только девицам или вдовам. Часто в делопроизводственной документации встречаются требования мужей не выдавать паспортов жёнам, которые, по их заявлениям, уже давно живут отдельно и безнравственно. В ответ на это жёны пишут мещанскому старосте (или позднее в управу), что муж пил и отказывался содержать, поэтому и пришлось идти в услужение или в другой город на заработки.

Отношение к старости – ещё один важный момент в семейной этике. «Распад универсальной картины мира с присущей ей религиозной доминантой не только способствовал обособлению личности»³¹, но и приводил к нарушению традиционной этической нормы патриархального семейного уклада – заботы о престарелых членах семьи. Возможно, это происходило и оттого, что

городская среда в XIX в. на фоне земледельческой культуры выступала как маргинальное образование³² со свойственными маргиналам текстами поведения. Старость в городе при отсутствии семейной поддержки и средств к существованию была равносильна медленной смерти. На детей возлагались надежды социальной опеки. Давать средство к содержанию – основной мотив межпоколенческого взаимодействия в семье. Марфа Парфёновна Бередникова решила причислить к своему семейству зятя, Герасима Васильевича Борисова, и «приняла» его в свой дом на том основании, что никаких родных у неё, кроме дочери и зятя, нет, а зять «оказывает мне должное уважение и послушание, своими трудами даёт мне средство к содержанию так как бы родной сын и управляет домохозяйством с большою прилежностью и заботливостью»³³.

Как бы ни хотелось «сбежать» от дискурса Горьковских «Мещан» – не получается (по крайней мере применительно к рассматриваемому периоду). Основные компоненты мещанской этики – бережливость и умеренность, расчётливость и деловитость – определяют лейтмотив мещанской повседневности, но с многочисленными вариациями «на тему» и не менее многочисленными девиациями. Мещанский тип личности – без отрицательных коннотаций – действительно свойствен мещанскому сословию, и имеет смысла перманентно стеснительно уточнять, что под мещанином подразумевается не всякий житель города, а явление «с совершенно особенным характером души», «тип, а не сословие»³⁴.

Характеристика «мещанского типа личности» вполне соответствует образу жизни и картине мира мещанского сословия середины и второй половины XIX в.: «... мещанин поглощён хозяйственной деятельностью, делая её предметом своего постоянного внимания ... что приводит к отказу от праздности как важного признака традиционной, т. е. докапиталистической культуры ... мещанин начинает ценить время. Следующая черта мещанина – его особая бережливость, которая и ассоциируется с хозяйственностью. Бережливость соседствует с умеренностью, благопристойностью и разумностью. Однако более значимая черта мещанина – критерий полезности, в соответствии с которым он оценивает мир»³⁵. Только следует уточнить – подобная картина мира обусловлена не особым складом души, а необходимостью выживать в социальном пространстве города. В делах фонда городской думы встречается значительное количество сюжетов, касающихся жалоб стариков-родителей на детей, оставивших их без опеки. Но в 50–60-е гг. XIX в., тем не менее, не встречается делопроизводственных материалов, из которых видна какая-то устрашающая социальная незащищённость стариков и больных. Такие сюжеты появляются позднее, в делопроизводстве городской управы.

Приведу для контраста две истории. Самарская мещанка М. Н. Ефимова, «очень хилая, дряхлая, к труду неспособная», жила бесплатно в квартире мещан Зиминых «из сожаления», пока они не обратились с просьбой принять её в богадельню. Единственный сын умер от холеры, муж торговал на рынке ветхой одеждой и тоже умер. Пока были силы, женщина торговала на Троицкой площади пельменями, потом стала собирать милостыню на паперти Троицкой церкви. В конце концов добрые люди ей помогли и устроили в богадельню³⁶. Или ещё одна зарисовка «мещанской старости». Священник Иоанн Беневальский писал в богадельню: «Вчера у парадной двери моей квартиры улеглась ночевать самарская мещанская вдова Ксения Фёдоровна Филиппова, имеющая от рождения 90 лет ... Я позволил ей ночевать в холодном помещении на дворе моей квартиры ... Но теперь, когда настало холодное время, ей жить негде. Я сам с семьёй по случаю ремонта квартиры живу в холодном помещении ... дошедшей до детского состояния, она может замёрзнуть и умереть. Прошу взять её от меня сегодня же»³⁷. Достаточно трудно «заглянуть в замочную скважину» мещанского семейного быта, чтобы понять отношения внутри семьи. Один из способов проникновения в этот мир – вопрос о границах: насколько по мере усложнения организма города сужались границы семейного мира, насколько легитимизировано было частное пространство мещанина, кто отторгался и кто осуждался этим внутрисословным локусом.

Порядок. Под порядком следует понимать не столько отрефлексированную сословную нравственность, сколько особый этос повседневной жизни, обеспечиваемый дисциплинарной компетенцией мещанского общества – правом исключать из своей среды порочных и за развратное поведение³⁸. «Противузаконную» игру в деньги «допустили» в гостинице содержатель Крутицкий с мещанином Башкатовым, казачку Кручинину избил мещане Карп, Егор и Екатерина Ивановы, мещанина Деткова избил чиновник Горячев – данные дела в 1857–1860 гг. разбирались мещанским обществом³⁹.

Городской голова являлся своего рода центром притяжения мещанства, объектом апелляции к справедливости и помощи. Обращения мещанства к городскому голове имели характер частных посланий (именно в период 50–60-х гг. XIX в.), в дальнейшем стиль обращения «во власть» становится обезличенным и лишённым этого в некоторой степени интимного колера. Так, самарскому городскому голове М. И. Назарову мещанин В. И. Дьячков писал: «Дозвольте Ваше Высочество объяснить Вам мои бедственные и неожиданные последствия. Казанский земский исправник через отношение своё просит самарскую городскую полицию выслать меня посредством внутренней стражи к приставу первого стана Казанского уезда»⁴⁰. Далее излагалась исто-

рия о том, как Дьячкова, по его словам, несправедливо обвинили в том, что в бытность сельским писарем Чурилинского общества он якобы выдал крестьянам хлеб из магазина. Дьячков уверяет, что это происки тамошнего зрителя Рахметулина, который, оказавшись перед угрозой обнаружения растраты, решил всё свалить на него. В данном прошении на имя самарского головы обращает на себя внимание другое – чувство собственного достоинства и страх перед перспективой потерять доброе имя среди сообщественников. Дьячков далее просит, если не получится его защитить, то пусть голова хотя бы поспособствует тому, чтобы из Самары его не отправляли как арестанта: «... я обяжусь сам отправиться на наёмных подводах непременно»⁴¹.

Данный момент, связанный с так называемым арестантским передвижением по стране, был достаточно болезненным в мещанской повседневности и рефлексии. Подобные ситуации возникали, когда мещанин по той или другой причине оказывался вне своего места жительства без соответствующего документа. Мещанство, будучи свободным сословием, тем не менее не имело права на беспрепятственное передвижение⁴². «Переезд на новое жительство, отлучка из города “по хозяйственным делам” всегда сопровождалась необходимостью получения для этого разрешения»⁴³. Это контролировалось выдачей мещанам «срочных» паспортов с «пропиской», в отличие от бессрочных паспортов, которые получали лица неподатных сословий⁴⁴. Ситуация с мещанином Абрамом Мухлиным иллюстрирует, что перспектива быть доставленным домой «по этапу» в принципе могла быть у любого мещанина: или человек уезжал по своим торговым делам, задерживался там, высылал почтой деньги для получения нового вида на жительство, а почта не доходила до адресата, или ему по каким-то неясным обстоятельствам выдавался подложный билет. Так, Мухлина в Уральске задержала полиция с фальшивым паспортом. Он объяснял это следующим образом: «... в бытность свою в Самаре ... вошёл в одно присутственное место и получил от неизвестного писаря, оказавшегося при нём, паспорт, а билет его оставлен им у себя, сказав при том, что паспорт этот выдаётся ему из Думы за который взял с него 3 рубля серебром ... фальшивый или нет этот паспорт сказать не может, так как принял его за действительный»⁴⁵.

Помимо городского головы другим лицом мещанского мира, выполнявшим социальную роль «защитника», выступал мещанский староста. За обращениями мещан к, скажем, «милостивому государю Никанору Семёновичу» трудно угадать личность самого Никанора Семёновича. Он как бы надсоциален, его социальная роль носит предписывающий характер, но это вовсе не означает, что «посредством социализации человек “входит” в социальную роль и обучается

правильному её исполнению»⁴⁶. На самом деле мещанский староста оказывал «активное воздействие на окружающую культурную среду»⁴⁷ в ходе социального взаимодействия внутри мещанского общества. Переписка мещан со старостой сохранилась односторонняя – только на имя старосты при полном отсутствии ответных писем. Но для изучения мещанства, признанного «безмолвствующим» сословием, чрезвычайно интересен этот всплеск эпистолярной активности, хронологически ограниченный 50–60-ми гг. XIX в. Стиль и содержание писем были приблизительно следующими: «Милостивый Государь Никанор Семёнович! Прочитав Ваше письмо от 12 сентября, переданное мне от Анисима Ивановича, мне очень приятно было читать ... оное, из коего вижу, что (Вы) ... приняли со своей стороны участие в моём положении. Я первым делом поставлю себе в непременную обязанность засвидетельствовать Вам лично чувствительную благодарность ... (и далее – о помощи в получении паспорта и погашении недоимок. – З. К.) ... приходит голодное время и я не имею ничего на себя надеть тёплого и другой одежды и где бы я взял платить подати ... но теперь ... постараюсь прежде уплатить подать, а потом буду надеяться на Бога что подаст пищу алчущим его ... нагим шести душ ... можно бы ещё надеяться на прокормление себя, да зрение глаз и здоровье ненадёжны ... Простите моей откровенности которой я может быть Вам наваял скуку и не удовольствие а для болящего только тогда и бывает отрада когда говорит с лекарем подобно и я имею отраду передавать Вам мои чувства о своём несчастном положении...»⁴⁸

Таким образом, с одной стороны, воздух города делал связанных с ним людей свободными от чувства смирения и подавленности, носителями судьбы, демонстрирующими свою активность⁴⁹, а с другой – пространство города, актуализируемое властью, колонизируемое деревенской традиционной культурой, изживало «пассионарный потенциал», чтобы в функционировании государства он не был помехой⁵⁰. Ослабление импульсов традиционной религиозности переносило часть сакрального мироощущения на административные институты, в границах которых мещанин пребывал не меньше, чем в церкви. Оставалось уповать на рационализм. И «под его натиском» складывается синкретический мир, усиленный реформами 70-х гг. XIX в., вместе с которыми заканчивается «золотой век» мещанства.

Примечания

- ¹ *Виртуафтер Э. К.* Социальные структуры : разночинцы в Российской империи. М., 2002. С. 52.
- ² Там же. С. 65.
- ³ *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 17.
- ⁴ *Гавришина О.* Повседневность во множественном числе // *Объять обыкновенное : Повседневность как текст по-американски и по-русски : материалы VI Фулбрайтской гуманитарной летней школы.* М., 2004. С. 13.
- ⁵ *Фицпатрик Ш.* Указ. соч. С. 21.
- ⁶ Там же. С. 23.
- ⁷ Там же. С. 24.
- ⁸ Там же. С. 89.
- ⁹ См.: *Помяловский Н. Г.* Мещанское счастье. Очерки бурсы. М., 1981. С. 68.
- ¹⁰ Об этом комплексе эмоций и текстах поведения см.: *Паперно И.* Семиотика поведения : Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996.
- ¹¹ *Помяловский Н. Г.* Указ. соч. С. 68.
- ¹² См.: *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 178–179.
- ¹³ Там же. С. 179.
- ¹⁴ *Лотман Ю. М.* Непредсказуемые механизмы культуры. Таллинн, 2010. С. 55.
- ¹⁵ Там же. С. 16.
- ¹⁶ Там же. С. 27.
- ¹⁷ Там же. С. 59.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Виртуафтер Э. К.* Указ. соч. С. 170.
- ²⁰ См.: *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2009. С. 454–458.
- ²¹ *Почепцов Г. Г.* История русской семиотики до и после 1917 года. М., 1998. С. 25.
- ²² См.: *Каплуновский А. П.* Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья, 1870–1918 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.
- ²³ См.: *Кошман Л. В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия : Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 216.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Цит. по: *Мифы народов мира.* Энциклопедия. Т. 1. А–К. М., 1994. С. 472.
- ²⁶ *Мифы народов мира.* Т. 1. С. 471.
- ²⁷ См.: *Кошман Л. В.* Указ. соч. С. 264.
- ²⁸ См.: Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 170. Оп. 6. Д. 120. Обывательская книга губернского города Самары. Первая часть. Имеющим недвижимую собственность.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Ванн Баак Й.* Дом и мир // *Антропология культуры.* Вып. 3. М., 2005. С. 40–41.
- ³¹ *Хренов Н. А., Соколов К. Б.* Художественная жизнь императорской России (субкультуры, картины мира, ментальность). СПб., 2001. С. 38.
- ³² Там же. С. 73.
- ³³ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 326. Л. 1.
- ³⁴ *Хренов Н. А., Соколов К. Б.* Указ. соч. С. 109.
- ³⁵ Там же. С. 113.
- ³⁶ См.: ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 928. Л. 50.
- ³⁷ Там же. Л. 73.

³⁸ См.: Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 398.

³⁹ См.: ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 493. Л. 42.

⁴⁰ Там же. Д. 493. Л. 48.

⁴¹ Там же. Л. 48 об. – 49.

⁴² См.: Кошман Л. В. Указ. соч. С. 209.

⁴³ Там же.

⁴⁴ См.: Иванова Н. А., Желтова В. П. Указ. соч. С. 461–462.

⁴⁵ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 493. Л. 155.

⁴⁶ Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 39.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ ЦГАСО. Ф. 217 (Мещанской управы). Оп. 1. Д. 26. Л. 1021 об. – 1022 об.

⁴⁹ См.: Хренов Н. А., Соколов К. Б. Указ. соч. С. 247–248.

⁵⁰ Там же. С. 251.

УДК 75(4–15) (09)

«БАЛ В МУЛЕН ДЕ ЛА ГАЛЕТТ» П. О. РЕНУАРА: ГОРОДСКИЕ УВЕСЕЛЕНИЯ В ИСКУССТВЕ ИМПРЕССИОНИСТОВ

Н. С. Креленко

Саратовский государственный университет
E-mail: krelenko@mail.ru

Автор статьи использует в качестве визуального источника произведение изобразительного искусства. Картина великого художника-импрессиониста П. О. Ренуара «Бал в Мулен де ла Галетт» позволяет увидеть сценку парижского быта последней трети XIX века.

Ключевые слова: история культуры, урбан история, импрессионизм, П. О. Ренуар.

«Dance at Le Moulin de la Galette» by P. O. Renoir:
Urban Amusements in the Impressionist Art

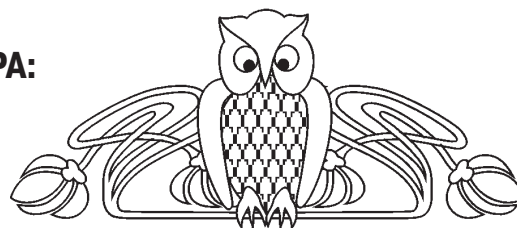
N. S. Krelenko

The author of the article uses an artwork as a visual source for the research. The painting *Dance at Le Moulin de la Galette* by the great impressionist artist P. O. Renoir allows studying the scene from daily life in Paris in the last third of the 19th century.

Key words: history of culture, urban history, impressionism, P. O. Renoir.

Рассказать о жизни людей прошлого могут самые разные источники, надо только старательно их изучать. Так, живописные полотна – это не только проявление творческого самовыражения художника, но свидетельство внешних примет времени (чем люди занимались, как развлекались, как одевались), которые создают видимый образ прошлого, тех его черт, которых не способны воссоздать письменные источники, ни официальные, ни личные. Трудно передать словами цвета и формы видимого мира, каждый читающий немного по-своему вообразит описываемое лицо, фигуру, позу человека. Визуальные источники делают такие образы наглядными. Кроме того, они дополняют источники письменные, передавая чувства и настроение, владевшие теми, кто изображен на них, и теми, кто их изображал.

Урбанизация западного общества в XIX в. переживала качественно новый этап. В ту пору города не просто росли в числе и размерах – меня-

лась структура городского пространства, менялся уклад жизни его обитателей. Определенная роль в осмыслении этого процесса принадлежит визуальным источникам. Это особенно касается Парижа, ставшего во второй половине XIX в. культурной столицей западного мира.

В середине столетия Париж стал вторым «миллионником» среди европейских городов. Причем население французской столицы выросло с 1 млн человек до 1,9 млн за небольшой срок с 1851 по 1881 г. Произошло это за счет присоединения к городу в 60-х гг. нескольких пригородных территорий¹. Особое место среди этих территорий принадлежит Монмартру (Холму мучеников) – возвышенности, продуваемой ветрами, где в прежние времена среди полей и огородов мелькали крылья нескольких десятков (около 30) ветряных мельниц. Новая городская территория располагалась в часе пешего хода от центра столицы, а представляла собой сельский уголок, имеющий даже свои маки², населенный огородниками, ремесленниками и рабочими. Конный транспорт на Холм не забирался, приходилось полагаться на собственные ноги. Зато жилье здесь было дешевым (правда, лишенным каких-либо признаков комфорта, таких как отопление), продукты тоже дешевыми и свежими; свежим был и воздух, многочисленные сады, палисадники, огороды создавали своеобразный природно-обжитой ландшафт.

Сюда за дешевизной и натурой потянулись представители разных творческих профессий, люди, как правило, богатые идеями, но не деньгами. Так что число обитателей Холма быстро росло. Складывался особый уклад жизни, в котором переплетались отголоски деревенских и городских нравов.

Художник Огюст Ренуар (1841–1919) был поклонником всего натурального, естественного, искреннего, к Монмартру он проникся сначала интересом, а потом привязанностью, проявившейся в том, что большую часть жизни художник прожил

на вершине Холма. Впервые Ренуар обратился к монмартрской теме жарким летом 1876 г. Тогда художник, написал несколько картин, в том числе «Бал в Мулен де ла Галетт».

Так называлось увеселительное заведение, примыкавшее к одной из сохранившихся мельниц. В 1833 г. семья Дебре, владевшая мельницей «Ле Блют-Фен» (которая еще работала, перемалывая зерно и корни ириса для парфюмерного производства), пристроила к ней помещение с земляным полом и организовала там танцзал, по периметру которого были расставлены скамейки и столики. Посетители могли заказать сладкое вино, пиво и галеты. Отсюда название заведения. К крытому сараю, там, где находилась эстрада для оркестра, примыкал сад, куда перемещались танцоры в теплое время года.

По воскресным и праздничным дням танцы начинались в 3 часа пополудни и заканчивались в 12 часов ночи. Мужчины платили 25 сантимов за вход, женщины должны были быть в шляпках и приходить в сопровождении кавалеров – одиноких женщин в танцзал не пускали. Многие приходили семьями. Вот как охарактеризовал эти мероприятия и их участников в интересующий нас период историк повседневности Ж.-П. Креспель: «... мирок учениц в сопровождении мамаш; рабочие, ремесленники, к ним в поисках благосклонной натурщицы или счастливого случая присоединялись художники»³. По будним дням в заведении собиралась иная публика из числа местных околокриминальных элементов, но это была другая картина.

Ренуар задумал написать сцену из современной жизни. Брат художника Эдмон так оценил замысел и подход художника: «Он поселился там на полгода, перезнакомился со всем тамошним мирком и его особенной жизнью, которой не передали бы никакие натурщицы, и, вжившись в атмосферу этого популярного кабачка, с ошеломляющим подъемом изобразил царящую там бесшабашную суматоху...»

Его творчеству, помимо чисто художественной ценности, присуще все обаяние *sui generis* (лат. своеобразия) правдивой картины современной жизни»⁴.

На Монмартре образовался пестрый и смешанный состав населения: здесь старожилы, фермеры и мастеровые, перемешались с мигрантами, рабочими, клерками, приказчиками. Кроме того, заметную долю среди обитателей Монмартра составляли люди творческих профессий – актеры, поэты, художники. И все эта пестрая человеческая масса теснилась в старых (иногда старинных) неблагоустроенных домах, в житейской скученности, тесноте, бедности.

Доминирующей тенденцией в общественной жизни Третьей республики был безусловный триумф семьи как основной ячейки общества и государства, а «определение отношений между государством и гражданским обществом, между

коллективом и личностью стало главной проблемой дня»⁵. Однако эта тенденция в каждом конкретном случае проявлялась по-разному, особенно в обстановке стихийно и быстро формирующихся «мирков», каким был Монмартр последней четверти позапрошлого века. Там складывалась своеобразная атмосфера, в которой внешние проявления традиционного уклада переплетались с реалиями торжествующего «контрактного общества», а в рассматриваемом случае еще и дополнялись проявлениями богемности. Что касается этого феномена буржуазного урбанистического общества, «богемность как “символическая роль”» новой художественной элиты формировалась путем мифологизации маргинальных типажей»⁶ и обстановка Монмартра создавала для этого благодатную почву.

Получив деньги за большой портрет, Ренуар снял за 100 франков в месяц мастерскую и комнату на Монмартре по адресу улица Корто, 12 в доме, построенном около 1650 г. и принадлежавшем старому актеру. По словам Жана Ренуара, «вся его меблировка состояла из тюфака, который укладывался на пол, стола, одного стула, некрашеного комода и печки для натурщицы»⁷. К дому примыкал большой запущенный сад, послуживший художнику пейзажным фоном для такой его работы, как солнечные «Качели».

В дни, когда в Мулен де ла Галетт проводились танцы, художник с помощью друзей переносил натянутый на подрамник холст (175 на 131 см) в сад около «Мельницы», чтобы иметь возможность писать непосредственно на пленере. Добровольные носильщики – такие же молодые, как и сам Ренуар в ту пору, художники, литераторы, клерки – позировали в качестве персонажей переднего плана. Вот их имена: Жорж Ривьер, чиновник и журналист, Поль Фран-Лами, художник, Норбер Геннет, художник. Все они посещали воскресные танцы в Мулен, были здесь своими людьми.

Сложнее было решить вопрос с натурщицами. Позировать художникам местные девушки, если они не были профессиональными натурщицами, считали неприличным. Профессионалки жили на Холме, но они были исключительно итальянками, селились ниже по склону и не были завсегдатаями танцев в Мулен де ла Галетт. Ренуару нужны были подлинные типажи участниц танцев.

Вот несколько набросков, которые позволяют воссоздать, с кем и как пришлось работать О. Ренуару летом 1876 г. Эти воспоминания были записаны коллекционером и торговцем произведениями искусства (маршаном) А. Волларом, а также сыном художника Жаном Ренуаром.

Жан Ренуар писал: «Первая женщина, к которой он подошел, ответила ему классической фразой: “Я этим не зарабатываю, мсье” ... “Как дать понять, что мне хотелось только писать ее и ничего больше?” Вдруг его осенило: “Представьте меня вашей матери”. Так был открыт метод, с по-

мощью которого он заполучил столько натурщиц, “не сходя за сатира”⁸.

После этого затруднений не было, тем более что художник прибег к небольшой хитрости: он купил несколько соломенных шляпок, очень модных тем летом, и раздавал своим потенциальным натурщицам, обеспечивая себя моделями. В книге А. Перрюшо описывается: «Матери подбивали сами дочерей воспользоваться счастливым случаем. А некоторые сами приводили девушек к художнику, расхваливая их достоинства. Иногда совершенно неожиданные! “Поверите ли, Ортанс еще десятилетней девочкой получила награду по арифметике!”⁹»

Эти эпизоды отчасти показывают своеобразие нравов, царивших на на этой пограничной территории, можно сказать, *фронтире* между городской, столичной средой обитания и сельской патриархальной Францией. Справедливо замечено, что «не было ничего статичного в обществе девятнадцатого века, даже в наиболее изолированных сельских регионах»¹⁰, тем более на Монмартре, внезапно, хотя и не вполне урбанизировавшемся.

В этой среде было много маргиналов, приехавших в столицу в поисках места в жизни. Достаточно частая ситуация – мать-одиночка из провинции, перебравшаяся в город, где никто не укажет ей на ее «грех» и где она сможет содержать себя и ребенка. Работа прачки, поденщицы, молочницы позволяла матери выжить, а подросток дочь шла работать в швейную или другую мастерскую по изготовлению чего-нибудь вроде искусственных цветов, шляпок и тому подобного¹¹.

В таких неотстоявшихся человеческих сообществах («мирках», по определению Э. Ренуара) образ жизни отличается некой неустойчивостью, патриархальные привычки причудливо переплетались со свободой нравов, имевшей оправдание в чисто житейской потребности – выживать. Вот что поведal О. Ренуар о двойной жизни одной из своих моделей: «... вот те две, что изображены на переднем плане моей картины. Одна из них, назначая часы нашей работы, писала мне на бумаге с золотым обрезаем. И как-то раз я ее встретил на Монмартре с бидонами молока. Я узнал потом, что у нее была маленькая холостяцкая квартирка, которую ей меблировал один из представителей золотой молодежи с разрешения ее матери, согласившейся при условии, чтобы она не оставляла своей почтеннейшей профессии...»¹².

Художник с уважением писал о своих натурщицах, всякий раз подчеркивая, что уличные девчонки с Монмартра, работавшие с ранних лет и зачастую становившиеся матерями лет в пятнадцать–шестнадцать, «этим», то есть продажей себя за деньги ради денег, считали унизительным заниматься. Их интимные связи практически всегда предполагали любовь, влюбленность, увлечение.

Вот еще один эпизод, записанный Волларом со слов Ренуара: «Не надо все-таки думать, что

эти девушки были доступны кому угодно. Среди этих детей улицы были строгие добродетели. Я вспоминаю одну ..., я помню ее стоящей в экстазе перед витриной ювелирных изделий на улице ... Я был с Дедоном и одним из его друзей – бароном Ротшильдом. Этот последний сказал нам: “Мне хочется осуществить мечты этого ребенка! – и, обращаясь к ней: Мадмуазель, хотелось бы вам это кольцо?” Тогда она начала так кричать, что прибежал агент и забрал нас всех в участок»¹³.

Когда Ренуар работал над «Балом в Мулен де ла Галетт», для него было важнее передать свое *впечатление* от наблюдаемой сцены, показать световой эффект потока солнечных лучей, падающих сквозь листву на толпу кружащихся в танце людей. Для нас, ищущих в его картине приметы времени, не менее важно рассмотреть его участников и участниц.

Справа на переднем плане две срезанные фигуры – хорошенькая молодая девушка и девочка с белокурыми распущенными волосами, тянущаяся к ней с каким-то вопросом. В центре расположена группа, прежде всего привлекающая внимание зрителя, – две девушки, одна из которых сидит на скамейке, оглядываясь на расположившихся за столиком молодых людей, а другая, опершись на ее плечо, разговаривает с теми, кто сидит за столиком. Двое из юношей принимают участие в разговоре, а юный «философ» в цилиндре, сдвинутом на затылок, задумчиво курит трубку.

Прямо за этой группой видна в профиль фигура женщины, прислонившейся спиной к дереву, а по другую сторону древесного ствола – мужчина, обращающейся к ней с какими-то словами. А между женщиной и деревом просматривается мальчишеская голова, во все глаза смотрящая на мир взрослых. На том же уровне, но ближе к краю полотна, изображены беседующие женщина и двое мужчин.

Позади этих сидящих, стоящих, флиртующих, общающихся людей видны несколько танцующих пар. Изображение предстает несколько размытым в легком облаке пронизанной лучами солнца пыли, поднимающейся от плотно утрамбованного земляного пола. Собственно, просто вальсирует одна пара, крайняя слева (в одном из вариантов картины ее нет), две другие радостно пользуются возможностью, предоставляемой вальсом, теснее прижаться друг к другу. Внимание зрителя привлекает рыженькая бойкая мадемуазель, явно ведущая в танце своего долгового, приятно растерявшегося от такого энергичного напора партнера.

Задний план передан обобщенно. Это оживленная, дышащая, движущаяся толпа, бурлящая вокруг эстрады с оркестром. Только отдельные фигуры выделены художником из общей массы. «В саду, залитом солнцем и лишь чуть-чуть затененном редкими худосочными акациями, чьи мелкие листья трепещут при малейшем дуновении ветра, веселые молодые люди и девушки, очаро-

вательные в своей пятнадцатилетней свежести и гордые своими легкими платьями, ткань которых стоила так мало, а шитье – ничего, сливаются в одну радостную толпу, и гул ее покрывают звуки оркестра...»¹⁴

Определить портретность отдельных персонажей затруднительно. Это не входило в замысел художника, он писал свое *впечатление* от народного праздника, а не групповой портрет своих знакомых. С достаточной долей достоверности, можно сказать, что центральная танцующая пара – расшалившаяся девушка и ее смущенный напором партнер – это Маргарита Легран (известная на Холме Малышка Марго) и кубинский художник Педро Соларес-и-Карденас. На переднем плане сидят приятели Ренуара, выступавшие в роли добровольных носильщиков картины на «Мельницу». Это художник Поль Фран-Леми, Геннет, чиновник и журналист Жорж Ривьер. Трудно определить, кто из них Ривьер, а кто, Фран-Леми.

Что касается большинства женских персонажей, то определить их личности представляется очень трудным делом, хотя существуют разные варианты объяснений. Это касается прежде всего девушки на переднем плане. В одних случаях она упоминается безымянно, тогда как Воллар со слов Огюста Ренуара и сын Ренуара называют ее Жанной. В книге Перрюшо об этой девушке сказано, что она долго отказывалась позировать художнику, хотя он обещал ее матери платить 10 франков за день: «... после нескольких сеансов он узнал от самой Жанны, почему она отказывалась. Несколько раз в неделю Жанна отправлялась не в швейную мастерскую, как предполагала ее мать, а в Буживаль с молодым богатым любовником, который давал ей денег, чтобы восполнить потерянный заработок»¹⁵. В воспоминаниях Ж. Ренуара говорится, что эта девушка и ее сестра работали в швейной мастерской, мать их была прачкой, а отец – инвалидом, проводившим время в ближайшем кабаке¹⁶. Налицо противоречия в информации: была ли Жанна швейей или молочницей? Таилась ли она от матери или получила разрешение на связь с молодым богачом (см. выше)? Эти противоречия свидетельствуют о ненадежности человеческой памяти, но общий очерк образа остается достаточно цельным – работающая самостоятельная девушка.

Существуют уточнения, что это Жанна Самари, молодая актриса, которую Ренуар неоднократно писал годом–двумя позднее¹⁷. Понятно также желание акцентировать внимание на отношениях между стремительно прославившейся актрисой (в 23 года она стала полноправной участницей труппы Комеди Франсез) и в те годы непризнанным художником, менее понятны попытки усмотреть в их отношениях перспективы матримониальных намерений родителей Жанны Самари с апелляцией к воспоминаниям сына художника. Дословно у Жана Ренуара сказано следующее: «Ренуар встретил Самари у Шерпантье.

Потом к нему приходили ее родители. “Если вам понадобилась натурщица ... Жанна так вами восхищается”¹⁸. И несколько ниже: «Ренуар сделал несколько эскизов с Самари в доме ее родителей. Маленький портрет из коллекции театра Комеди Франсез написан, вероятно, там. Для большого портрета, находящегося в России, он заставил ее придти в мастерскую на улице Сен-Жорж. “У них меня всегда баловали. Ее мать обожала пирожные, и после сеанса меня пичкали ими под разговоры Жанны, которая была очаровательной собеседницей”¹⁹.

Бедный художник (а Ренуар в конце 70-х был бедным человеком) вряд ли был завидным женихом в глазах родителей девушки, которая была *сосьетеркой* самого прославленного театра Франции. Угостить, «подкормить» неустроенного холостяка так свойственно матерям семейств, но это совсем не обязательно предполагает матримониальные замыслы с их стороны.

Если сравнить портреты Жанны Самари и изображение девушки на переднем плане в «Бале в Мулен де ла Галетт», сходство имеется, но надо учитывать, что в последнем случае художника интересовал человеческий тип, а не портретная точность изображения.

Веселая, нарядная, хмельная от безграничного мимолетного счастья молодость. На календаре 1876 г., пять лет прошло после страшного национального унижения 1870–1871 гг. Выросло новое поколение – те, кому в год Франко-прусской войны было 10–15 лет, веселятся воскресным днем. Страна поднялась и возродилась, но ни художник, ни его модели об этом не думают, они просто живут в этой атмосфере жизнеутверждающего подъема, радуясь тому, что дает им жизнь «здесь и сейчас»²⁰.

Экспонировалась картина «Бал в Мулен де ла Галетт» на третьей выставке импрессионистов. Картина не понравилась критикам и публике (как и большинство полотен, вывешенных в залах). Не помогла и попытка Ж. Ривьера объяснить и оправдать новое искусство с помощью издания небольшой газеты. Ни статьи Ривьера, ни постоянно «дежурство» в залах выставки «папаши Шоке», коллекционера и поклонника новой школы, готового всем и вся объяснять достоинства искусства Ренуара и его товарищей, не могли противостоять многочисленным недоброжелательным отзывам и столь же многочисленным карикатурам, которые публиковал «Шаривари». Возмущала «леопардовая пятнистость», с помощью которой художник передавал солнечный свет на земле, одежде, листьях.

После окончания выставки картину купил верный друг импрессионистов художник-любитель Г. Кайботт, который старался покупать то, что никто не приобретал. Благодаря Г. Кайботту, оставившему свою богатейшую коллекцию государству, сейчас «Мулен де ла Галетт» находится в музее д’Орсе и числится среди самых дорогих

картин. Ее очевидные художественные достоинства дополняются тем, что «это страница истории, бесценный и скрупулезно точный памятник парижской жизни»²¹.

В последующие примерно тридцать лет Мулен де ла Галетт неоднократно становилась объектом интереса художников. Интересно и показательно, что живописные образы отражали перемены в жизни, облике, нравах «Мельницы» и ее посетителей.

Примечания

- ¹ См.: Хобсбаум Э. Век капитала. Ростов н/Д, 1999. С. 295.
- ² Маки принято называть дикими густыми зарослями на о. Корсика, и обитатели Монмартра так называли свои кустарники.
- ³ Креспель Ж.–П. Повседневная жизнь Монмартра во времена Пикассо. 1900–1910. М., 2000. С. 167.
- ⁴ Ренуар Э. Пятая выставка газеты «La vie moderne». № 11, 19 июня 1879 г. // Импрессионизм. Письма художников. Воспоминания Дюран-Рюэля. Документы. Л., 1969. С. 364.
- ⁵ A history of private life / ed. P. Aries, G. Dubi. // From the Fire of Revolution to the Great War. L., 1987. Vol. IV. P. 99.
- ⁶ Вязова Е. Богема и дендизм: «штаны с бахромой» или бутоньерка в петлице? // Пинакотека. 2004. № 18–19. С. 66.
- ⁷ Ренуар Ж. Огюст Ренуар. М., 1970. С. 120.

- ⁸ Ренуар Ж. Указ. соч. С. 122.
- ⁹ Перрюшо А. Жизнь Ренуара. М., 1986. С. 99.
- ¹⁰ A history of private life. P. 128.
- ¹¹ Самым известным примером такого рода может служить история семьи Валадон, разворачивавшаяся как раз в интересующее нас время. Мать с дочерью приехали в Париж, мать работала прачкой, дочь ей помогала, потом работала в маленьких кафе, пыталась стать циркачкой, позировала художникам, стала художницей Сюзанной Валадон, родила от неизвестного отца сына, который вырос в знаменитого живописца Мориса Утрилло.
- ¹² Воллар А. Ренуар. Сезанн. М., 2000. С. 62.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Ривьер Ж. L'Impressioniste. 6 апреля 1877, № 1 // Импрессионизм... С. 349.
- ¹⁵ Перрюшо А. Указ. соч. С. 99.
- ¹⁶ См.: Ренуар Ж. Указ. соч. С. 122.
- ¹⁷ Например: «...молодую натурщицу Эстелл, одетую в полосатое платье, и ее сестру актрису Жанну Самари, изображенную стоящей рядом» (см.: Дзеру Ф. Ренуар. Бал в Мулен де ла Галет // Белый город. Б. Г. С. 4).
- ¹⁸ Ренуар Ж. Указ. соч. С. 116.
- ¹⁹ Там же. С. 118.
- ²⁰ Двумя годами позднее шальная Малышка Марго умрет (от оспы?). Попытки Ренуара организовать ей врачебную помощь окажутся безрезультатными. В год написания «Бала в Мулен де ла Галетт» ей было шестнадцать лет.
- ²¹ Ривьер Ж. Указ. соч. С. 349.

УДК 94(470.44–25) [1953/1985]

РАЗВИТИЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА САРАТОВА В 1953–1985 ГОДАХ ГЛАЗАМИ ОБЫВАТЕЛЕЙ

А. А. Гуменюк

Саратовский государственный университет
E-mail: GumenukAA@rambler.ru

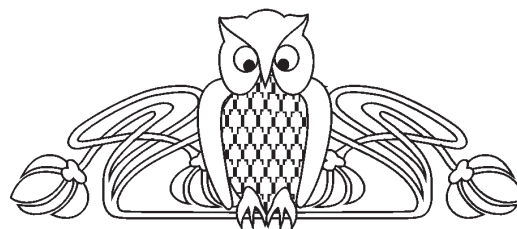
В работе анализируется реализация планов реконструкции города Саратова 1950 и 1974 гг. При этом основное внимание уделяется восприятию этого процесса обычными горожанами. Статья базируется на данных местной прессы, свидетельствах устной истории и архивных материалах.

Ключевые слова: благоустройство, городское пространство, жалоба, наказ, озеленение, освещение, парк, письмо, поселок, реконструкция, сквер, улица.

Saratov's Urban Space Development in 1953–1985 Years of the Ordinary Man's Eyes

А. А. Gumenyuk

In this article the reconstruction's plan in Saratov in 1950 and 1974 years was analyzed. The author has given main attention of the ordinary townspeople's opinion about Saratov's reconstruction.

Materials on the data of the local press, an interview and the archives were prepared.

Key words: accomplishment, urban space, complain, order, landscape gardening, lighting, park, letter, settlement, reconstruction, square, street.

Городское пространство является весьма многогранным понятием, определение которого до сих пор является предметом дискуссий историков, социологов, культурологов. По одной из версий городское пространство – это особая организация структурных компонентов, основными элементами которой выступают экономическая сфера (торговля и промышленность), население, сфера жизнеобеспечения, городская территория и природные селитебные зоны. Именно в таком ракурсе исследовано пространство города Саратова

второй половины XIX – начала XX в. Евгенией Вячеславовной Ивановой в 2008 г.¹ Специальных исторических исследований относительно развития пространства данного города в более поздний период до сих пор не появилось, хотя интересная информация содержится, в частности, в работах П. А. Кавунова, А. А. Гуменюка, пособия В. А. Динеса и В. А. Афролкина². С учетом ее, а также широкой источниковой базы попытаемся взглянуть на развитие городского пространства Саратова не с позиции городских властей, отраженной в соответствующих документах, а глазами простых горожан, опираясь на материалы писем жителей города, отложившиеся на страницах прессы тех лет и в фондах местных архивов. Оценка состояния городского пространства с позиции обывателей будет весьма полезна для современных представителей политической элиты российских мегаполисов при выработке планов их реконструкции. Более качественно решить эту задачу позволяет обращение к провинциальному материалу. Хронологическими рамками данной публикации являются 1953–1985 гг., отмеченные наибольшими успехами в социальном развитии советского общества.

В 1950 г. Совмином СССР был утвержден Генеральный план реконструкции Саратова, согласно которому намечались крупные работы не только по строительству культурных заведений, но и по благоустройству города, созданию новых дорог, зеленых зон и т. д. Реализация его была рассчитана сроком до 1965 г.³, но ограниченность средств не позволила в конце сталинского периода сделать заметных шагов по претворению в жизнь этого плана. Поэтому улицы областного центра по своему состоянию во многом напоминали Саратов 1920 – начала 1930-х гг. Один из саратовцев, живший в городе в те годы, в своем дневнике писал: «На улицах невероятная грязь и целые озера грязной воды. Город превратился в какую-то клоаку» (27 марта 1920 г.); «На улицах крайне грязно и антисанитарно» (2 мая 1920 г.); «Улицы непролазны от грязи и потоков воды» (25 марта 1921 г.); «На улицах много пыли и мусора» (22 апреля 1921 г.); «Лужи грязи» (7 ноября 1923 г.); «На улицах грязь» (6 апреля 1928 г., 24 марта 1929 г.); «На улицах сильная пыль» (12 августа 1930 г.); «Поражает плохое состояние Саратова: всюду пыль, тротуары разбиты до невозможности, асфальтовые мостовые в дырах. Фасады домов обезображены. Полная беспечность в благоустройстве города» (15 августа 1931 г.); «На улицах Саратова невылазная грязь от разрушенных тротуаров и неочищенных улиц» (12 октября 1931 г.)⁴. В ноябре 1953 г. жители поселка при Саратовском заводе зуборезных станков описывали практические такую же картину: «... не уделяется внимание благоустройству территории. Тротуаров нет. Построенная в прошлом году (в 1952 г. – Г. А.) мостовая запущена и загрязнена. В ненастную погоду невозможно

пройти к трамвайной остановке»⁵. Неприглядный вид имела Привокзальная площадь города⁶. Капитального ремонта требовало здание Саратовской консерватории. Обеспокоенные обветшанием этого памятника саратовцы так характеризовали ее внешний вид: «Краска фасада, особенно первого этажа, облупилась ... лепные украшения оконных проемов местами отвалились ... Настроенные желоба проржавели. Башенные и слуховые окна заколочены фанерой. Даже металлические шпили, призванные украшать здание, прогнуты, стоят криво»⁷.

Лишь с приходом к власти Н. С. Хрущева вопросам развития советских городов стало уделяться гораздо больше внимания, и Саратов не был исключением. Первые успехи в этом направлении обозначились уже в конце 1950-х гг., что не осталось без внимания саратовцев. Одна из жительниц города, прожившая всю жизнь на проспекте Ленина (современная ул. Московская), так вспоминала о переменах на этой центральной улице города: «Сначала исчезла бульжная мостовая, которая заменилась асфальтовой дорогой, асфальт укладывали вручную, горячий он приятно пахнул, его разравнивали большими деревянными досками на длинных ручках и прокатывали катками»⁸. Преобразился облик скверов на площади Революции, на углу улицы Чапаева и проспекта Кирова, сада им. М. Горького, о чем «с чувством гордости за родной город» сообщали саратовцы осенью 1958 г.⁹ Однако позитивные перемены в облике города были заметны не везде. По-прежнему в запущенном состоянии скверы на Дегтярной площади, у Центрального колхозного рынка¹⁰.

На помощь городским властям пришло руководство промышленных предприятий, которое обязывалось собственными силами благоустраивать близлежащую территорию. Так, по словам одного из рабочих завода «Техстекло», пространство около завода, занятое газонами, летом 1960 г. составляло 41 тыс. квадратных метров, в поселке завода был разбит сквер (3635 деревьев и 6300 кустарников)¹¹. В целом силами производственных, строительных и вузовских коллективов Ленинского района Саратова при активном участии населения в 1964 г. было построено 65 тыс. квадратных метров асфальтовых дорог и тротуаров, посажено более 14 тыс. деревьев, 83 тыс. кустарников, разбито 39 тыс. квадратных метров цветников и газонов¹². Коллективы предприятий откликнулись на призыв администрации помочь в создании стадиона «Локомотив», благоустройстве набережной Волги, в строительстве Дворца спорта, театра им. Чернышевского, кинотеатра «Комсомолец»¹³.

Но большинство окраинных улиц к середине 1960-х гг. все еще не было благоустроено. В мае 1961 г. саратовцы жаловались на отсутствие асфальта на улице Комсомольской, в июне того же года писали о запущенном состоянии улицы

Кутякова (особенно между улицами М. Горького и Радищева)¹⁴. В обком КПСС поступали просьбы жителей областного центра о благоустройстве улиц Мичурина, Вознесенской, Бакинской, Т. Шевченко, Рахова, Городской, Университетской и других¹⁵. По-прежнему неприглядно выглядела Привокзальная площадь Саратова – «лицо» города: «... у нас это “лицо” в течение ряда лет не выходит из бесконечного ремонта. Пассажирам слишком часто приходится видеть рытвины и канавы»¹⁶. Не хватало асфальтовых тротуаров. Так, один из жителей Ленинского района г. Саратова сообщал в газету «Коммунист»: «Курам на смех был заасфальтирован тротуар около нашего дома ... уже через месяц на нем появились трещины, выбоины, воронки»¹⁷. С просьбой оказать содействие в строительстве пешеходных дорожек, тротуаров, озеленении обращались в саратовский обком жители южного поселка ГПЗ-3 в 1961 г.¹⁸ Люди жаловались и на неблагоустроенность скверов, например в Князевском переулке Заводского района, отсутствие зеленых зон, в частности от поселка «Маяк» до санатория «Октябрьское ущелье»¹⁹.

Все это доказывает, что реализации плана реконструкции Саратова, принятого в 1950 г., помешала противоречивость внутривластного курса команды Н. С. Хрущева. Мероприятия по озеленению города не были до конца продуманы, поскольку на улицах высаживался пирамидальный тополь, доставлявший горожанам много неприятностей. Так, народный артист РСФСР А. Колобаев в июне 1962 г. в письме в редакцию областной газеты «Коммунист», писал: «Над городом носятся пушинки, напоминающие вату. И как бы ни были чисто подметены тротуары, улица кажется неряшливой, запорошенной этими пушинками ... если заботиться о внешней культуре города, то думается, что в дальнейшем насаждать его (т. е. тополь. – Г. А.) не следует»²⁰. В качестве альтернативы автор письма предлагал сажать липы, рябины, каштаны, белую акацию.

Со сменой власти в стране в октябре 1964 г. в развитии пространства Саратова наметилось улучшение. Определенную роль в этом сыграли институты наказов избирателей кандидатам в депутаты во время предвыборных кампаний. В своих письмах и наказах жители Саратова просили решить вопросы освещения в поселке Елшанка, на улицах Зеленой, Чапаева, Бородинской, Высокой, в Клиническом поселке и поселке Большая Поливановка²¹, благоустройства городского парка культуры и отдыха им. М. Горького, микрорайона кинотеатра «Красноармеец» в Заводском районе, сетовали на бездушное отношение «некоторых строителей» к зеленым насаждениям города, плохую их охрану²² и советовали весной и летом «... проводить большую работу по очистке и расширению зеленых насаждений в окрестностях города и внутри жилых массивов»²³.

Несмотря на ограниченные полномочия, благодаря системе наказов избирателей удалось добиться определенных успехов. Так, если в 1966 г. в Саратовский горисполком поступило 277 писем по вопросу благоустройства, то за восемь месяцев 1967 г. – только 163²⁴. В 1968 г. население отзывалось о Саратове как о красивом городе со множеством освещенных улиц и площадей²⁵. В ответ на предложения саратовцев об обновлении обветшалого внешнего вида городского планетария, располагавшегося тогда в здании бывшей церкви Утоли моя печали, областное руководство в лице А. И. Шибаева во второй половине 1960-х гг. предприняло весьма решительный шаг – водрузить на купола церкви кресты, снятые еще в 1930-е гг. Тем самым этот любимый горожанами уголок Саратова приобрел достойный и приличный вид²⁶. В первой половине 1979 г. на основе наказов избирателей в Кировском районе были благоустроены улицы Челюскинцев, Гоголя, Посадского, Первомайская²⁷. Отчасти это был результат работы городского штаба по благоустройству, созданного по инициативе В. Ю. Мысникова, возглавившего в июне 1975 г. Саратовский горсовет. Штаб заслушивал ответственных за организацию уборки снега, работы городского транспорта, санитарной очистки, за проведение месячников и субботников по благоустройству. Обсуждался ход выполнения планов по ремонту дорог и тротуаров, подготовке фонда к зиме, благоустройству районов новостроек, оценивалось эстетическое оформление города. Во время реконструкции проспекта Ленина штаб заседал ежедневно, принимая оперативные решения. В эти годы продолжалась практика привлечения на развитие городского хозяйства средств не только госбюджета, но и промышленных предприятий²⁸.

Важным показателем эффективности работы штаба по благоустройству Саратова являлось заметное сокращение количества писем и заявлений граждан по вопросам благоустройства. Так, в 1979 г. из Саратова в обком поступило 40 писем, а в 1980 г. только 19²⁹. Наоборот, в газету «Коммунист» стали поступать письма как от саратовцев, так и от жителей других городов Поволжья (например, Астрахани), в которых отмечались отрядные перемены в облике города и отдельных его районов, скверов³⁰. Действительно, в конце 1970 – начале 1980-х гг. была осуществлена реконструкция зданий консерватории, дома офицеров, музея К. А. Федина, гостиниц «Волга» и «Московская», здания исполкома облсовпрофа, управления Приволжской железной дороги, Троицкого собора, Саратовского музея краеведения и других³¹. Это были первые положительные результаты реализации принятого в 1974 г. Совмином РСФСР Генерального плана реконструкции Саратова, рассчитанного до конца 1990 г.³² Кроме того, на государственный учет к 1983 г. было взято еще 250 зданий, представляющих историческую и архитектурную ценность. Сохранение этих зданий

было предусмотрено проектом реконструкции города³³.

Однако реализовать этот план удалось преимущественно только в центральной части города, красоты которой и отмечали в своих письмах туристы. В отношении же окраин ситуация практически не изменилась по сравнению с концом периода хрущевской «оттепели». Саратовцы отмечали: «... побывайте на окраинах, и вы кое-где погрузитесь в полутьму. Не везде освещены транспортные остановки»³⁴. Возникали проблемы с освещением улицы Б. Садовая, отдельных частей улиц Рахова, Тверской³⁵. Люди по несколько раз обращались в обком партии с просьбами благоустроить улицы Ипподромную, Перспективную, Осеннюю, Безымянную, Спартака, Деловую, Второй проспект Строителей, поселки Соколовогорский, Новоколовогорский, Елшанка, Северный, Мещановка, Новая Есиповка³⁶. Но даже заасфальтированные улицы и особенно тротуары не отличались качеством. Асфальтовое покрытие многих тротуаров, по словам жителей Саратова 1980-х гг., «представляет собой поверхность, покрытую буграми и впадинами, которые при дожде заполняются водой и по существу представляют как бы заполненные водой арыки. Примерно то же представляет собой и проезжая часть улиц ... После дождя во двор войти невозможно – стоит в подъезде или воротах лужа, которую невозможно преодолеть, и это везде»³⁷. Еще в 1971 г. наибольшее количество жалоб, поступавших в Саратовский горсовет, касалось содержания дорог и тротуаров³⁸.

Наряду с письмами, содержащими просьбы о благоустройстве какой-либо улицы или поселка города, в органы власти и редакции местных газет поступали и письма с приложениями по благоустройству городского пространства Саратова. Так, летом 1979 г. одна из саратовских работниц в своем письме в редакцию газеты «Заря молодежи» предлагала использовать опыт г. Таллина по созданию школьных и студенческих бригад по расчистке пустырей города³⁹. Рабочие завода тяжелых зуборезных станков и ТЭЦ советовали перенять опыт других городов, где в конце каждой недели предприятиями и учреждениями проводились небольшие (по 30–40 минут) субботники по уборке закрепленной за ними территории. В результате, отмечали они, город будет убираться постоянно, а не от случая к случаю⁴⁰. Действительно, дворник поселка на остановке 4-я Дачная еще летом 1964 г. сетовал: «Плохо помогают жители в уборке. Выйдут на воскресник один раз в год, весной, а потом и не допросишься, чтобы деревья хотя бы полили ...»⁴¹

Однако эти советы областное и городское руководство оставляло без внимания, поскольку даже на набережной Космонавтов, считавшейся самым красивым местом в городе в середине 1980-х гг., все цветочные клумбы были запущены, кроме тех, где росли пионы. Жители города

отмечали и другие недостатки благоустройства набережной, в частности дефицит скамеек, неудобство их расположения (на солнцепеке, а за кинотеатром «Экран» и в районе речного вокзала они вообще отсутствовали, хотя в 1981 г. имелись), недоделки на центральной лестнице, ведущей к Волге⁴². К тому же благоустроен был лишь участок набережной от автодорожного моста до Бабушкиного взвоза, остальная же территория представляла собой хаотическое нагромождение зданий, складов и лодочных станций⁴³. Бросалось в глаза саратовцев и обилие пыли на центральных улицах города в летний период. Проезжая часть проспектов Ленина, Кирова, улицы Вавилова и боковых улиц поливалась только в утренние часы. Полив тротуаров осуществлялся вручную, очень редко и только у отдельных домов, поэтому асфальт был очень грязным⁴⁴. Горожане в своих письмах просили улучшить проводимую по благоустройству города работу, своевременно вывозить мусор, зарывать траншеи после окончания ремонтных работ. Имелись и более серьезные заявления, призванные «заставить некоторых руководителей по-настоящему заниматься вопросами благоустройства, и особенно это касается управляющих домами, начальников ЖКО предприятий»⁴⁵. Однако представители городских властей далеко не все вопросы из получаемых писем или устных обращений решали положительно. Так, например, из десяти поступивших во Фрунзенский райком КПСС в 1979 г. писем о благоустройстве позитивное решение было только по пяти, а из девяти устных обращений – только по одному⁴⁶.

Реализация принятого в 1974 г. плана реконструкции Саратова, по мнению населения, не всегда приводила к положительным переменам. Например, горожане считали, что построенный на проспекте Кирова около здания консерватории корпус сельскохозяйственного института «безнадежно» изуродовал старую уютную площадь⁴⁷. Вместо того чтобы совершать эту и подобные ей ошибки при реконструкции города, жители города в своих письмах (1982–1983 гг.) обращали внимание городских властей на необходимость приведения в порядок обветшавших зданий и сооружений СГУ, затянувшийся ремонт музея им. А. Н. Радищева, Детского парка, стадиона «Локомотив»⁴⁸. Последний к 1983 г., по словам обывателей, «вместо зоны отдыха представляет собой огромную свалку, то, что делалось вначале реконструкции, теперь уже ветшает»⁴⁹.

Из вышеизложенного следует, что жители Саратова не были равнодушны к развитию городского пространства, выражая свое отношение к различным инициативам властей и давая им советы по поводу улучшения состояния городского хозяйства. Различные соображения обывателей, изложенные в письмах во власть, значительно помогли ей в благоустройстве города. Но, к сожалению, городские власти не всегда прислушивались

к мнению горожан и оставляли без внимания их жалобы. Житейские мелочи постепенно накапливались, ведя к обострению социально-психологического кризиса в обществе, сигнализирующего о необходимости коренных перемен в стране.

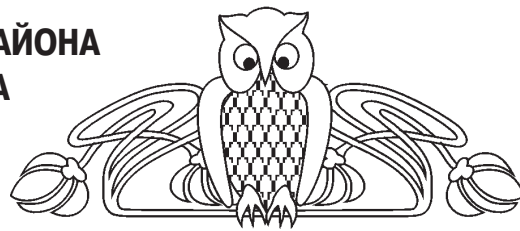
Примечания

- ¹ См.: *Иванова Е. В.* Формирование и социальное обустройство пространства крупного города на Волге во второй половине XIX – начале XX в. : на материалах Саратова : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008.
- ² См.: *Кавунов П. А.* Города Саратовской области. Саратов, 1963 ; *Гуменюк А. А.* Благоустройство городов Саратовской области в 1953–1985 гг. // Краеведение и архивное дело в провинции : исторический опыт и перспективы развития : материалы межрегион. науч. конф., посвящ. 120-летию Саратовской губернской архивной комиссии. Труды Саратовского Областного музея краеведения. Вып. 9. Саратов, 2006 ; *Динес В. А., Фролкин В. А.* История Саратовского края. Саратов, 2010.
- ³ См.: *Динес В. А., Фролкин В. А.* Указ. соч. С. 11 ; Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 2. Д. 3250. Л. 44.
- ⁴ См.: *Ситников В. Н.* Пережитое : Дневник саратовского обывателя. 1918–1931 гг. Саратов, 1999. С. 20, 28, 43, 58, 71, 74, 82.
- ⁵ Коммунист. 1953. 20.11. Л. 3.
- ⁶ Там же. 28.04. Л. 3.
- ⁷ Там же. 5.07. Л. 3.
- ⁸ *Гуменюк А. А.* Социальное развитие СССР в 1953–1985 гг. (по материалам Саратовской области) : историко-антропологический аспект : учеб. пособие. Саратов, 2011. С. 131. URL: http://library.sgu/uch_lit/247.pdf (дата обращения: 20.05.2012).
- ⁹ См.: Коммунист. 1958. 10.10. Л. 3.
- ¹⁰ Там же. 1956. 20.01. Л. 3.
- ¹¹ См.: Заря молодежи. 1960. 10.07. Л. 1.
- ¹² См.: ГАНИСО. Ф. 5491. Оп. 19. Д. 90. Л. 20.
- ¹³ *Наумов С. Ю.* Саратовская область в 1955–1965 гг. // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, событиях, фактах, именах). Саратов, 2011. С. 263.
- ¹⁴ См.: Коммунист. 1961. 19.05. Л. 3; 14.06. Л. 4.
- ¹⁵ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4665. Л. 85–87 ; Коммунист. 1961. 5.04. Л. 4.
- ¹⁶ Коммунист. 1961. 20.09. Л. 3.
- ¹⁷ Коммунист. 1965. 30.06. Л. 3.
- ¹⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4665. Л. 87.
- ¹⁹ Коммунист. 1965. 15.06. Л. 4 ; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4665. Л. 86 об.
- ²⁰ Коммунист. 1962. 27.06. Л. 4.
- ²¹ Там же. 1966. 17.05. Л. 4, 22.11. Л. 4 ; 1969. 5.08. Л. 4. 3.09. Л. 4. 23.04. Л. 4.
- ²² Там же. 1966. 31.08. Л. 4 ; 1969. 19.12. Л. 4.
- ²³ Там же. 1969. 10.04. Л. 4.
- ²⁴ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 15. Д. 2. Л. 10.
- ²⁵ Коммунист. 1968. 20.12. Л. 4.
- ²⁶ Там же. 1969. 30.07. Л. 4 ; *Семенов В.* Начальные люди Саратова. Саратов, 1998. С. 324–325.
- ²⁷ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 19. Д. 114. Л. 178.
- ²⁸ См.: *Динес В. А., Фролкин В. А.* Указ. соч. С. 54–55.
- ²⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 22. Д. 149. Л. 40–41 ; Оп. 24. Д. 114. Л. 12–13. Там же. Ф. 136. Оп. 36. Д. 17. Л. 52.
- ³⁰ См.: Коммунист. 1972. 30.08. Л. 3 ; 1973. 21.08. Л. 4 ; 1975. 6.02. Л. 2. 18.12. Л. 4 ; Заря молодежи. 1978. 18.03. Л. 4.
- ³¹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 27. Д. 148. Л. 23.
- ³² См.: *Динес В. А., Фролкин В. А.* Указ. соч. С. 56.
- ³³ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 27. Д. 148. Л. 23.
- ³⁴ Коммунист. 1968. 20.12. Л. 4.
- ³⁵ Там же. 1980. 18.10. Л. 4.
- ³⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 22. Д. 149. Л. 34 ; Ф. 5491. Оп. 36. Д. 22. Л. 68–70 ; Оп. 40. Д. 26. Л. 86, 143 ; Д. 28. Л. 39 ; Оп. 42. Д. 32. Л. 32, 97, 165 ; Д. 34. Л. 34, 36 ; Заря молодежи. 1979. 26.07. Л. 3 ; Коммунист. 1977. 5.01. Л. 3.
- ³⁷ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 27. Д. 148. Л. 18 об.
- ³⁸ Там же. Оп. 15. Д. 5. Л. 20 ; Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 8. Д. 783. Л. 210.
- ³⁹ См.: Заря молодежи. 1979. 5.07. Л. 2.
- ⁴⁰ См.: Коммунист. 1980. 18.11. Л. 3 ; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 32. Д. 140. Л. 53 об.
- ⁴¹ Коммунист. 1964. 14.08. Л. 4.
- ⁴² См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 36. Д. 107. Л. 65–65 об.
- ⁴³ См.: Коммунист. 1976. 18.06. Л. 3.
- ⁴⁴ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 27. Д. 148. Л. 18.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 136. Оп. 36. Д. 17. Л. 52.
- ⁴⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 136. Оп. 36. Д. 17. Л. 70, 72.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 594. Оп. 36. Д. 107. л. 65.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 27. Д. 148. Л. 19, 19 об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 19.

УДК 94(47).084.9

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ НОВОГО РАЙОНА СОВЕТСКОГО ГОРОДА КАК ЭЛЕМЕНТ КУРСА НА ПОСТРОЕНИЕ КОММУНИЗМА (по материалам об омском Городке Нефтяников)

А. В. Жидченко

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
E-mail: Zhidchenko220689@yandex.ru

Предлагаемая статья является частью крупного компаративистского исследования по истории повседневной жизни нового городского района в СССР в период хрущевской оттепели. Источником для реконструкции локального варианта отражения в городском пространстве курса на построение коммунизма станет топонимика. В работе использовались методы новой локальной истории, новой социальной истории и теории городского культурного пространства.

Ключевые слова: город, топонимика, хрущевская оттепель, построение коммунизма, локальная история.

**The Toponymic Landscape of the New District of the City
as a Part of the Soviet Policy of Building Communism
(on the Materials of Omsk Gorodok Neftyanikov)**

A. V. Zhidchenko

The present article is a part of a larger comparative study on the history of everyday life of the new urban area in the USSR during the Khrushchev thaw. The toponymy is the source for the reconstruction of a local variant of the reflection in the urban area of the course of the communism building. We used the methods of the new local history, new social history and theory of urban cultural space.

Key words: city, toponymy, Khrushchev's thaw, building of communism, local history.

Сегодня исследования в исторической науке являются примером сложных междисциплинарных моделей, в которых реализуются разные взгляды на широкий спектр событий жизни общества. Сложный методологический аппарат приобретают сегодня примеры изучения феномена города как объекта, в содержании которого переплелись экономические, политические, социальные, культурные и другие нормы и институты функционирования социума.

Особенно актуальным изучение города становится в постперестроечный период, когда тематика вопросов, связанных с проблемами города и городской культуры, становится весьма разнообразной. Появляется множество теоретических и практических работ в данной области, проводятся конференции¹, создаются научные центры и научные школы. Феномен города стал изучаться с разных позиций. В междисциплинарном поиске с проблемами города сопряжены

историческая экология, историческая демография², историческая география и т. д. Наряду с социальными, политическими и экономическими основами урбанизации внимание уделяется и ее социокультурным особенностям³. Среди главных историков-урбанистов этого периода можно назвать имена А. С. Сенявского (отечественные особенности) и В. Л. Глазычева⁴ (международный анализ). Они являются создателями базовых положений данной отрасли науки в последнее десятилетие. Так, в начале 1980-х гг. городом считалась «исторически определенная целостная форма расселения, сконцентрированная на ограниченной территории, имеющая высокую плотность не связанного с сельским хозяйством населения»⁵. Однако уже А. С. Сенявский определяет город как исторически-определенную форму социальной организации общества, социально-экономическая сущность которого обусловлена природой существующих в обществе отношений⁶. Нельзя не отметить, что в последнее время актуализируется новый подход к изучению локального пространства городской культуры, связанный с применением междисциплинарного анализа и метода культурного моделирования. Дореволюционный период в культуре городов Сибири был освещен в ряде научных монографий омского историка Д. А. Алисова⁷. Продолжение данной тематики на материалах советского периода с применением модели «человек–город–культура» можно найти в работах В. Г. Рыженко⁸. В коллективной монографии В. Ш. Назимовой, В. Г. Рыженко и Д. А. Алисова была разработана модель изучения социокультурного пространства советского города в 1920–50-е гг.⁹

В предлагаемой статье будет рассмотрен такой важный элемент, формирующий пространство городской культуры, как топонимика. Цель работы – реконструкция локальных особенностей топонимического ландшафта нового района советского города сквозь призму курса на построение коммунизма в годы хрущевской оттепели. В качестве локального объекта в работе будет рассматриваться один из новых городских районов, строившийся в 1950–60-е гг., – омский Городок Нефтяников. Данная реконструкция была реализована посредством анализа разных видов источников: законодательных актов, делопроизводственной документации, периодической печати, картографического и визуального материала,

источников личного происхождения и материалов устной истории, а также отраслевой и справочной литературы.

В Омске издано два справочника городских улиц, в 2001¹⁰ и 2008¹¹ гг. Полученные из них сведения могут составить общую картину развития топонимики города во второй половине XX в. В 1930–50-е гг. в Омске в связи с большим промышленным строительством при каждом крупном предприятии появился свой жилой поселок, который именовался по названию предприятия или профессиональной деятельности его жителей. Помимо омского Городка Нефтяников аналогичным образом были названы Кордный поселок, Городок водников, Радиомаяк, Авиагородок, Лесоперевалка, поселок Локомотив¹² и т. д.

История омского Городка Нефтяников связана со строительством нефтехимического комплекса. 30 июля 1949 г. Совет министров СССР распоряжением № 11734 обязал министерство нефтяной промышленности начать строительство в районе Омска нефтезавода мощностью 3 млн т нефти в год. С этого момента над проектированием и строительством городка работали институты «Мосгипрогор» и «Ленгипрогор»¹³, со второй половины 1950-х гг. – работали инженеры Омского филиала института «Гипрогор». Работы по сооружению производственных, жилых и социально-бытовых зданий, прокладке водопроводных и теплофикационных коммуникаций, монтажу промышленных агрегатов развернули около 20 строительных организаций¹⁴.

В этот период топонимика местности имела характерные деревенские черты. Здесь размещались старинные деревни Захламино и Николаевка, которые появились на карте омских предместий еще в XVIII в. Предположительно название второй деревни произошло от того, что вблизи нее производился вывоз мусора из города, однако краеведы предлагают и иные версии происхождения названия. На территории нынешней улицы Магистральной, которая занимает территориально почти центральное место в Городке Нефтяников, тогда находились улицы Кусты и Овражки. Существовали переулки с номерами с первого по пятый. Согласно архивным материалам, эти названия улицы получили в 1898–1904 гг. Последние дома этих улиц были снесены к 1978 г.¹⁵, но уже решением районного исполкома № 464 от 27 марта 1935 г. на этом месте появилась улица П. Ф. Доронина. Убитый белогвардейцами в 1920 г., этот герой Гражданской войны родился в небольшом селе близ Тобольска. Его именем были названы улицы в Тюмени¹⁶, а позже в Ханты-Мансийске и других городах Тюменской области. Поскольку по административно-территориальному делению этого периода большая часть Тюменской области входила в состав Омской области, в Омске появилась улица в честь местного героя Гражданской войны, однако послевоенное разделение областей стало причиной нового переименования улицы.

Выбор названия новой улицы не был случайным. Как и многие другие улицы Городка Нефтяников, ее переименовали по решению районного исполкома № 1002-2 от 16 декабря 1955 г. Новое название символизировало движение страны по пути строительства нового общества – хотя официально объявленный Н. С. Хрущевым на XXII съезде КПСС курс на построение коммунизма за 20 лет и «Моральный кодекс строителя коммунизма» были еще впереди, настроение перемен передавалось в топонимическом обновлении.

Что означало слово «магистральный» в сознании человека того времени? Ответ на этот вопрос был найден в контент-анализе ежедневной газеты «Омская правда» за декабрь 1955 г., то есть за тот же месяц, когда улице было дано новое название. Производные от слова «магистраль» встречались достаточно часто в текстах статей и заметок и, в единичных случаях, в их заголовках. Контекст звучания этих слов был связан в основном со строительством новых дорог. В наполненных классическими советскими пафосными оборотами статьях звучал дух обновления, которое связано было в целом с хрущевской оттепелью, а также с наращиванием темпов строительного производства. Магистралями называли новые железные и автомобильные дороги, жизненный путь отдельных людей и трудовых бригад. Таким образом, это слово через периодическую печать вошло в обиход тех лет с определенным смыслом – устремленности в будущее, ожидания перемен.

Одной из центральных улиц в строящемся Городке Нефтяников стал проспект Мира – новый, широкий, – на котором в середине 1950-х гг. были сданы в эксплуатацию благоустроенные капитальные четырехэтажные жилые дома. Название улицы может происходить от изменившейся в этот период тенденции во внешней политике СССР, ориентированной на открытость и поддержание дружеских отношений со многими странами Востока, а также о сближении со странами капиталистического мира. Среди краеведов распространена версия о том, что проспект Мира получил свое название в честь проводившегося впервые в СССР в эти годы IV Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Однако эта версия неверна, так как свое название улица получила по вышеуказанному решению районного исполкома № 1002-2 от 16 декабря 1955 г., в то время как фестиваль состоялся лишь в 1957 г. Однако этим не отрицается факт перемен в международных отношениях СССР и мира, что и отразилось в названии улицы, а значит, и в сознании жителей Городка Нефтяников тех лет. За годы существования района проспект Мира так и остался наиболее значимой здесь улицей, что связано с ее действительно «мировым» назначением для Городка Нефтяников.

Жилой район строящегося нефтезавода территориально принадлежал к Сталинскому району города Омска. Образован он был 10 января 1945 г.,

когда территория Сталинского района (в прежних границах) была разделена на Сталинский и Центральный. Поскольку переименование названий с именем И. В. Сталина не было единовременным, район был переименован лишь спустя 5 лет после исторического XX съезда КПСС 1956 г. Сталинский район Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 ноября 1961 г. был переименован в Советский. Это название является характерным для многих крупных городов СССР в 1950–60-е гг., что также можно связывать с общим курсом на построение коммунизма в СССР. Рассмотрим этот процесс на примере двух крупных сибирских городов, Омска и Новосибирска. В этих промышленных центрах строились новые жилые районы – в Омске – Городок Нефтяников, в Новосибирске – Академгородок. В обоих случаях новые городские районы вошли в состав Советских районов. Кроме того, и тот и другой районы строились в качестве образцовых, о чем свидетельствуют высокий уровень благоустройства, озеленения, создание комфортной инфраструктуры для работы и отдыха, что выражалось в развитой сети социально-бытовых услуг. Бесперебойное снабжение магазинов, наличие прачечных, комбинатов по ремонту бытовых изделий, столовых и бань свидетельствовало о придании особого статуса этим новым «советским» районам. Это дает право рассматривать их в качестве образцовых для остальных районов городов. Кроме того, примечательно, что переименование Сталинского района Омска в Советский случилось сразу после завершения работы XXII съезда КПСС, состоявшегося 17–31 октября 1961 г., на котором Н. С. Хрущевым был принят курс на строительство коммунизма. Следующие изменения в административно-территориальном делении были связаны с 27 декабря 1973 г., когда из части Советского и Центрального районов города Омска был образован Первомайский район.

Территория крупного района в 1950–60-е гг. делилась на ряд мелких поселков и отдельных окраин. Их названия образовывались исходя из территориального расположения, а также местной топонимической традиции. Например, поселок Дальний был расположен дальше всего от центра города и остальной жилой зоны Городка Нефтяников, поселок Иртышский закономерно находился у берега реки Иртыш и являлся селитебной зоной. Анализ воспоминаний старожилов позволяет нам установить также, что вблизи строительных предприятий были образованы поселки кирпичного и железобетонного заводов. Кроме того, поскольку на строительстве Омского нефтеперерабатывающего завода и жилого района были заняты заключенные, здесь находились огороженные колючей проволокой зоны военизированных строительных отрядов (ВСО). Вольнонаемные строители и работники нефтезавода употребляли применительно к ним названия Первое ВСО, Второе ВСО, Третье ВСО или по-другому – ВСО-1,

ВСО-2, ВСО-3. После того как в связи с общими изменениями во внутренней политике в стране зоны были ликвидированы, некоторые из барачных использовались и далее и эти названия из употребления не вышли. Несмотря на некоторую долю привыкания жителей к названию ряда мест, власти делали попытки «замены неблагозвучных названий». Это было связано также с ликвидацией нападений о прежнем, сталинском режиме и с дальнейшим курсом на обновление. Так, например, делая ссылку на дело № 1225 фонда № 235 Государственного архива Омской области, авторы справочников Омских улиц сообщают, что 7 мая 1957 г. горисполкомом было принято решение № 282, согласно которому вместо многочисленных лагерных и военно-строительных отрядов вблизи нефтезавода появились поселки Береговой, Дальний, Ермак, Иртышский, Красноярский, Октябрьский, Первомайский, Сибирский. Часть поселков получила общую «производственную» тематику: Заводской, Каучук, Коммунальный, Строителей, Энергетиков. Причем авторы замечают, что почти все эти поселки были снесены к началу 1970-х гг., а оставшиеся названия в обиходе не закрепились, кроме поселка Ермак¹⁷. С этим можно не согласиться, проведя сбор и интерпретацию устных воспоминаний как старожилов, так и нынешних жителей Городка Нефтяников. Закономерно, что старожилы помнят все прежние названия поселков, а также их пространственную расположенность в строящемся большом районе. В разных воспоминаниях можно было проследить упоминание тех или иных мест, которые в совокупности складываются в конструируемую нами цельную карту Городка Нефтяников середины 1950-х гг. Однако беседы с современными жителями Городка Нефтяников, на устных рассказах которых не отразились воспоминания о названиях тех лет, подтверждают бытование в повседневном обиходе жителей Омска наличие не только названий микрорайона Ермак, но и Иртышский, Первомайский, Заводской. В этот список не вошли бывшие поселки Строителей и Энтузиастов, хотя эти названия тоже применяются по сей день, но уже для обозначения остановок городского общественного транспорта, подразумевая бывший Дом культуры строителей (ныне театр им. Л. Ермаковой) и улицу Энтузиастов.

Интерес также вызывает народное название поселка Юбилейный – Лукьяновка. До официального переименования этот поселок назывался поселком завода сборных железобетонных изделий № 5 (ЗЖБИ-5). Однако официальное название поселка и спустя многие годы, несмотря на активное тиражирование на маршрутных табличках троллейбусов, а также на городских картах, является гораздо менее популярным, чем традиционное для русской культуры и не столь официальное название Лукьяновка. Причем соседство с этим поселком деревни с названием Николаевка породило ошибочное представление среди омичей

о том, что и название «Лукьяновка» произошло от когда-то находившейся здесь деревни. На самом деле народное название произошло от фамилии тогдашнего директора завода Лукьянова¹⁸.

Особый интерес представляет появление в новом районе по тому же решению № 1002-2 от 16 декабря 1955 г. улиц XIX Партсъезда и XX Партсъезда, застройка которых была завершена примерно в эти же годы. То, что обе эти улицы появились в одном районе (улица XXII Партсъезда находится в другом районе города), неслучайно, так как они обозначали преемственность партийного курса между 1952 и 1956 г., несмотря на доклад Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». Это символизировало особую роль партии в создании нового жилого района и предприятия. О связи с ленинским партийным курсом говорит также появление в этот период улицы 22 Апреля.

В 1956 г. перпендикулярно проспекту Мира в Городке Нефтяников появилась улица Серафимовича. Писатель А. Серафимович умер в 1949 г., и его память была увековечена в названии одной из центральных улиц района. Переименование данной улицы 13 августа 1963 г. решением Советского райисполкома № 23/23 было вызвано, скорее всего, также общим курсом на обновление. А. Серафимович посвятил часть своих произведений коллективизации, в 1943 г. получил Сталинскую премию, что дает возможность говорить о нем как деятеле того периода существования СССР, история которого была уже идеологически переписана. В свою очередь, по этой улице пролегла дорога к зданию заводоуправления и центральной проходной нефтезавода, что стало причиной переименования ее в Нефтезаводскую. В середине 1960-х гг. по ней и по проспекту Мира была проложена трамвайная линия, соединившая завод с центром города.

В 1962 г. произошло трагическое событие в жизни всего Городка Нефтяников. Ушел из жизни талантливый управленец, первый директор нефтезавода Александр Моисеевич Малунцев. Это стало причиной переименования улицы Нефтяников, на которой был построен дом, где он жил, в улицу Малунцева. Позже его именем был назван и Дом культуры нефтяников, строительство которого было завершено в это же время и с которым связано название еще одной улицы, пересекающей проспект Мира, – проспектом Культуры. По одному из проектов проспект Культуры должен был стать широкой магистралью, ведущей от берега Иртыша вглубь Городка Нефтяников. Однако строительство во второй половине 1950-х гг. большого здания нового ДК разделило эту улицу на две части. Этот проспект стал для нового района градообразующей осью социокультурного пространства, так как совместил в себе зоны проезжей части и пешеходные зоны, отличающиеся высоким уровнем озеленения и благоустройства.

В связи со строительством завода «Синтетический каучук» (СК), а также общей актуализа-

цией химической промышленности в масштабах страны созданная в 1955 г. улица Комбинатская (названная так по железнодорожной станции, ведущей к нефтезаводу) была переименована в улицу Химиков. Эта улица, подобно направлению улицы Нефтезаводской в сторону нефтезавода, вела в сторону завода «СК». Ее своевременное переименование также отражает большее внимание не к предприятиям, как это было принято в годы сталинской индустриализации, а к людям, занятым на производстве, к их профессиональной специфике. Об этом говорят также названия улиц Энергетиков, Энтузиастов, 50-летия Профсоюзов.

Позже территория Городка Нефтяников расширялась, появлялись новые улицы, проспекты, однако его историческое ядро оставалось неизменным вместе с названиями улиц, отражающими новый курс в развитии советского общества и государства, связанного с хрущевской оттепелью и построением коммунизма.

Таким образом, проведя реконструкцию топонимического ландшафта нового района советского города и рассмотрев его в качестве отражения в пространстве курса на построение коммунизма, можно прийти к следующим интересным выводам.

Во-первых, новый городской район строился по определенному проекту, что влияло и на директивное планирование в названиях улиц. Эти улицы составляли единый комплекс, отдельные элементы которого нельзя рассматривать разрозненно, так как и застройка, и наименования происходили одновременно.

Во-вторых, топонимика района была тесно вписана в общеисторический контекст. Изменение политических тенденций определяло новые ориентиры общественного развития, что формировало каркас городской культурной среды для определенного усваивания человеком в ходе повседневной жизни новых реалий. На идеологическом уровне они играли важную роль и выполняли воспитательную функцию по отношению к жителям нового района. Закономерно, что наименования улиц в районе являлись, словно зеркало, отражением истории страны своего времени.

В-третьих, топонимический ландшафт не мог формироваться оторванно от местной топонимической традиции, наложившей свой отпечаток, если не на официальные названия улиц, то, по крайней мере, на бытовое обозначение отдельных частей района.

Примечания

¹ См. например: Урбанизация и культурная жизнь Сибири : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1995. ; Петренко М. С. Некоторые проблемы бытовой обустроенности городского населения Сибири в 1950-е гг. // Городская культура Сибири : динамика культурно-исторических процессов : сб. науч. трудов / отв. ред. Д. А. Алисов. Омск, 2001. С. 60–62.

- 2 См.: Историческая экология и историческая демография : сб. науч. статей / под ред. Ю. А. Полякова. М., 2003.
- 3 См.: Горонова Г. В. Феномен города в духовном мире человека. Омск, 2005.
- 4 См.: Глазычев В. Л. Урбанистика. М., 2008. 220 с.
- 5 См.: Файзуллин Ф. С. Социологические проблемы города. Саратов, 1981. С. 54.
- 6 См.: Сенявский А. С. Урбанизация в России в XX веке : Роль в историческом процессе. М., 2003. С. 33.
- 7 См.: Алисов Д. А. Культура городов Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.): учеб. пособие. Омск, 2002. С. 8.
- 8 См.: Рыженко В. Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект. Омск, 2010.
- 9 См.: Рыженко В. Г., Назимова В. Ш., Алисов Д. А. Пространство советского города (1920-е – 1950-е гг.) : теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири) / отв. ред. В. Г. Рыженко. Омск, 2004. С. 24.
- 10 См.: Гурьев Г. Ю., Гусева Е. Н., Огородникова Л. И. Улицы города Омска. Омск, 2001.
- 11 См.: Гурьев Г. Ю., Огородникова Л. И., Осипова А. С., Храпова Н. С. Улицы города Омска : справочник. Омск, 2008. 280 с.
- 12 Там же. С. 16.
- 13 Найдин Б. А. Сибирские нефтяники. Омск, 1962. С. 9
- 14 См.: Комогорцев И. И. Промышленность и рабочий класс Сибири в период строительства коммунизма (1959–1965 гг.). Новосибирск, 1971. С. 180–181.
- 15 См.: Гурьев Г. Ю., Гусева Е. Н., Огородникова Л. И. Указ. соч. С. 68–69.
- 16 См.: Улица Доронина. Названия улиц в Тюмени. URL: <http://www.gorod72.info/street/d-street> (дата обращения: 12.01.2012).
- 17 См.: Гурьев Г. Ю., Огородникова Л. И., Осипова А. С., Храпова Н. С. Указ. соч. С. 16.
- 18 Там же. С. 17.

УДК 316:1

РОССИЙСКИЙ ГОРОД КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

С. С. Касаткина

Череповецкий государственный университет
E-mail: SvetlanaCH5@rambler.ru

Статья направлена на представление городского пространства как социального феномена – элемента российской социальной системы. Автор попытался продемонстрировать специфику российской урбанизации, тенденции современной трансформации российских городов.

Ключевые слова: город как социальный феномен, урбанизация, социальная трансформация, тенденции развития российских городов.

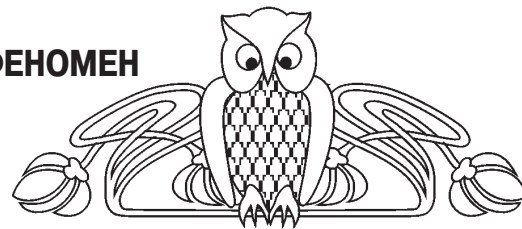
The Russian City as a Social Phenomenon

S. S. Kasatkina

The Urban space as a social phenomenon is an element of the Russian social system. The author tried to show the specifics of the Russian urbanization trends of the modern transformation of Russian cities.

Key words: city as social phenomenon, urbanization, social transformation, development trends of Russian cities.

Город – это социальный феномен, состоящий из субъектов, символов, ценностей, коммуникации и информации городской среды. В XXI в. он является наиболее обитаемым пространством современного общества. Города развиваются под воздействием регионального и общегосударственного контекста, предстают пространством существования его обитателей в формате трудовых будней и отдыха, качества и уровня жизни. Город открывает широкие перспективы прогресса, а также таит многие угрозы и риски, порождающие стресс и противоречия городской жизни.

Городскими исследованиями занимались многие классики урбанистической теории – немецкие мыслители (Ф. Энгельс, М. Вебер), представители Чикагской школы, Р. Сеннет, Д. Джекобс, Ч. Лэндри и др. Среди работ, характеризующих опыт российского урбанизма, следует отметить труды Н. Анциферова, А. Гревса, Г. Лаппо. Цель данного исследования – выявление специфики российского города как феномена социальной сферы жизни общества.

Особенности российского пространства можно определить в сравнении с европейской моделью развития городов. По мнению Р. С. Колокольчиковой, существует специфика российской урбанизации, отличная от западноевропейской. В Западной Европе исторически сложилось так, что городская среда формировалась «снизу», исходя из экономических и произвольных соображений социума. Это определило наличие бюргерского сословия в западном обществе, плавно «перетекшего» в Новое время в новые слои, развитое городское самоуправление, городское право, городскую культуру. «В России город возник в иной социально-экономической, культурной, политической и правовой среде. Определяющую роль в формировании российских городов играло государство. Поэтому большинство российских городов создавались «сверху», основывались государством как военно-административные центры»¹. Пространство нашей страны настолько велико, что исторически обусловлено было госу-

дарственное освоение территорий. Правительство выступало инициатором и фактором, формирующим комплекс многих градообразующих функций, что отражалось на всей жизни российских городов. Таким образом, процесс урбанизации в России происходил особенно, по иному цивилизационному пути, нежели на Западе.

Структура социальных процессов в современном обществе может быть представлена городским пространством, включающим в себя мега-, макро- и микроуровень. Мегауровень определяет ту фундаментальную роль городов, которую они сыграли в становлении цивилизации, мировой культуры. Макроуровень приближает исследователя к социальным процессам в городской жизни, элементам жизнеустройства городов, к их повседневности. Микроуровень является предметом исследования антропологической урбанистики (городской антропологии). В спектре данной тематики лежит исследование повседневности, частной жизни горожан. Тема личности в социокультурном пространстве города актуальна и своевременна всегда. Данный уровневый подход к изучению городского пространства сочетается с цивилизационным, так как и российская, и западная цивилизация имеют общие и специфические черты на каждом из выделенных уровней городской среды.

Мегауровень городского пространства любой цивилизации имеет идентичную функциональную нагрузку. «Город – модель общества, его породившего. У него удивительная способность отражать особенности района, в котором он находится, этноса, живущего в этой части Земли, отрасли, представленной в его производственной структуре»². С одной стороны, любой город – это мегасистема, сочетающая в себе урбанистическую концентрацию, многофункциональность, динамизм, историческую многослойность, проблемность и противоречивость. С другой стороны, значимое влияние на процессы образования и развития городов оказывают глобальные изменения, происходящие в конкретное историческое время. В формате мегауровня города любого региона выполняют свою фундаментальную миссию – воплощают уровень развития той или иной цивилизации во всей ее неповторимости, уникальности и специфичности. Так, в России города отражали позицию правительства в разных сферах жизни общества, а в Европе – мировоззрение горожан.

Макроуровень городского пространства включает в себя многочисленные характеристики городских социальных процессов, особенности планировочной структуры городов, традиции и элементы повседневности горожан. «Город – воплощение возможностей человеческого рода. Город в пространстве социокультурной ситуации является символом для человека, своеобразным “домом бытия”, моделью мира»³. На этом уровне можно выделить многие типологические различия

европейского (американского) и отечественного контекста городского пространства.

История российского градостроительства характеризуется своими особенностями и закономерностями. Естественным был процесс подчинения центральной власти огромных территорий, их заселения, обеспечения безопасности, создания транспортных коммуникаций и т. д. Сеть отечественных городов складывалась в течение одиннадцати столетий. Система городов не раз менялась под влиянием ряда причин. Расширение территории, изменение транспортных магистралей, реформы административно-территориального деления, социально-экономические и военно-политические катаклизмы изменяли функции городов, их облик.

Специфику развития городского пространства России можно разделить на два этапа – до 1917 г. и послереволюционный период. Выделим некоторые черты тенденций первого этапа. В основе планировочной структуры поселений лежал естественный ландшафт местности (схожесть с «европейским» вариантом). Города возводились вдоль рек, по берегам крупных озер, на возвышенностях и т. д. Они строились по регулярным планам застройки согласно административным реформам 1775–1785 гг., предусматривавшим четкую «геометричность» городского пространства. Существенной чертой городов России является их культовость, сакральность (наличие храмов, монастырских слобод рядом с городским посадом, погостов). Наибольшую распространенность получили малые беспромышленные города, удаленные от железной дороги, выполнявшие административные и торговые функции. Специфика дореволюционного городского пространства России отражает наличие «сельских городов» и «деревень в городах»⁴. Города имели сельский облик. Повседневный быт горожан во многом состоял из сельских занятий. Угасание городов такого типа в связи с развитием промышленности и модернизации произошло в начале XX в.

Для второго этапа характерен рост на рубеже XIX–XX вв. «истинных» городов, формально остававшихся сельскими поселениями, но приобретших мощную инфраструктуру за счет промышленности. Таким образом, урбанизационный переход в России был размыт и растянут.

В XX в. планировочная структура отечественных городов изменилась. Произошло становление советской урбанизации, появился «социалистический» город. Старая практика «стихийного» градостроения не соответствовала плану началу административно-командной системы нового правительства. Управление градостроением и архитектурой происходило «по шаблону». В этом заключаются истоки «безликости» абсолютного большинства советских городов. Многие храмовые сооружения были уничтожены. Центр, продолжая сохранять административную, духовную и хозяйственную функции, приобрел

еще и историческую. Промышленная зона размещалась на периферии. В городах появились широкие площади, проспекты, каменные многоэтажные дома. «Архитектурные идеи советского времени привели к тому, что окраины городов были застроены типовыми одинаковыми домами, расположенными сплошными рядами вдоль широких улиц»⁵. Процессы субурбанизации, джентрификации не вписывались в советскую действительность. Теория концентрических зон лишь отчасти «накладывалась» на структуру советского города. Следует выделять не пять, а три окружности социального районирования: центр (административно-хозяйственный нежилой район), жилую зону (жилые дома, социальная инфраструктура), промышленную зону (предприятия). Советский период закрепил промышленный профиль городов, приобщив население СССР к индустриальной цивилизации.

Постсоветский период характеризовался серьезными изменениями в планировке российских городов, в элементах их жизнеустройства. С возвращением частной собственности и рыночных отношений города преобразились. Многие индустриальные центры сохранили прежний сектор социальной инфраструктуры. Исторические города не утратили своей культурной привлекательности. Увеличился поток мигрантов между городами и внутри городского социума. Образовались специфические микрорайоны маргиналов, расположенные вдоль промышленных зон города. Местная бизнес-элита спровоцировала одновременно оба «западных» процесса – джентрификацию и субурбанизацию. Поэтому многие города в начале XX в. «обросли» локальными жилыми зонами с современными особняками и частными охраняемыми территориями как внутри исторического центра, так и снаружи по непромышленным окраинам. Постсоциалистический город, город «русского капитализма», впитал в себя многие черты урбанизации Европы и Америки XX в. «Современный индустриальный российский город специфичен в своем экономическом благополучии и маргинален при учете экологического, медицинского, криминогенного, культурного, морального, лингвистического факторов»⁶. Города России на протяжении всей истории развития модернизировались, преобразовывались, отражая специфику общегосударственных изменений. Городское пространство на макроуровне формировалось по собственному сценарию, включающему процессы урбанизации, джентрификации, субурбанизации и иные черты мультикультурного развития.

На микроуровне город – не только публичное, социальное, но и частное пространство человека. «Это то интимное пространство, где человек может укрыться от агрессивной среды, ощутить свою самость»⁷. Проблемы локальной истории и современности раскрываются в вопросах городского быта, городской повседневности, городской психологии, городского менталитета, эстетиче-

ском освоении города, что вызывает актуальный интерес как зарубежных, так и отечественных исследователей. Процессы социализации, развития, воспитания, становления личности каждого человека происходят сквозь призму того места, где он родился, вырос, живет. При этом мыслители призывают отказаться от назойливой привычки видеть мир в его бытовых очертаниях и научиться видеть вещи как концепты культуры (семиотический подход)⁸. Г. В. Горнова отмечает, что город является результатом творчества человека. В нем сосредоточены все виды его деятельности. Город – квинтэссенция социальности, реализуемая в объективном и субъективном (переживания, мечты) плане⁹.

Специфика изучения городского пространства носит междисциплинарный характер, выражается в уровне подходе, который можно сопоставить с цивилизационной теорией развития общества. Западный (европейский, американский) вариант развития городов наделил многими своими чертами российскую урбанизацию до 1917 г. и в постсоветский период истории. Дореволюционный период характеризовался «европейским» – «естественным» – формированием городского пространства, но под руководством правительства. Советский урбанизм сопряжен со строгой плановостью, структурностью, одномерностью застройки городского пространства в духе идей индустриализации. Город в постсоветский период как сохранил прежние элементы городского пространства, так и обрел черты «американского» типа урбанизма, связанного с тенденциями мировой экономики.

Среди современных тенденций социального развития российских городов можно отметить сохранение устойчивых сельских черт большинства провинциальных городов¹⁰, необходимость полноценной перестройки публичного и жилого пространства в духе мировой постиндустриализации. Российские города неудобны для жизни по современным меркам ее качества, неэргономичны, небезопасны, неэкологичны – и еще много разных «не-». В российских городах должен произойти парадигмальный сдвиг по ключевому вектору развития стран с постиндустриальным уровнем. Основой трансформации городской повседневности должен стать вопрос о качестве жизни всех социальных групп населения. Феномен российской урбанизации заключается в том, что социальные изменения глобального уровня никогда идеально не согласуются с национальной спецификой городов, их исторической застройкой, требуют переосмысления и корректирующих мероприятий.

Примечания

- ¹ Колокольчикова Р. С. История российской урбанизации. Череповец, 2006. С. 16.
- ² Ланно Г. М. География городов. М., 1997. С. 11.

- ³ *Липатова О. А.* Город в пространстве социокультурной ситуации // Социокультурное пространство современного города / под ред. Л. В. Карцевой. Казань, 2009. С. 159.
- ⁴ *Ланно Г. М.* Урбанизация в Европейской России : процессы и результаты // Город и деревня в Европейской России : сто лет перемен / под ред. Г. М. Лаппо. М., 2001. С. 132.
- ⁵ *Добрейцина Л. Е.* Пространство города : к проблеме формирования и изучения // Социокультурное развитие города : история и современность / под ред. И. Е. Левченко, Л. С. Лихачева. Екатеринбург, 2006. С. 16.
- ⁶ *Солодянкина О. Ю.* Специфические черты и маргинальность индустриального российского города // Русская культура на рубеже веков. Русское поселение как социокультурный феномен / под ред. Г. В. Судакова. Вологда, 2002. С. 18.
- ⁷ *Липатова О. А.* Указ. соч. С. 159.
- ⁸ См.: *Смирнов С. А.* Антропология города или о судьбах философии урбанизма. URL: www.Antropolog.ru/doc./persons/smirnov/smirnovgorod.ru (дата обращения: 20.04.2012).
- ⁹ См.: *Горнова Г. В.* Феномен города в духовном мире человека. Омск, 2005. С. 3–4.
- ¹⁰ См.: *Ланно Г. М.* Российский город – симбиоз городского и сельского. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/analit06.php> (дата обращения 20.04.2012),

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 008 (47) (09) |18|+373.5 (47) (09)+811.14+821.14'02+929 Синайский

К ИСТОРИИ КЛАССИЦИЗМА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: САРАТОВСКИЙ ГРЕЦИСТ ИВАН ФЕДОРОВИЧ СИНАЙСКИЙ

В. И. Кашцев

Саратовский государственный университет
E-mail: kasceev@mail.ru

Наиболее значимые результаты в освоении античного культурного наследия на Саратовской земле были достигнуты в архитектуре и образовании. Основное внимание в статье сосредоточено на деятельности И. Ф. Синайского (1799–1870), который преподавал древнегреческий язык как в Православной духовной семинарии, так и в классической гимназии Саратова. Сделанные им переводы греческих авторов, составленные им учебные пособия и словари греческого языка, а также труды по греческой филологии рассмотрены в контексте классицизма как направления в русской и европейской культуре.

Ключевые слова: классицизм, античное наследие, культура, образование, древнегреческий язык, древнегреческая литература, Саратов, И. Ф. Синайский.

Some Traces of the Classical Tradition in the Culture of the Russian Provinces in the First Half of the Nineteenth Century: Ivan F. Sinaisky as a Hellenist in Saratov

V. I. Kashcheev

The article gives the most important examples of classicism in the culture of Saratov province namely in architecture and education. The author focuses his attention on the activities of Ivan F. Sinaisky (1799–1870) as a teacher in Greek both in Gymnasium and in Orthodox Theological Seminary in Saratov. Works translated by I. Sinaisky from Greek, his manuals and dictionaries for those who learned Greek, as well as his articles on Greek and Greek authors are being considered in the context of Russian and European classicism.

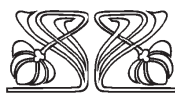
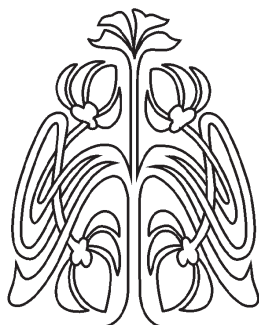
Key words: classicism, classical tradition, culture, education, Greek, Greek literature, Saratov, Ivan F. Sinaisky.

Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова коль высоко почитается, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители.

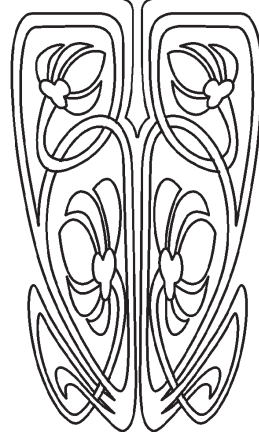
*М. В. Ломоносов*¹

Влияние древнегреческой и римской культуры на литературу Западной Европы и Америки Гилберт Хайет метафорически представил в виде реки. Она струится по ландшафтам разных эпох: среди лесов по дикой местности «темных веков»; затем по более приятному ландшафту Средневековья; далее по жаркому летнему полю Ренессанса с его богатством ярких цветов и изобилием плодов; в период барокко протекает по строго определенному руслу, одетому в мрамор и окруженному статуями; в период Французской революции вырывается из оков, устремляясь в совершенно неожиданных направлениях; далее течет по новым каналам, двигаясь через литературу XIX столетия, и сквозь XX в. прямо устремляется к нашему времени².

Один из наиболее интересных и богатых ландшафтов европейской культуры – эпоха классицизма, когда влияние античного наследия было

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ощутимо не только в литературе, но едва ли не во всех сферах духовной деятельности людей. Хронологические рамки этой эпохи в разных регионах Европы и в различных областях культуры разнятся. Эллинскую классику в немецкой культуре С. С. Аверинцев датировал серединой 1760-х – началом 1830-х гг.³ Существо греческой культуры Винкельман определил формулой *die edle Einfalt und stille Größe* – «благородная простота и спокойное величие», – считая произведения античного искусства образцовыми. Он полагал, что греческий художник следовал «природе» и творил «идеальное» произведение, а современный мастер, если желает достичь высот в искусстве, должен следовать этому «идеалу». Созданный Винкельманом образ античности существенно повлиял на то, как в Германии воспринимали классическое наследие на протяжении многих десятилетий⁴. Таким образом, он стоит у истоков «веймарского классицизма» – мощного и плодотворного направления в немецкой культуре рассматриваемого периода.

Знакомство с античностью и освоение классического наследия в России шло различными путями: вначале через Византию и ее ближайших наследников, затем из Восточной Европы через южные и западные районы России, через Москву с ее Славяно-греко-латинской академией, а позднее через Западную Европу; в этой связи огромную роль сыграла Академия наук, основанная Петром Великим в Петербурге⁵.

Голландский исследователь В. А. Вес рассмотрел русский классицизм от Петра I до Николая I, снабдив свой труд подзаголовком с замечательной метафорой «Между двумя бронзовыми всадниками»⁶ и подразумевая под ними конные статуи на Сенатской и Исаакиевской площадях. Однако весь изучаемый им период в полтора с лишним века (1700–1855 гг.) не был однороден с точки зрения влияния античного наследия на русское общество.

В правление Екатерины II наблюдается решительный и осознанный поворот к классицизму, понимаемому в европейском духе. Деятельность созданной ею комиссии под названием «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на русский язык» (1768–1883 гг.)⁷ привела к тому, что за сравнительно короткий срок силами большого числа литераторов были переведены многочисленные труды античных авторов и сочинения о классической древности⁸.

Античные литературные формы были успешно восприняты авторами, писавшими в России на национальном языке. К 70-м гг. XVIII в. благодаря В. К. Тредиаковскому, А. Д. Кантемиру и М. В. Ломоносову русский художественный перевод оформился как особый вид творчества. В. К. Тредиаковским была предложена система стихосложения, близкая античной традиции; поэты и переводчики следующих поколений «получили полноценное наследие, представленное почти всеми жанрами и метрами классической поэзии»⁹.

В период от Екатерины II до Николая I рецепцией античного наследия были затронуты многие сферы духовной жизни: язык и литература с ее многочисленными жанрами; театр, включая драму, оперу и балет; изобразительное искусство, в том числе живопись, скульптура, декоративно-прикладное искусство и архитектура; философская мысль и право. Классицизм затронул журналистику, книгоиздание и библиотечное дело. Это было время становления в России системы классического образования в университетах и гимназиях¹⁰, а также антиковедения как комплексной научной дисциплины¹¹.

Различные аспекты классицизма в жизни обеих столиц изучались и продолжают исследоваться, но обобщающих трудов об этом феномене российской культуры до сих пор нет, хотя, разумеется, они были бы весьма желательными. Рецепция античного наследия, однако, не ограничивалась Петербургом и Москвой – по-своему она проявлялась в таких университетских городах, как Казань, Харьков, Киев¹², во многих губернских центрах, где появились и действовали гимназии и духовные семинарии, а также в некоторых уездных городах и отдельных дворянских усадьбах. Между тем классицизм в российской провинции (в строго научном отношении) – во многом все еще *terra incognita* для нас. Можно ожидать, что продвижение по этому исследовательскому полю позволит нам прояснить как любопытные детали, так и важные общие закономерности классицизма на российской культурной почве.

Саратовская губерния предоставляет исследователю интересный материал об освоении античного культурного наследия по меньшей мере в двух сферах – архитектуре и образовании. Классицизм как архитектурный стиль в полной мере проявился в двух городах губернии – Саратове и Вольске; он отразился в их планировке, центральных ансамблях и массовой городской застройке. Ансамбли двух Соборных площадей (Старой и Новой), импозантные городские усадьбы на улицах Покровской, Новодворянской, Малой Царицынской, богатые особняки, церкви, «образцовые» жилые дома на Московской улице, многочисленные постройки хозяйственного назначения – таково воплощение классицизма в Саратове¹³. Вольск как город полностью сформировался именно в ту эпоху, и этот гибкий и жизнеспособный стиль полно и мощно отразился в многочисленных каменных постройках и деревянной архитектуре маленького провинциального города¹⁴. Подлинными шедеврами классицизма являются дворцово-парковые ансамбли в Зубриловке¹⁵ и Надеждине¹⁶. Таким образом, архитектурный классицизм в Саратовской губернии – богатое и интересное явление, требующее серьезного изучения¹⁷.

Нуждается в специальном исследовании также тема классического образования в светских и духовных учебных заведениях Саратова и уездных

городов губернии. Эта тема интересна, но ее разработка в ближайшее время вряд ли осуществима. Одним из важных ее сюжетов являются жизнь и труды Ивана Федоровича Синайского (1799–1870) – известного знатока древнегреческого языка и греческой литературы. Его деятельность имеет прямое отношение к истории преподавания древних языков в Саратове, а если говорить о греческой образованности, то и к ее истории в масштабах всей страны.

Саратовский историк С. Н. Чернов назвал И. Ф. Синайского «знаменитым классиком», а также «почтенным и ученым классиком», которому «русская наука классической филологии» обязана одним из первых, если не первым, «греческим словарем», подчеркивал его заслуги в изучении древнего мира в России¹⁸. Без малого сто лет тому назад С. Н. Чернов считал изучение личности и творчества И. Ф. Синайского актуальным. Однако и сейчас жизнь и труды саратовского грециста для исследователей культуры актуальности не утратили. Задача, таким образом, заключается в том, чтобы рассмотреть деятельность И. Ф. Синайского как феномен классицизма в сфере образования и культуры.

Иван Федорович Синайский (Пулькин) родился в 1799 г. и был старшим сыном в семье дьячка¹⁹. Его отец Федор Федорович Пулькин впоследствии стал священником церкви Рождества Богородицы в городе Сольвычегодск Вологодской губернии²⁰. С 1809 по 1816 г. Иван Пулькин учился в Сольвычегодском уездном духовном училище. В 1822 г. он окончил IV курс Вологодской духовной семинарии по первому разряду, дававшему наибольшие привилегии, к тому же в списке выпускников он был вторым. Именно в годы учения в семинарии Ивану Пулькину была дана фамилия Синайский²¹.

Из Вологодской епархии в 1822 г. Иван Федорович поступил в Московскую духовную академию, которую окончил со степенью кандидата в 1826 г. Программа академии в соответствии с реформой 1808–1814 гг. была разделена на два двухгодичных курса и рассчитана, таким образом, на четыре года обучения.

Получивший в 1821 г. Московскую кафедру митрополит (тогда еще архиепископ) Филарет (Дроздов) постоянно и настойчиво интересовался жизнью академии. Он считал необходимым разрешить преподавание богословских дисциплин на русском языке, а для поддержания «классической чистоты» полагал целесообразным, помимо чтения греческих и латинских авторов в курсе «словесности», продолжать преподавание философских предметов на латинском языке²². В академии курс догматики читал архимандрит Кирилл Богословский-Платонов (1819–1824 гг.), который на лекциях использовал не учебник, а новейшие труды европейских авторов по богословию, в том числе и на латинском языке. Его преемник, ректор архимандрит Поликарп Гайтан-

ников (1824–1835 гг.), преподавал аналогичным способом²³.

Значительную роль в жизни академии играли преподаватели философии. Первым профессором кафедры философии Московской духовной академии был В. И. Кутневич (1815–1824 гг.) – знаток современной немецкой философской мысли, который умел вызвать у студентов живой интерес к своему предмету; лекции он читал на латинском языке²⁴. Его преемник, выпускник академии 1818 г. Ф. А. Голубинский в 1822 г. стал экстраординарным, а в 1824 г. – ординарным профессором философии и оставался в этой должности в течение тридцати лет вплоть до своей смерти. В академии он пользовался большим уважением как исследователь, педагог и человек²⁵.

В те годы П. С. Делицин, возглавлявший список выпускников академии по первому разряду в 1818 г., а в 1924 г. назначенный ординарным профессором, преподавал, помимо своей основной дисциплины – математики, – также немецкий (1818–1820 гг.) и французский (1820–1822 гг.) языки. Позднее был опубликован сделанный им перевод с греческого языка беседы св. Иоанна Златоуста на послание апостола Павла к римлянам (1839 г.). Эта публикация, очевидно, была известна И. Ф. Синайскому, который примерно тогда же осуществил перевод одного из толкований Иоанна Златоуста на послание апостола Павла к Титу. Кроме прочих своих ученых занятий П. С. Делицин известен как переводчик греческих и латинских авторов²⁶.

Можно не сомневаться, что все эти профессора оказали благотворное влияние на студента Ивана Синайского, способствуя появлению у него непреходящего интереса к гуманитарным предметам.

В академии изучались языки греческий, латинский, древнееврейский, французский и немецкий²⁷. Преподавание древних языков здесь было основательным и считалось важным в подготовке студентов к богословским занятиям и педагогической деятельности в духовных учебных заведениях. «Введение математики и большое внимание к древним языкам согласовывалось с представлениями эпохи классицизма о природе образования»²⁸. Значение греческого языка в преподавании возросло в связи с указом Священного синода 1821 г. «Об усилении в народе учения православного через епархиальное духовенство и через посредства учащихся в духовных училищах». Митрополит Филарет рекомендовал произносить в храмах «беседы святых отцов», и для этой цели следовало отбирать и переводить с греческого языка соответствующие святоотеческие труды²⁹. Уровень преподавания латинского языка был также довольно высоким. В результате выпускники Московской духовной академии умели не только говорить, но и писать по-латыни. Однако изучение латыни имело и самостоятельную ценность, независимо от практического ее применения³⁰.

Вне всякого сомнения, И. Ф. Синайский получил основательную подготовку в области древнегреческой филологии и это во многом предопределило характер его профессиональных занятий и увлечений на протяжении всей последующей жизни.

Поступая в академию, юноши негласно брали на себя обязательство по ее окончании либо становиться священниками, либо преподавать в духовных учебных заведениях. Нередко предпочтение отдавалось именно преподаванию, поскольку жизнь представителя «духовного сословия» для многих молодых людей выглядела не особо привлекательной³¹. В этой связи выбор И. Ф. Синайского по окончании им академии не кажется неожиданным: завершив свое духовное образование и получив степень кандидата³², 2 сентября 1826 г. он приступил к работе в качестве учителя церковной истории и греческого языка в Пензенской духовной семинарии³³. Одновременно с апреля 1828 по июль 1829 г. он занимал должность секретаря в Пензенском семинарском правлении. Педагогическая деятельность И. Ф. Синайского в этом городе завершилась в сентябре 1830 года³⁴.

Важным деянием Моисея (Богданова-Платонова), епископа Саратовского и Царицынского (1828–1832)³⁵, было создание духовной семинарии в Саратове. Для преподавания церковной истории и греческого языка и был приглашен из Пензы И. Ф. Синайский. 13 сентября 1830 г. Саратовская консистория издала указ об открытии семинарии³⁶. Первое заседание семинарского правления состоялось 26 сентября, а 17 октября И. Ф. Синайский был утвержден секретарем правления. Эту должность он занимал более семнадцати лет – до 27 октября 1847 года³⁷.

26 октября 1830 г. состоялось торжественное открытие Саратовской духовной семинарии. Иван Федорович как секретарь семинарского правления прочитал всеподданнейший доклад «Комиссии духовных училищ» об открытии семинарии, огласил ее штат и назвал поименно начальствующих и учащихся.

В торжественном акте открытия Саратовской семинарии пересеклись две исторические линии – история духовного учебного заведения и история личности, и обе были неразрывно связаны на протяжении почти двадцати лет, в 30–40-е гг. XIX в.

Полный шестилетний курс семинарии состоял из трех двухгодичных курсов: риторики, философии, богословия. Изучение латинского, греческого и древнееврейского языков было обязательным, немецкого и французского – факультативным³⁸.

В 1840 г. были опубликованы утвержденные Николаем I «Новые правила» преподавания в семинариях. Из основных дисциплин наиболее важными для сельского священника считались пастырское богословие и гомилетика. Общеобразовательные предметы были сокращены, философия заменена логикой и психологией. В программу были включены новые («полезные

для общежития») предметы – основы медицины, крестьянского хозяйства и естествознание, – что делало образование более прагматичным, «реальным». Во всех духовных школах курс обучения, как и прежде, был рассчитан на шесть лет³⁹.

Программа семинарий оставалась весьма обширной, значительное место в ней уделялось общеобразовательным (светским) дисциплинам. На втором году курса риторики в обязательном порядке преподавались латынь и греческий язык, факультативно – древнееврейский, французский и немецкий⁴⁰.

По различным предметам философского и богословского курсов предусматривалось написание сочинений («рассуждений» – *dissertationes*) на латинском языке. Так, в 1845 г. семинарист Николай Чернышевский подготовил такую работу⁴¹. На итоговых экзаменах в 1832 г. учащиеся низшего класса писали *хрисио* («рассуждение») на тему *Deus amandus est*, аналогичную работу выполняли воспитанники философского курса, а семинаристы высшего курса готовили устный ответ на латинском языке на богословскую тему⁴².

Занимавший саратовскую кафедру в 1832–1847 гг. епископ Иаков (Вечерков)⁴³ поощрял изучение греческого и латинского языков. Как говорили, семинаристы пользовались «слабостью» владыки к классическим языкам и нередко подавали ему прошения на латинском языке⁴⁴.

Имелось, однако, препятствие для успешного изучения древних языков. Саратовская семинария была переполнена учащимися, поэтому все три курса делились на параллельные классы. Но и в этом случае численность семинаристов каждого класса была чрезмерной, что мешало эффективному изучению языков, поскольку преподаватели не могли индивидуально заниматься с каждым воспитанником. Так, класс, в котором учился Николай Чернышевский, состоял из сотни человек⁴⁵. Занятия в семинарии делились на «дообеденные» и «послеобеденные»; в расписании занятий древние языки нередко ставились во второй половине дня. Так обстояло дело с латинским языком в классе Н. Чернышевского⁴⁶.

Кроме И. Ф. Синайского, преподаванием древних языков в Саратовской семинарии в это время занимались К. М. Сокольский, Г. С. Саблуков, а затем Г. С. Воскресенский. Первый из них преподавал риторику и словесность, а также французский язык. По свидетельствам современников, он любил свой предмет, хорошо знал его, умел успешно вести занятия, хотя особой ученостью, может быть, и не отличался. В отставку он вышел в 1848 г., прослужив полные двадцать пять лет по духовно-учебному ведомству⁴⁷. А. Ф. Раев вспоминал, что К. М. Сокольский читал семинаристам риторику И. Ф. Бурга (*Бургия*, как пишет А. Ф. Раев) на латинском языке⁴⁸. По его мнению, в числе слушателей К. М. Сокольского было не более десятка, кто понимал латынь⁴⁹. В 1830 г. Г. С. Саблуков был назначен преподавателем все-

общей гражданской истории и древнееврейского языка. В семинарии он проработал до 1849 г.⁵⁰, а позднее преподавал восточные и классические языки в Казанской духовной академии. В науке он известен как видный востоковед и переводчик *Корана* на русский язык⁵¹. В 1832 г. Г. С. Воскресенский начал преподавать словесность⁵². По свидетельству А. И. Розанова, «это был человек жестокий до зверства, но как преподаватель – лучший из семинарии», перед его занятиями по латыни все «трепетали»⁵³.

Однако наиболее значимой фигурой среди преподавателей древних языков в семинарии был, без сомнения, И. Ф. Синайский. Он читал курсы по общей гражданской истории и философии, но любимым его предметом был древнегреческий язык. Если верить воспоминаниям бывших его учеников, он «всегда готов был много и долго говорить по объяснению какой-либо филологической тонкости, касающейся греческого языка»⁵⁴. Иногда семинаристы просили Ивана Федоровича прочитать по-гречески текст какого-либо классика, и как говорили, он им в этом не отказывал. «При чтении И [ван] Ф [едорович] <...> воодушевлялся от содержания читаемого автора и, можно сказать, переживал блаженные минуты в своей жизни»⁵⁵. Такое отношение преподавателя к своему предмету не могло не действовать благотворно на учащихся.

Жалование светских учителей в духовных учебных заведениях было мизерным и даже после реформы 1808–1814 гг. увеличилось незначительно. В редких случаях у них была перспектива в конце своей педагогической деятельности получить место инспектора духовного училища или дослужиться до должности инспектора семинарии⁵⁶. Именно стесненными материальными обстоятельствами И. Ф. Синайского можно объяснить тот факт, что долгие годы, наряду с преподаванием в семинарии, он трудился секретарем семинарского правления – это отнимало много сил и времени. Следует заметить, что к 1836 г. у него было уже четверо детей – два сына и две дочери. Содержание столь большой семьи⁵⁷ требовало дополнительных расходов.

В 1836 г. Иван Федорович занял должность старшего учителя греческого языка в Саратовской мужской гимназии⁵⁸, где и проработал до 1852 г.⁵⁹ Это учебное заведение было открыто в августе 1820 г., точнее было бы сказать, преобразовано из Главного народного училища, существовавшего в городе прежде⁶⁰. Документы фонда гимназии за 1820–1845 гг., к сожалению, не сохранились, поэтому нелегко восстановить подробности жизни и деятельности ее учителей. С 1825 по 1831, а также с 1834 по 1837 г., директором саратовских училищ был Я. А. Миллер, который и осуществлял руководство гимназией. В 1837–1843 гг. директором был В. Ф. фон Гине. С его именем был связан громкий судебный процесс, в который оказались вовлечены некоторые учителя гимназии, в том числе и И. Ф. Синайский⁶¹.

В соответствии с новым уставом для гимназий, подготовленным Комитетом устройства учебных заведений и утвержденным 8 декабря 1828 г., главными предметами считались древние языки (древнегреческий и латынь), а также математика⁶². Было увеличено число уроков по Закону Божию и отечественной словесности. Кроме того, преподавались география и статистика, история, физика, французский и немецкий языки, чистописание и рисование. Окончательно этот устав вступил в силу в только в 1837 г., когда – уже при новом министре просвещения графе С. С. Уварове – была введена система испытаний и аттестатов.

В годы преподавания И. Ф. Синайского Саратовская гимназия имела статус *классической с двумя древними языками*. Греческий здесь изучался четыре года (с IV по VII класс включительно) с еженедельной нагрузкой 7,5 часа, то есть по пять полуторачасовых уроков.

И. А. Воронов, учившийся у И. Ф. Синайского в самом начале 1850-х гг., вспоминал учителя с чувством глубокого уважения: «Это был старик, посвятивший свою жизнь литературе эллинов, написал и издал составленную им грамматику греческого языка...»⁶³ По словам бывшего гимназиста, Иван Федорович сочинял на этом языке стихи и «безукоризненно знал наизусть» многие песни из поэм Гомера, которые безошибочно декламировал. Преподавание греческого языка у него, полагал И. А. Воронов, было «немного сложным и кратким»: оно касалось грамматических правил и «легких переводов» со словарем с греческого на русский язык⁶⁴.

Деятельность И. Ф. Синайского в гимназии была большим благом для города – уровень преподавания древнегреческого языка в главном светском учебном заведении Саратова был высоким на протяжении многих лет.

В 1833 г. под руководством И. Ф. Синайского воспитанники семинарии подготовили русский перевод с древнегреческого языка произведения св. Афанасия Великого «О воплощении Бога слова и телесном Его к нам пришествии». Владыка Иаков сделал распоряжение создать комитет из профессоров для рассмотрения этого перевода, а затем отослать труд в правление Санкт-Петербургской духовной академии с просьбой его напечатать: «Слово сие <...> может быть особенно полезно для здешней епархии»⁶⁵. В результате перевод был опубликован⁶⁶.

И. Ф. Синайский известен также как переводчик еще одного святоотеческого сочинения – толкования св. Иоанна Златоуста на послание апостола Павла к Титу⁶⁷. В 1842 г. этот перевод был опубликован Августом Ивановичем (Августом-Рене) Семеном (Auguste-René Semen, 1781–1862 гг.).

Крупный московский издатель, француз по происхождению, А. Семен с 1818 г. арендовал типографию московского отделения Императорской Медико-хирургической академии, имел

книжную лавку на Кузнецком мосту, а позже приобрел собственную типографию⁶⁸. Он издавал произведения видных русских поэтов В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, Д. В. Давыдова, А. С. Грибоедова (в частности, «Горе от ума», *editio princeps* – 1833 г.), почти все печатавшиеся в Москве произведения А. С. Пушкина, в том числе и его «Евгения Онегина» (1826 г.)⁶⁹. Из-под печатного станка А. Семена выходили переводные произведения, книги и учебники на иностранных языках, а также словари, поэтому вполне закономерно, что для публикации своих трудов И. Ф. Синайский обратился именно к нему.

В том же 1842 г. в типографии А. Семена Иван Федорович издал свою «Метрику греческого языка»⁷⁰. Автор дает такое определение этой дисциплины антиковедения: «Метрика, происходит от *metron* (мера) в пространном смысле сего слова, учит как мерному произношению каждого слога, так и мерному сочетанию определенных слогов в целые речения, а определенных речений в целую рифмическую речь, или стих. Посему метрика Греческого языка предлагает [сведения] о мере слогов и о размерах стоп и стихов»⁷¹. Изложив принципы греческого стихосложения, автор проиллюстрировал их многочисленными примерами из поэтических творений великого Гомера, лирических поэтов Архилоха, Тиртея, Сапфо, Анакреонта, Феогнида, Пиндара, Каллимаха, Феокрита, трагиков Эсхила, Софокла, Еврипида, а также комедиографа Аристофана.

Публикация этого пособия стала событием в научной жизни двух саратовских учебных заведений и заметным явлением в культурной жизни города. В библиотеку Кабинета классической филологии, некогда созданную профессорами С. В. Меликовой и В. Я. Каплинским на историко-филологическом факультете Саратовского университета, попал экземпляр «Метрики» со следующим автографом: «Его Высокопреподобию г. Инспектору Саратовской Д. Семинари о. Иеромонаху Тихону. Иван Синайский. 12 июня 1842».

Можно предположить, что «Метрика греческого языка» сделала И. Ф. Синайского известным и в академических кругах обеих столиц, она облегчала русскоязычным читателям изучение древнегреческой поэзии. Это издание получило доброжелательный отзыв в «Отечественных записках», издававшихся А. А. Краевским⁷².

Герой бессмертной комедии А. С. Грибоедова в присутствии молодых людей – Софьи и Молчалина – сетует:

А все Кузнецкий мост и вечные французы,
Откуда моды к нам, и авторы, и музы:

Губители карманов и сердец!

Далее Фамусов восклицает:

Когда избавит нас творец

От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!

И книжных и бисквитных лавок!

(курсив наш. – В. К.).

Произведения, продаваемые в книжных лавках на Кузнецком, действительно пользовались спросом и быстро раскупались. Опытный издатель и книгопродавец А. Семен прекрасно понимал, что будет иметь успех у читающей публики и что, следовательно, надо печатать.

Почти одновременно с книгой И. Ф. Синайского в типографии при Медико-хирургической академии появилось изящное издание под названием «Обзор мнений древних»⁷³. Хотя имя составителя текста не указано, нам известно, что это был Яков Иванович де Санглен (1776–1868 гг.), опубликовавший у А. Семена несколько работ исторического и историко-литературного содержания. В «Обзоре» представлены взгляды античных авторов на три сюжета: 1) о смерти, загробной жизни и о том, как избежать страха смерти; 2) о судьбе; 3) о жертвоприношениях у греков. Все эти сюжеты изложены автором интересно, со множеством цитат из греческих и латинских авторов. Можно не сомневаться, что в книжной лавке А. Семена на Кузнецком мосту это сочинение имело успех у покупателей.

Однако если книга Я. И. де Санглена воспринималась прежде всего как *интересное, занимательное* чтение, то работа И. Ф. Синайского о греческой метрике была *полезной*. Книгоиздатель это понимал. А для нас очевидно, сколь важную роль в культивировании классицизма играли все трое – и французский издатель в Москве, и просвещенный высокопоставленный экс-чиновник Министерства полиции Российской империи, и скромный учитель греческого языка из провинциальной саратовской «глуши».

Кроме духовных произведений, его как грециста интересовали также произведения греческих историков Фукидида и Ксенофонта. В 1840 г. в «Ученых записках Казанского университета» была опубликована статья о речах Фукидида⁷⁴. Давая характеристику греческому автору, И. Ф. Синайский писал: «Фукидид в изложении исторических обстоятельств точен, в критике строг, в трудах неутомим, в слове силен и спокоен, в искусственности изложения и сочетании всех обстоятельств не подражаем; внутреннее расположение его творения величественно и преисполнено мыслей; его история – трагедия, только не вымышленная, а истинная; словом – он своими образцовыми качествами доселе изумляет всех ученых, всех сколько-нибудь понимающих его; и все охотно приписывают ему все лучшее, все, что могут измыслить совершенного...»⁷⁵. В этих словах видно трепетное почитание и искреннее уважение к греческому историку, автор статьи рассматривает его как образец – характерное для классицизма отношение к писателю древности⁷⁶.

Как следует из архивных материалов, к марту 1844 г. Иван Федорович подготовил первоначальный вариант своего «Российско-греческого

словаря»⁷⁷. Обращаясь в Саратовское семинарское правление с прошением об объявлении по Казанскому духовно-учебному округу об издании его лексикона, И. Ф. Синайский аргументировал свою просьбу двумя соображениями:

1) словарь может быть полезен учащимся семинарий и духовных училищ для переводов с «отечественного» языка на греческий, поскольку, к примеру, в уездных духовных училищах, в соответствии с уставом училищ, необходимо, чтобы учащиеся упражнялись в переводах как с изучаемого языка на русский, так и наоборот;

2) он удобен для написания сочинений на греческом языке, так как в «классе словесных наук» (курс риторики) требуется, в частности, выработка у учащихся навыков написания письменных работ на этом языке⁷⁸.

Свою задачу Иван Федорович видел в создании такого лексикона, который стал бы «одним из важнейших условий успешного изучения греческой литературы в нашем отечестве и нашей литературы в воссозданной Элладе»⁷⁹.

Духовно-учебное управление, однако, «не находя причин к открытию особой подписки на означенный Словарь», постановило объявить И. Ф. Синайскому, что «высшее Духовно-Училищное Начальство может оказать ему пособие покупкою нескольких экземпляров в таком случае, когда его сочинение, по напечатании, окажется полезным для Духовно-Учебных заведений»⁸⁰. Об этом решении Иван Федорович узнал только 22 декабря 1844 года⁸¹.

По получении одобрения к печати в Цензурном комитете при Императорском Московском университете спустя два года словарь увидел свет в типографии А. Семена⁸². Это был один из первых изданных в нашей стране русско-греческих словарей.

При его составлении И. Ф. Синайский использовал «Словарь Академии Российской» (1789–1794 гг.) – первый толковый словарь русского языка (так называемый академический словарь). Полезными для учебных целей были содержащиеся в лексиконе И. Ф. Синайского таблицы окончаний спряжения основных греческих глаголов и список наиболее употребительных неправильных глаголов древнегреческого языка. Отсутствие аналогичных изданий на русском языке и недостаточное число пособий, которые мог бы использовать составитель, затрудняли осуществление его замысла.

В «Отечественных записках» А. А. Краевского появилась сочувственная анонимная рецензия на словарь⁸³. Отметив добросовестность и точность И. Ф. Синайского, ее автор справедливо указал в качестве главного недостатка то, что составитель не различает «три совершенно разнородные по цели изучения языка» его составные части – классический, библейский и отцов Церкви (церковный) и новогреческой – и «ставит изучение церковного языка выше классического»⁸⁴. В

1869 г. увидело свет исправленное издание этого словаря⁸⁵.

По собственному прошению И. Ф. Синайский 23 декабря 1848 г. был уволен со службы в семинарии⁸⁶. После его ухода с занимаемой должности в Саратовской гимназии (1852 г.) начался последний период его деятельности. Он жил в Москве, много и интенсивно работал над новыми своими трудами. Одним из самых плодотворных в его жизни стал 1857 год.

Типография Московского университета напечатала составленную им грамматику греческого языка⁸⁷. «Журнал для воспитания», издаваемый А. А. Чумиковым, откликнулся короткой, несколько предвзято написанной рецензией⁸⁸. Анонимный автор, однако, признал, что в отличие от других переведенных с иностранных языков грамматик пособие И. Ф. Синайского содержит полезный краткий обзор греческих диалектов, и в итоге сделал заключение, что оно вполне может быть использовано изучающими этот язык⁹⁰.

Увлеченность И. Ф. Синайского вопросами славяно-русской филологии нашла отражение в трех статьях, посвященных происхождению славянского алфавита, различным аспектам морфологии глагола (за исключением категории вида) и филологическим комментариям к «Академическому, изданному в 1847 году словарю церковнославянского и русского языка на А–Е»⁹¹.

В типографии С. Селивановского увидел свет сделанный им перевод диалога Ксенофонта об учении Сократа (*Меморабилли*)⁹². Эта публикация вызвала, по существу, противоположные отклики в газете «Санкт-Петербургские ведомости»⁹³ и журнале «Современник»⁹⁴. Автор газетной рецензии приветствовал выход нового перевода: «Нельзя не поблагодарить переводчика за предпринятый им и очень хорошо выполненный труд. Русской публике предстоит теперь удовольствие ближе ознакомиться с учением Сократа, в самой его сущности, и подивиться светлости его взглядов, часто весьма близких нашему воззрению, и необычайно сильной логике доводов»⁹⁵.

Весьма показателен совсем иной тон рецензии Н. А. Добролюбова – одного из видных представителей революционно-демократической журналистики. Резко отрицательно он оценил тот факт, что переводчик остановил свой выбор именно на этом труде и на этом авторе. «Но неужели во всей греческой литературе не нашел г. Синайский ничего назидательнее этого Ксенофонта?» – восклицает рецензент⁹⁶. Однако такой выбор объясняется, очевидно, тем, что в «Воспоминаниях о Сократе» Ксенофонта изложены основные положения этического учения Сократа, которые могли быть восприняты читателями русского перевода как поддержка традиционной («догматической») морали. Для революционных демократов такая мораль была неприемлема, против нее они вели ожесточенную борьбу. Автора рецензии явно раздражал слегка архаический

стиль перевода, выполненного И. Ф. Синайским⁹⁷.

В 1861 г. в типографии почтового департамента увидели свет размышления Ивана Федоровича о значении древнегреческого языка для мировой и отечественной культуры⁹⁸. А в следующем году он опубликовал свой греческо-русский словарь⁹⁹. В 1866 г. этот лексикон, наряду с известной грамматикой Р. Кюннера¹⁰⁰ и хрестоматией Х. Якобса¹⁰¹, был рекомендован Министерством народного просвещения в качестве учебного пособия для гимназий и прогимназий России, подведомственных министерству¹⁰². В 1879 г., уже после смерти составителя, в издательстве книжного магазина братьев Салаевых было напечатано третье издание словаря¹⁰³, что свидетельствует о его востребованности.

И. Ф. Синайский умер 1 марта 1870 г. в Москве и был отпет в Успенской церкви на Малой Дмитровке¹⁰⁴. Он прожил внешне неяркую, полную трудов и забот жизнь. Однако это незаурядная личность, грецист, который для классического образования в Саратове и в России сделал так много, что им может гордиться всякий, кому дороги традиции российской культуры.

Деятельность и труды И. Ф. Синайского как заметное явление русского классицизма давно вошли в историю культуры и теперь уже принадлежат вечности, как и архитектурные памятники классицизма в городах Саратове и Вольске, в старинных «дворянских гнездах» Зубриловке и Надеждине. В настоящий момент и дворец, и часовня, и парк усадьбы князей Голицыных находятся в ужасающем состоянии и молчаливо взывают о помощи, как и некоторые другие памятники. Однако что бы с ними не произошло в будущем, они уже нашли свое отражение в поэтических созданиях Державина и Крылова, в живописных полотнах Борисова-Мусатова. Они навсегда стали частью нашего культурного наследия. Наш долг состоит в том, чтобы сохранить и передать их следующим поколениям, равно как и память о жизни и трудах И. Ф. Синайского.

Примечания

- ¹ Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Полн. собр. соч.: в 11 т М.; Л., 1952. Т. 7. С. 587.
- ² См.: Hight G. The Classical Tradition : Greek and Roman Influences on Western Literature. L.; Oxford; N. Y., 1967. P. 541.
- ³ В этой датировке существенны четыре события: с одной стороны, публикация «Истории искусства древности» Винкельмана (1764 г.) и «Лаокоона» Лессинга (1766 г.), а с другой – смерть Гегеля (1831 г.) и Гёте (1832 г.). См.: Аверинцев С. С. Образ античности в западноевропейской культуре XX в. : Некоторые замечания // Новое в современной классической филологии. М., 1979. С. 7.
- ⁴ См.: Кащеев В. И. Винкельман и коллекция гемм барона Филиппа фон Штоша // Художественные коллекции

музеев и традиции собирательства. Саратов, 1999. С. 14–15.

- ⁵ См.: Гаврилов А. К. Античное наследие в России (IX–XV вв.) // О филологах и филологии. СПб., 2011. С. 12–15; *Его же*. Государственный классицизм при Екатерине II // Там же. С. 50.
- ⁶ *Wess M. A. Classics in Russia 1700–1855 : Between Two Bronze Horsemen.* Leiden ; N. Y. ; Köln, 1992. Автор, однако, не учел, что в России один из этих всадников, благодаря знаменитой поэме А. С. Пушкина, называется *медным*.
- ⁷ Любопытен тот факт, что учреждение этой комиссии по времени почти совпадает с началом немецкого классицизма.
- ⁸ Подробнее см.: Гаврилов А. К. Государственный классицизм при Екатерине II. С. 52–60.
- ⁹ Дерюгин А. А. В. К. Третьяковский – переводчик : Становление классицистического перевода в России. Саратов, 1985. С. 163–164.
- ¹⁰ См.: Любжин А. И. Харьковский коллегиум в XVIII и начале XIX столетия // Лицейское и гимназическое образование. 1998. № 6. С. 19–24 ; 1999. № 1. С. 17–27 ; *Его же*. Латинский язык в Харьковском коллегиуме // Древний мир и мы. СПб., 2003. Вып. 3. С. 147–153 ; Воробьев Ю. К. Латинский язык в русской культуре XVII–XVIII веков. Саранск, 1999 (ср. рецензию А. И. Любжина на эту книгу : Древний мир и мы. СПб., 2012. Вып. 4. С. 417–426) ; Кнабе Г. С. Русская античность : Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М., 1999. С. 121–125.
- ¹¹ См.: Фролов Э. Д. Русская наука об античности : Историографические очерки. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2006. С. 88–204 ; Гаврилов А. К. Античное наследие... С. 18–20 ; ср.: *Его же*. Из новейшей историографии русского антиковедения // О филологах и филологии. С. 84–100.
- ¹² В Казани и Киеве к тому же существовали духовные академии.
- ¹³ См.: Терёхин С. О. Века и камни : Памятники архитектуры Саратовской области. Саратов, 1990. С. 10–17, 21–39 ; Городские этюды. Саратов : Литье,ковка. Саратов, 2009. С. 34–35 ; Саратов братьев Леонтьевых / сост. Е. К. Савельева. Саратов, 2011. С. 21–33, 36–37, 87 и др.
- ¹⁴ См.: Терёхин С. О. Указ. соч. С. 17–20, 40–48.
- ¹⁵ См.: Ежова И. К. Зубриловка. Надеждино : Дворцово-парковые ансамбли в Поволжье конца XVIII – начала XIX в. Саратов, 1979. С. 20–65 ; Горднова Л. Разрушился сей дом, засохли бор и сад : Державинская песнь голицынской Зубриловке // Наше наследие. 2008. № 86. С. 8–21.
- ¹⁶ См.: Ежова И. К. Указ. соч. С. 68–111 ; Майорова А. С. Культура и повседневная жизнь дворянства Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Российская история. 2010. № 4. С. 124–125.
- ¹⁷ Нельзя согласиться с мнением А. С. Майоровой о том, что в рассматриваемый период дворяне «не смогли реализовать свои художественные вкусы в области архитектуры». См.: Майорова А. С. Указ. соч. С. 126–127.

- ¹⁸ См.: *Чернов С. Н.* Н. Г. Чернышевский – учитель Саратовской гимназии. Вольск, 1925. С. 3, прим. 2, 21.
- ¹⁹ См.: ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 424. Л. 14.
- ²⁰ Это следует из ревизской сказки от 8 февраля 1816 г. Священником был и дед Ивана Федоровича – Федор Алексеевич (см.: Государственный архив Вологодской области. Ф. 496. Оп. 1. Д. 3929).
- ²¹ В списке воспитанников Вологодской духовной семинарии за 1822 г. указан Иван Пулькин-Синайский (см.: Материалы для истории Вологодской семинарии // Вологодские епархиальные ведомости. Вологда, 1870. № 19. С. 674). Именно это упоминание позволяет нам проследить родословную Ивана Федоровича вплоть до его прадеда Алексея Пулькина (родился в 1732 г. и жил в Вологодской губернии). За информацию об упоминании И. Пулькина-Синайского в списке воспитанников ВДС за 1822 г. благодарю Андрея Валерьевича Пулькина (г. Тверь).
- ²² См.: *Филарет [Дроздов]*. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского по учебным и церковным вопросам : в 5 т. СПб., 1885. Т. 2. С. 160 ; ср.: *Иванов Вл.* Становление богословской мысли в Московской духовной академии (1814–1870) // *Московская духовная академия : 300 лет (1685–1985)*. М., 1986. С. 126.
- ²³ См.: *Смолич И. К.* История Русской Церкви : в 8 кн. Кн. 8. 1700–1917. М., 1996. Ч. 1. С. 433.
- ²⁴ Там же. С. 436.
- ²⁵ Там же. С. 436–438 ; см. также: *Кащеев В. И.* Иван Федорович Синайский и преподавание древних языков в Саратовской духовной семинарии (30–40-е годы XIX века) // *V Межрегиональные Пименовские чтения. Саратов, 2008*. С. 232–233.
- ²⁶ См.: *Иванов Вл.* Указ. соч. С. 128–129.
- ²⁷ См.: *Смолич И. К.* Указ. соч. С. 422.
- ²⁸ *Салтыков Ал.* Краткий очерк истории Московской духовной академии // *Московская духовная академия...* С. 87–88.
- ²⁹ Там же. С. 88.
- ³⁰ См.: *Асмус В.* Место Московской духовной академии в истории русской культуры // *Московская духовная академия...* С. 317.
- ³¹ См.: *Смолич И. К.* Указ. соч. С. 425.
- ³² В списке выпускников академии – кандидатов за этот год он значится четвертым по счету.
- ³³ См.: *Кащеев В. И.* Указ. соч. С. 233–234.
- ³⁴ См.: ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 424. Л. 14.
- ³⁵ До занятия Саратовской кафедры Моисей был епископом в Вологодской и Устюжской епархиях – именно там, откуда И. Ф. Синайский и поступил в Московскую духовную академию. См.: *Смолич И. К.* Указ. соч. С. 680, 750.
- ³⁶ См.: *Саратовская православная духовная семинария. 1830–2005 : Краткий очерк истории.* Саратов, 2005.
- ³⁷ См.: ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 424. Л. 14 об.
- ³⁸ См.: *Смолич И. К.* Указ. соч. С. 422.
- ³⁹ Там же. С. 430 ; см. также: *Кащеев В. И.* Указ. соч. С. 234.
- ⁴⁰ См.: *Смолич И. К.* Указ. соч. С. 431; Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников : в 2 т. Саратов, 1958. Т. 1. С. 53.
- ⁴¹ См.: РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 299. № 90 (ср.: Там же. № 22).
- ⁴² См.: *Покровский В. М.* Материалы к истории Саратовской духовной семинарии // *Труды СУАК.* Аткарск, 1902. Вып. 22. С. 31–32 ; подробнее см.: *Кащеев В. И.* Указ. соч. С. 235–236.
- ⁴³ См.: *Смолич И. К.* Указ. соч. С. 75.
- ⁴⁴ См.: *Покровский В. М.* Указ. соч. С. 29.
- ⁴⁵ См.: *Розанов А. И.* Н. Г. Чернышевский // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях... Т. 1. С. 21.
- ⁴⁶ Там же. С. 20.
- ⁴⁷ См.: *Покровский В. М.* Указ. соч. С. 38–39.
- ⁴⁸ См.: *Burgus J. F.* Elementa oratoria, ex antiquis atque recentioribus factis praeseptorum delectu tironibus eloquentiae. Breslau, 1736. Пособие неоднократно переиздавалось.
- ⁴⁹ См.: *Раев А. Ф.* Записки о Н. Г. Чернышевском // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях... Т. 1. С. 75.
- ⁵⁰ См.: *Покровский В. М.* Указ. соч. С. 42–44.
- ⁵¹ См.: *Валеев Р. М.* Из истории казанского востоковедения середины – второй половины XIX в. : Гордий Семенович Саблуков – тюрколог и исламовед. Казань, 1993.
- ⁵² См.: *Покровский В. М.* Указ. соч. С. 48.
- ⁵³ *Розанов А. И.* Указ. соч. С. 20 ; подробнее см.: *Кащеев В. И.* Указ. соч. С. 236–238.
- ⁵⁴ *Покровский В. М.* Указ. соч. С. 39.
- ⁵⁵ Там же. С. 40.
- ⁵⁶ См.: *Смолич И. К.* Указ. соч. С. 432.
- ⁵⁷ В 1843 г. в семье И. Ф. Синайского появился еще один ребенок.
- ⁵⁸ См.: ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 714 («О разрешении учителю семинарии И. Синайскому работать по совместительству в гимназии»). Одновременно с этим он получил «освобождение от обязанности поступать в духовное звание» (Там же. Д. 711).
- ⁵⁹ См.: ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 424. Л. 14–15; Д. 1245. Л. 16–17.
- ⁶⁰ О трудностях открытия гимназии в Саратове см.: *Майорова А. С.* Учебные заведения в повседневной жизни Саратова в первой половине XIX века // *Городская повседневность в России и на Западе.* Саратов, 2006. С. 113–120.
- ⁶¹ См.: *Черняев П. Н.* Материалы для истории Саратовской I-й гимназии : Биографические очерки директоров, 1820–1851. Саратов, 1909. С. 46–57.
- ⁶² См.: *Строгецкий В. М.* Классическое образование в России и его значение для формирования духовных качеств личности // *Альманах Славяно-греко-латинского кабинета ПФО.* Н. Новгород, 2009. Вып. 2. С. 5.
- ⁶³ *Воронов И. А.* Саратовская гимназия – устава графа Уварова – прошлого столетия. 1851–1859 годы : (Воспоминания питомца) // *Русская старина.* СПб., 1909. Т. 139, № 7, 8, 9. С. 349.
- ⁶⁴ Там же ; см. также: *Кащеев В. И.* Указ. соч. С. 242.
- ⁶⁵ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 360; ср.: *Покровский В. М.* Указ. соч. С. 41.

- ⁶⁶ См.: Св. Афанасия, архиеп. Александрийского, слово о воплощении Бога слова и о телесном Его к нам пришествии / пер. с греч. в Саратовск. семинарии. М. : Синодальн. тип., 1837. В 1834 г. в семинарии аналогичным образом был выполнен перевод латинского сочинения «Беседы о станах сынов Израилевых» (см.: ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 486).
- ⁶⁷ См.: Святого отца нашего Иоанна, архиеп. Константинопольского, Златоустого, толкование на послание святого апостола Павла к Титу / с греч. на рус. пер. Иваном Синайским. М. : Тип. Августа Семена при Имп. Мед.-хирург. акад., 1842.
- ⁶⁸ См.: *Markova A.* Auguste-René Semen, imprimeur, éditeur et marchand-libraire parisien à Moscou // *La France et les Français en Russie : Nouvelles sources et approches (1815–1917) / Études réunies par A. Charon, B. Delmas et A. Le Goff.* P., 2012. P. 267, 272.
- ⁶⁹ Ibid. P. 273.
- ⁷⁰ *Синайский И.* Метрика греческого языка / сост. Иваном Синайским. М. : Тип. Августа Семена, 1842.
- ⁷¹ Там же. С. 7. Особенности стиля автора оставлены без изменения.
- ⁷² См.: Отечественные записки. СПб., 1842. Т. 22. Отд. VI. С. 15–16.
- ⁷³ Обзор мнений древних. М. : Тип. Августа Семена, 1842.
- ⁷⁴ См.: *Синайский И.* Краткий взгляд на речи Фукидида // Учен. зап. Казанск. ун-та. 1840. [Кн.] IV. С. 113–130.
- ⁷⁵ Там же. С. 114.
- ⁷⁶ См.: *Кащеев В. И.* Указ. соч. С. 238–239.
- ⁷⁷ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1815. Л. 6. Однако в конце предисловия к первому изданию словаря стоит дата: «1842 года. Марта 30 дня» (*Синайский И.* Российско-греческий словарь / сост. Иваном Синайским. М. : Тип. Августа Семена, 1846. С. 1).
- ⁷⁸ См.: ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1815. Л. 8–8 об.
- ⁷⁹ *Синайский И.* Российско-греческий словарь. С. 1.
- ⁸⁰ ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 1815. Л. 9–9 об.
- ⁸¹ Там же. Л. 10.
- ⁸² См.: *Синайский И.* Российско-греческий словарь. М., 1846.
- ⁸³ См.: Отечественные записки. СПб., 1847. Т. 50. Отд. VI. С. 111–114.
- ⁸⁴ Там же. С. 112.
- ⁸⁵ См.: *Синайский И. Ф.* Русско-греческий словарь. 2-е изд., испр. и доп. М., 1869.
- ⁸⁶ См.: ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2301.
- ⁸⁷ См.: [*Синайский И. Ф.*] Греческая грамматика, по современному руководству составленная Иваном Синайским. М., 1857.
- ⁸⁸ См.: Журнал для воспитания. СПб., 1857. Т. 2. Отд. IV. С. 283–284.
- ⁸⁹ Там же. С. 283.
- ⁹⁰ Там же. С. 284.
- ⁹¹ *Синайский И. Ф.* Три статьи по предмету славяно-русского языка. М. : Тип. С. Селивановского, 1857. См. в целом отрицательную рец.: Журнал для воспитания. СПб., 1857. Т. 2. Отд. IV. С. 284–286.
- ⁹² См.: [*Ксенофонт*]. Сократово учение по Ксенофону, в виде разговоров в четырех книгах / пер. с греч. Иваном Синайским. М., 1857.
- ⁹³ Санкт-Петербургские ведомости. 1857. № 54. 9 марта. [С. 263].
- ⁹⁴ [*Добролюбов Н. А.*] [Рец.:] Сократово учение по Ксенофону, в виде разговоров в четырех книгах / пер. с греческого Иваном Синайским. М., 1857 // Современник. 1857. № 11. Отд. IV. С. 28–31.
- ⁹⁵ Санкт-Петербургские ведомости. 1857. № 54. [С. 263].
- ⁹⁶ См.: *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. : в 9 т. М. ; Л., 1962. Т. 2. С. 114.
- ⁹⁷ См.: *Тамарченко Г. Е.* Примечания // Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 2. С. 519–520.
- ⁹⁸ См.: *Синайский И. Ф.* Заметки о греческом языке Ивана Синайского. СПб. : Тип. Почтового деп., 1861.
- ⁹⁹ См.: *Его же.* Греческо-русский словарь / И. Синайского. М., 1862. Ч. 1–2.
- ¹⁰⁰ См.: [*Кюнер Р.*] Элементарная грамматика греческого языка, составленная Р. Кюнером : в 2 ч. / пер. [и предисл.] К. Коссовича. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Тип. Акад. наук, 1859.
- ¹⁰¹ См.: Греческая учебная книга для низших и высших классов : (С ссылками на Греч. грамматику Д. Попова) / [Соч.] Фр. Якобса. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1838–1839. Ч. 1–2 ; 2-е изд. СПб., 1865. Ч. 1–2.
- ¹⁰² См.: Каталог учебных руководств и пособий, которые могут быть употребляемы в гимназиях и прогимназиях ведомства Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1866. № 4. Ч. 130. С. 43 ; см.: *Кащеев В. И.* Указ. соч. С. 242–243.
- ¹⁰³ См.: *Синайский И. Ф.* Греческо-русский словарь / Ивана Синайского. 3-е, совершенно исправленное и значительно доп. изд. М. : Изд. книж. магазина братьев Салаевых; Тип. Т. Рис, 1879. Ч. 1–2.
- ¹⁰⁴ См.: ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 12451. Л. 17 об.

УДК 94(420).086+929 Тэтчер+929 Мейджор

МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР И ДЖОН МЕЙДЖОР: БИТВА ЗА ВЛАСТЬ

Е. А. Порецкова

Саратовский государственный университет
E-mail: pe-a@mail.ru

В статье анализируется политика премьер-министров Великобритании от консервативной партии Маргарет Тэтчер и Джона Мейджора. Особое внимание уделяется различиям в стратегии премьер-министров, а также внутривнутрипартийным и межпартийным отношениям.

Ключевые слова: Великобритания, внутренняя политика, Джон Мейджор, консервативная партия, Маргарет Тэтчер.

Margaret Thatcher and John Major: The Struggle for Power

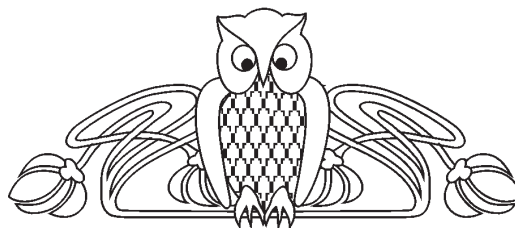
Е. А. Poretskova

The article describes the policy of British Prime Minister from the Conservative Party Margaret Thatcher and John Major. Particular attention is paid to differences in strategy of Prime Ministers, and also to the intraparty and interparty relations.

Key words: Britain, domestic policy, Conservative party, John Major, Margaret Thatcher.

Консервативная партия Великобритании – старейшая в мире политическая партия, обладающая огромным политическим влиянием. Её представители управляли страной большую часть XIX и XX столетий. Период 1979–1997 гг. в истории партии занимает особое место. Именно в это время благодаря рекордному сроку пребывания на посту премьер-министров Маргарет Тэтчер и Джона Мейджора была нарушена устоявшаяся в стране традиция поочередной смены лейбористов и консерваторов в правительстве. Столь длительное нахождение консервативной партии у власти способствовало крупным сдвигам в области внешней и внутренней политики. Наиболее значимые изменения произошли в экономике. С приходом к власти Тэтчер, первого политика «неоконсервативной волны», начался качественно новый этап промышленных и социальных реформ, названный историками тэтчеризмом. Он продолжился и после прихода во власть Мейджора, однако претерпел серьёзные изменения, которые привели к печальному для тори финалу. Как известно, 1 мая 1997 г. они потерпели сокрушительное поражение на парламентских выборах, а к власти вернулась лейбористская партия.

При оценке столь динамичного этапа деятельности консервативной партии отечественные специалисты предпочитают уделять особое внимание личностным характеристикам её лидеров¹. Именно с этих позиций внутренняя политика консервативной партии Великобритании была исследована С. П. Перегудовым². Автор не только

проанализировал основные этапы политического роста Маргарет Тэтчер, но и уделил большое внимание реформаторской деятельности «железной леди» и её преемника. В фундаментальных монографиях А. А. Громыко внимание сосредоточено на политической эволюции консервативной партии, а также на вопросах обновления партийной идеологии и политики³. При этом оба автора сходятся во мнении, что Джон Мейджор был продолжателем политики «тэтчеризма», но по-разному оценивают результаты его деятельности. Многочисленные пробелы в изучении процессов, происходящих внутри консервативной партии, восполняют работы Н. К. Капитановой⁴. Важно отметить, что данный автор останавливается на ключевых моментах, связанных с исследованием непростых взаимоотношений, сложившихся между партийными лидерами и рядовыми членами консервативной партии.

Зарубежные специалисты, в частности англоязычные, в значительной степени сосредоточились на изучении перипетий внутривнутрипартийных отношений в рассматриваемую эпоху⁵. Наиболее подробно они останавливаются на раскрытии содержания политических программ Тэтчер и Мейджора, реализованных в годы их премьерства. Не менее тщательно иностранные исследователи анализируют факторы, определяющие масштабы влияния партийных лидеров в рядах правящей партии. В этой связи представляется неслучайным появление в новейшей британской историографии научных сочинений и биографического характера⁶. Впрочем, их существенным недостатком является то, что они вышли в свет в период нахождения Тэтчер и Мейджора у власти и, следовательно, не лишены конъюнктурных оценок. По этой причине особое значение и ценность представляют работы, вышедшие в новом столетии. Наиболее яркими среди них являются монографии американского политолога Дэвида Сирайта⁷ и британского историка Николаса Кроусона⁸. Не менее обстоятельным трудом в области изучения новейшей истории консервативной партии Великобритании стала книга британца Тима Бейля «Консервативная партия: от Тэтчер до Кэмерона»⁹. Уже спустя год после публикации состоялось её переиздание, что подчёркивает злободневность осмысления вопросов, связанных с особенностями функционирования современных политических партий.

В целом, несмотря на то что отдельные аспекты деятельности консервативной партии Великобритании нашли своё отражение во многих работах как отечественных, так и зарубежных авторов, крайне актуальная тема борьбы за партийное лидерство между Маргарет Тэтчер и Джоном Мейджором в качестве самостоятельной исследовательской проблемы специалистами не рассматривалась.

Приход Маргарет Тэтчер к власти в мае 1979 г. продемонстрировал, насколько сильно были востребованы в Великобритании её политические взгляды. Неслучайно намеченный ею план выведения страны из многолетней стагнации начал реализовываться немедленно. Преобразования оказались настолько удачными, что впоследствии были продолжены пришедшими к власти «новыми лейбористами» во главе с Тони Блэром. Экономика страны стала постепенно выздоравливать, демонстрируя мировому сообществу возрастающую роль Великобритании в области международных финансов и политики. Впрочем, в более отдаленной перспективе столь крупномасштабные социально-экономические реформы ознаменовались для Великобритании ростом безработицы и обострением внутренних противоречий.

Тэтчер продолжила свой жёсткий курс и во внешнеполитических отношениях. Стали укрепляться трансатлантические отношения, наладился интенсивный диалог с Москвой, открылись новые возможности для инвестиций в ЕЭС¹⁰. Упорство и политическая воля М. Тэтчер восстановили военное присутствие Великобритании в Персидском заливе, в акватории которого на постоянной основе стали находиться британские военные корабли. В 1982 г. военные действия против Аргентины на Фолклендских (Мальвинских) островах закончились безусловной британской победой, что не только упрочило положение Лондона на мировой арене, но и подняло на новые высоты национальное самосознание британцев. В предисловии к предвыборному партийному манифесту 1987 г. Тэтчер утверждала, что за последние десятилетия положение дел в Великобритании кардинально изменилось к лучшему. «Мы достойно ответили на вызовы внутри страны и за рубежом»¹¹. Успехи курса Тэтчер обеспечивали ей поддержку и голоса избирателей, одновременно ухудшая ее положение в качестве лидера консервативной партии.

Отличительной чертой политической стратегии М. Тэтчер стало то, что сформулированная линия проводилась в жизнь без промедления. За счёт своей напористости и твёрдости характера Тэтчер стала самым авторитарным из британских премьер-министров. Её называли «тигрицей, окружённой хомьяками»¹², поскольку она была не первой среди равных, а лидером среди всех. Отсюда волевой стиль руководства и настрой на «единственно верное мнение». В этом, пожа-

луй, главное различие между Маргарет Тэтчер и пришедшим ей на смену Джоном Мейджором, который всегда был нацелен на диалог и компромисс. Однако столь жесткие правила игры требовали постоянных «зачисток» в ближайшем окружении Тэтчер. Она стремилась избавиться от оппонентов и оставить рядом только тех, кто разделял её политические взгляды. Уже в первом кабинете министров Тэтчер отдала единомышленникам экономический блок, назначив министром финансов Джеффри Хау, министром промышленности Кита Джозефа, а министром торговли – Джона Нотта¹³. Заручившись поддержкой влиятельного экономического сектора, Тэтчер не сомневалась в том, что её решения в других сферах будут столь же легко исполнены. Однако такая тактика премьера вскоре привела к отходу от традиционной для любого кабинета министров практики обсуждения вопросов всем составом.

Помимо доверенных высокопоставленных лиц в кабинете у М. Тэтчер был свой узкий круг личных секретарей и политических советников. Одним из них был Чарльз Пауэлл. Он лично консультировал будущую баронессу по вопросам внешней политики. Никто не понимал «железную леди» так хорошо, как Пауэлл. Только этот человек мог написать такую речь, которую хотела она. Вот слова одного из советников по внешней политике Перси Кредока: «Порой было невозможно определить, где кончается госпожа Тэтчер и начинается Чарльз Пауэлл»¹⁴. Элан Уолтерс и Бернард Ингем были также наделены широкими полномочиями в разработке политики консервативного правительства¹⁵. Стоит ли говорить, насколько огромно было влияние этих людей на персону крайне неуступчивого для всех прочих британского премьер-министра. При этом глава кабинета нередко предпочитала не считаться с мнением таких традиционно влиятельных в правительстве фигур, какими являлись министр иностранных дел и глава Казначейства. Разумеется, последние предпринимали многочисленные, но безуспешные попытки заменить Пауэлла, поскольку Маргарет Тэтчер не желала расставаться со своим секретарём. Сам Пауэлл признавался, что он никогда не принадлежал ни к какой политической партии, но испытывал глубокую личную симпатию к Маргарет Тэтчер и по этой причине его взгляды обрели консервативную окраску¹⁶.

За годы своего пребывания на посту премьера Тэтчер заменила около сотни членов кабинета. Однако как и её предшественники, Тэтчер остерегалась громких отставок, хотя не смогла их избежать. В 1986 г. правительство покинул министр обороны Майкл Хезелтайн – влиятельный консерватор был недоволен авторитарным стилем правления Тэтчер. В 1987 г., после третьей победы на парламентских выборах, в рядах консервативной партии стала складываться открытая оппозиция премьеру, поскольку многие политики и члены кабинета устали от авторитарного стиля

правления Тэтчер. Но сама премьер-министр продолжала пренебрегать точкой зрения коллег и совсем перестала слышать советы любого рода. Это порождало всё новые и новые конфликты. Так, не согласившись с резко отрицательной позицией в отношении европейской валютной системы, в отставку ушёл министр финансов Найджел Лоусон. Пожалуй, именно с этого момента недовольство внутри партии стали вызывать практически все действия Тэтчер. Особо стоит выделить европейское направление её внешнеполитического курса, бескомпромиссность и жёсткость которого стала противоречить взглядам большинства коллег¹⁷. В 1990 г. произошла новая отставка, на сей раз сопровождаемая грозным обличительным выступлением в адрес политики «железной леди». Свой пост покинул заместитель премьер-министра, многолетний глава Форин Оффис Джеффри Хау. С его уходом был запущен механизм отставки и самой Маргарет Тэтчер¹⁸, поскольку М. Хезелтайн объявил о своём намерении бросить ей политический вызов, что стало критическим поворотом во внутривнутриполитической жизни.

К обострившейся внутренней борьбе в стане консерваторов добавился экономический спад. Как следствие, в стране усилилась социальная напряжённость, подстёгиваемая ростом инфляции. Из-за сокращения государственных ассигнований в сфере здравоохранения и образования население перестало получать качественный и быстрый доступ к столь важным социальным услугам. Ситуацией немедленно воспользовались лейбористы, перехватившие у консерваторов первенство в опросах общественного мнения¹⁹. «Железная леди» воспринимала происходящее не иначе как всего лишь очередную временную трудность, с какими ей во множестве приходилось сталкиваться на всём протяжении политической карьеры. Однако другие члены руководства консервативной партии расценивали подобное положение дел как прямую угрозу собственным позициям, чреватую неминуемым поражением на очередных парламентских выборах. К тому же не прекращающийся рост инфляции, достигшей отметки в 9%, уже полностью «съел» главное достижение М. Тэтчер в экономике – её постоянный и устойчивый рост. В этой ситуации лидеры правящей партии, а также представители оппозиции поспешили переложить весь груз ответственности на плечи премьер-министра, имевшего, к тому же, неосторожность в условиях явно ухудшающейся конъюнктуры настаивать на введении подушного налога взамен существовавшего налога на собственность²⁰. Чтобы избежать унижительной отставки под прямым давлением однопартийцев, М. Тэтчер была вынуждена покинуть свой высокий государственный пост. Она подчинилась обстоятельствам и ушла в интересах сохранения единства партии, хотя прежде утверждала, что оставит политику только тогда, когда не найдёт людей, которым будет полностью доверять. По-

добный исход событий стал для неё настоящим «ударом в спину»²¹.

Сменившее кабинет Маргарет Тэтчер обновленное правительство во главе с Джоном Мейджором было лишь «переходным мостом» от «тэтчеризма» к политике «новых лейбористов». Об этом свидетельствовало положение Мейджора в идеологическом поле консервативной партии, которое изначально не было прочным и однозначным. Не только правое, но и левое крыло консерваторов утверждало, что Мейджор был одним из них. И всё же этот переменчивый политик был выбран в преемники «железной леди» с тем, чтобы сыграть весьма непростую роль защитника её «наследия». Накануне отставки Тэтчер публично объявила, что министр финансов Джон Мейджор стал её выбором в качестве лидера партии. Почему? Ответ прост: в руководстве консервативной партии отсутствовала альтернатива. Тэтчер не могла остановить свой выбор на Хезелтайне из-за его враждебного настроения по отношению к «тэтчеризму» или на Хёрде из-за его давних связей с Тедом Хитом – главным и безжалостным критиком её политической стратегии. Таким образом, Мейджор был единственным «вариантом» для минимизации разрушения политического наследия, оставленного Тэтчер.

Джон Мейджор родился в простой небогатой семье, однако это обстоятельство не помешало ему сделать поистине блестящую карьеру. Головокружительные перипетии его политического взлёта не имеют аналогов в английской истории. Путь от рядового члена парламента до премьер-министра занял всего десять лет, в то время как М. Тэтчер потребовалось для этого более двадцати лет²². Его политическая карьера была не только стремительной, но и связанной с чередой случайностей. В 1987 г. по причине серьёзных расхождений с министром финансов Н. Лоусоном Тэтчер назначила на эту должность Мейджора. Зарекомендовав себя сторонником «тэтчеризма» и хорошо разбираясь в финансовых проблемах, он как никто другой подходил на это министерское место. В 1989 г. в ходе очередных перестановок в кабинете Тэтчер предложила Мейджору портфель министра иностранных дел, что удивило многих, в том числе и самого Джона Мейджора, не имевшего никакого дипломатического опыта²³. Таким образом, именно Тэтчер вывела Мейджора в первые ряды английской политики, обеспечила ему быструю карьеру и видела в нём преемника, считая вторым лицом в кабинете. Однако тревожной для консерваторов осенью 1990 г. бразды правления попали в руки отнюдь не преемника Тэтчер, а во многом карьерного и конъюнктурного политика. Слишком разным был также и их стиль руководства. После авторитарной Тэтчер Джон Мейджор выглядел как безвольный политик, который не в состоянии не только принять собственное решение, но и призвать коллег по партии к порядку. В результате вместо единства партии, ради которого ушла Тэт-

чер, началось медленное брожение и разложение консервативного руководства.

В изменившейся ситуации Мейджора никоим образом не устраивал имидж выдвиженца Тэтчер. И ранее, занимая пост министра финансов, Мейджор не скрывал собственных политических взглядов, поэтому неудивительно, что с первых же дней собственного премьерства новый лидер тори стал целенаправленно разрушать созданную Тэтчер партийную систему. Его действия попытались окрестить «тэтчеризмом с человеческим лицом», хотя от «тэтчеризма» в новом курсе не осталось ничего. Мейджор не только не принял стили и манеры руководства «железной леди», но и избавился от преданных ей кадров. Так, Хезелтайн, сыгравший едва ли не главную роль в отставке Тэтчер, сразу же занял министерский пост, а позже стал заместителем премьера. Коалиция членов тори во главе с Хезелтайном первоначально была очень влиятельной и сделала всё, чтобы занять как можно больше влиятельных должностей и использовать Мейджора для достижения собственных целей.

В ответ на подобные действия Тэтчер создала и возглавила две политические группы, выступившие против Джона Мейджора. Речь идёт об антиевропейской Брюггской группе и «Консервативном пути вперёд». В 1995 г. Мейджор соперничал за право лидерства в консервативной партии с Джоном Рэдвудом, одним из выдающихся представителей правого крыла партии²⁴. Хотя Мейджор и выиграл очередные внутрипартийные выборы, он, вне всяких сомнений, получил строгое предупреждение от сторонников Тэтчер, рекомендовавших не отклоняться от её «наследия» слишком далеко.

В целом, оказавшись на вершине политической пирамиды, Джон Мейджор попытался позиционировать себя в качестве социал-либерала, стремящегося объединить британское общество. Его примирительный подход при решении целого ряда принципиальных вопросов расценивался как типичный стиль сторонника левого крыла консервативной партии. Наиболее серьёзные расхождения Мейджора со сторонниками курса Тэтчер наблюдались в области приоритетов по проблемам дальнейшего развития европейской интеграции. В период правления Мейджора этот вопрос стал центральным для консерваторов, поскольку в 1992 г. был подписан договор о Европейском союзе. Особое негодование у баронессы вызвало ничем не обоснованное, как она утверждала, стремление ее преемника превратить Великобританию в «сердце Европы»²⁵.

Несмотря на обострившееся внутрипартийное противостояние, британское общество с удовлетворением приняло смену руководства тори²⁶. Немаловажную роль в этом сыграл имидж Джона Мейджора. Молодой, обаятельный, доброжелательный, спокойный, с тихим голосом – такой политик импонировал избирателям, уставшим от стиля

«железной леди». Пресса постоянно подчёркивала, что новый лидер был выходцем из самых низов английского общества, человеком, сделавшим карьеру самостоятельно. Избирателями были оценены и политическая воля и твёрдость Мейджора, проявленные в период конфликта в Персидском заливе. Решение об отмене подушного налога вызвало дополнительную поддержку избирателей. Парламентские выборы, состоявшиеся 9 апреля 1992 г., принесли новую победу консервативной партии. Она получила 41,9% голосов избирателей (лейбористы набрали 34,4%, либеральные демократы – 17,8%)²⁷. Несмотря на очевидный политический успех, Мейджору пришлось в течение ещё трёх лет бороться за укрепление своих позиций в партии и парламенте. В период переговоров о создании Европейского союза евроскептики из рядов консервативной партии подняли настоящий бунт, голоса против правительственных биллей. Болезненным ударом для Мейджора стал уход в отставку в мае 1993 г. министра финансов Н. Ламонта²⁸, не поддержавшего бюджетной политики своего премьер-министра. Очередной раскол в руководстве правящей партии привёл к быстрому снижению её популярности среди избирателей. В 1994 г. консерваторы потерпели чувствительное поражение на выборах в Европарламент и на местных выборах.

Для преодоления внутрипартийной оппозиции Мейджору пришлось использовать самые жёсткие методы. В ноябре 1994 г. голосованию в парламенте по биллю о британском взносе в бюджет ЕС была придана форма вотума доверия правительству. Перед угрозой роспуска парламента евроскептики-тори были вынуждены голосовать в поддержку правительственной позиции. Весной 1995 г. Мейджор объявил о намерении сложить с себя полномочия партийного лидера и настоял на процедуре перевыборов. Они состоялись 4 июля 1995 г., обеспечив ему безусловную победу: за кандидатуру Джона Мейджора было подано 218 голосов, а его соперник Джон Рэдвуд получил всего лишь 89²⁹. Очередная, и весьма убедительная политическая победа позволила Мейджору существенно снизить накал политической борьбы вокруг правительства. Однако обретенное спокойствие оказалось временным. Партийный раскол был настолько глубок, что создать даже видимость единства в кабинете оказалось невозможно. Неудивительно, что на разных полюсах политики оказались ключевые персоны кабинета: европеист министр финансов Кеннет Кларк и евроскептики министр внутренних дел Майкл Говард и министр обороны Майкл Портило³⁰. Стремясь избежать окончательного раскола, Мейджор изменил своё отношение ко многим спорным вопросам внешней и внутренней политики. В итоге он окончательно утратил лидерство как в партии, так и в правительстве. На парламентских выборах 1997 г. интересы консерваторов представляли две группировки, но ни одна из них не контролировалась Джоном Мейджором. Окончательный раскол в стане кон-

серваторов, безусловно, сыграл на руку лидеру лейбористов Тони Блэру, ставшему очередным премьер-министром Великобритании.

Внутрипартийные противоречия, обострившиеся на закате политической карьеры М. Тэтчер, сыграли роковую роль в истории консервативного движения Великобритании. Столкновение амбиций, политических мнений и стиля руководства нарушило успешность функционирования партии тори. Рецидивом фракционной борьбы за власть явилась отставка М. Тэтчер. Итогом же внутрипартийного противостояния стало сокрушительное поражение консервативного кабинета Дж. Мейджора на парламентских выборах 1997 г.

Примечания

- 1 См.: *Медведев Д.* Неизвестная Мэгги. М., 2009 ; *Капитонова Н. К.* Маргарет Тэтчер : человек и политик // Новая и новейшая история. 2007. № 2, 3.
- 2 См.: *Перегудов С. П.* Современный консерватизм. М., 1992 ; *Он же.* Тэтчер и тэтчеризм. М., 1996 ; *Он же.* Отставка Маргарет Тэтчер // Вопросы истории. 1991. № 11.
- 3 См.: *Громыко А. А.* Политический реформизм в Великобритании. 1970–90-е годы. М., 2001 ; *Он же.* Модернизация партийной системы Великобритании. М., 2007 ; *Он же.* Великобритания. Эпоха реформ. М., 2007.
- 4 См.: *Капитонова Н. К.* Великобритания в конце XIX – начале XX века : от консерваторов к лейбористам. М., 2003 ; *Её же.* Внешняя политика Великобритании, 1979–1990 гг. М., 1996.
- 5 См.: *Hennessy P.* The Prime Minister. The Office and it's Holders Since 1945. N. Y., 1996.
- 6 См.: *Anderson B.* John Major : the making of the Prime Minister. L., 1991 ; *Clark A.* Mrs. Thatcher's Minister : The Private Diaries of Alan Clark. N. Y., 1994 ; *Beckett C.* Thatcher. L., 2006.
- 7 См.: *Seawright D.* The British Conservative Party and one nation politics. N. Y., 2010.

- 8 См.: *Crowson N. J.* The Conservative Party and European integration since 1945 : at the heart of Europe? N. Y., 2007.
- 9 См.: *Bale T.* The Conservative Party : From Thatcher to Cameron. Cambridge, 2011.
- 10 См.: *Громыко А. А.* Великобритания. Эпоха реформ. С. 313.
- 11 The Next Move Forward. The Conservative Manifesto. 1987. URL: <http://www.conservative-party.net> (дата обращения: 08.09.2011).
- 12 *Hennessy P.* Op. cit. P. 403.
- 13 См.: *Капитонова Н. К.* Маргарет Тэтчер : человек и политик. С. 177.
- 14 См.: Цит. по: *Hennessy P.* Op. cit. P. 406.
- 15 См.: *Evans E.* Thatcher and Thatcherism. L., 1997. P. 81.
- 16 См.: *Hennessy P.* Op. cit. P. 405.
- 17 См.: *Moore Ch.* Margaret Thatcher's resignation : A career that did not die in vain // The Telegraph. 2010. Nov. 22. URL: <http://www.telegraph.co.uk> (дата обращения: 08.09.2011).
- 18 См.: *Перегудов С. П.* Отставка Маргарет Тэтчер. С. 13.
- 19 См.: *Pearce M., Stewart G.* British political history, 1867–2001 : democracy and decline. L., 2001. P. 533.
- 20 См.: *Evans E.* Op. cit. P. 63.
- 21 *Перегудов С. П.* Отставка Маргарет Тэтчер. С. 16.
- 22 См.: *Понов В. И.* Джон Мейджор // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 7. С. 109.
- 23 См.: *Понов В. И.* Указ. соч. С. 111.
- 24 См.: *Crowson N. J.* The Conservative Party and European integration. P. 158.
- 25 Mr. Major's speech to the Conservative Group for Europe. 1993. Apr. 22. URL: <http://www.johnmajor.co.uk> (дата обращения: 08.09.2011).
- 26 См.: *Bale T.* Op. cit. P. 36.
- 27 См.: Summary of April 1992 General Election. URL: <http://www.ukelect.com/> (дата обращения: 08.09.2011).
- 28 См.: *Pearce M., Stewart G.* Op. cit. P. 560.
- 29 См.: *Bale T.* Op. cit. P. 61.
- 30 См.: *Капитонова Н. К.* Внешняя политика Великобритании. С. 77.

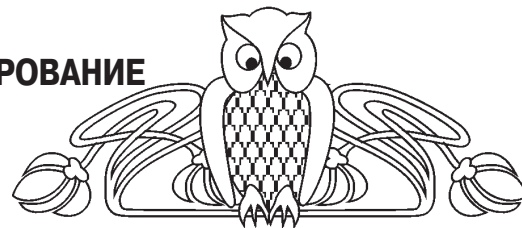
УДК [94+327] (73+581) |1993/1996|+929 Клинтон

АДМИНИСТРАЦИЯ Б. КЛИНТОНА И ФОРМИРОВАНИЕ РЕЖИМА ТАЛИБАН В АФГАНИСТАНЕ (1993–1996 ГОДЫ)

С. Ю. Шенин

Саратовский государственный университет
E-mail: shenins@yahoo.com

В статье рассматривается проблема участия администрации Б. Клинтона в процессе прихода к власти движения Талибан в Афганистане. Анализируются геополитические и экономические причины заинтересованности США в формировании сильного режима в этой стране, а также влияние на этот процесс других правительств и энергетических корпораций. В статье делается вывод о том, что американское участие в этом процессе стало одной из причин дальнейшей эскалации трагических событий вокруг этой страны.

Ключевые слова: администрация Б. Клинтона, Афганистан, «Талибан», исламизм, трансафганский трубопровод, энергетические корпорации, Северный альянс.

The Clinton Administration and the Formation of the Taliban Regime in Afghanistan (1993–1996)

S. Yu. Shenin

The article is devoted to the study of the problem of the Clinton administration participation in the process of the Taliban movement

coming to power in Afghanistan. Geopolitical and economic reasons of the American interest in the formation of a strong regime in the country along with the influence of other countries and private corporations on this process are also analyzed. The article concludes that the American participation in the process has become one of the reasons for the further escalation of the tragic events connected with Afghanistan.

Key words: Clinton administration, Afghanistan, Taliban, Islamism, Trans-afghan pipeline, energy corporations, Northern Alliance.

Неожиданный распад СССР, как известно, создал по всему миру большое количество геополитических «черных дыр». Американский президент Дж. Буш-старший не спешил их заполнять, поскольку был человеком очень осторожным и рассудительным. Однако проиграв выборы 1992 г., он был вынужден оставить эту миссию президенту-демократу Б. Клинтону.

Среди упомянутых «черных дыр» самой большой и загадочной оставалась зона бывших советских республик, особенно регион Центральной Азии и Закавказья. В первые годы «стратегического партнерства» с Россией (1993–1994 г.) администрация Клинтона была согласна уступить лидерство в этом регионе Москве, поскольку Клинтон полагал, что США не имеют возможности возвалить на себя бремя расходов на контроль и реформирование постсоветских республик. Реформированная и дружественная Западу Россия должна была продолжать опекать своих бывших сателлитов, выполняя для них роль и военного «зонтика», и экономического «локомотива».

Однако пробуксовывание реформ в России, которое привело к событиям октября и провальным выборам декабря 1993 г., продемонстрировало, что Западу и США трудно будет рассчитывать на дружественность России в том смысле, в каком они ее понимали. Уже в 1994 г. администрация Клинтона начала предпринимать некоторые шаги по осуществлению разворота американской политики в регионе СНГ. Этот разворот был резко ускорен в ноябре 1994 г., когда республиканцы взяли под свой контроль обе палаты конгресса.

Республиканская элита была убеждена, что нельзя было делать ставку на «стратегическое партнерство» с Россией, поскольку она по природе своей агрессивна и стремится «воссоздать империю», которая неизбежно будет угрожать Западу. Поэтому необходимо препятствовать усилению влияния Москвы в СНГ в целом, но в первую очередь в ее южном «подбрюшье». Это влияние, в свою очередь, формируется за счет общей с Россией инфраструктуры, которую молодые республики вынуждены использовать для общения с внешним миром, и в первую очередь для торговли своими главными ресурсами – нефтью и газом. Контролируя эту торговлю через трубопроводную и транспортную системы и используя свое монопольное положение, Россия, к тому же, зарабатывает на этом деньги.

Конечно, в первой половине 1990-х гг. цены на энергоносители были невысоки, но, как полагали республиканские стратеги, эта тенденция когда-нибудь изменится на противоположную и тогда Москва сможет еще жестче контролировать соседей. Этого нельзя допустить, считали республиканцы, США должны были перехватить контроль республик для того, чтобы создать из них «санитарный кордон» вокруг РФ наподобие того, который выстраивался вокруг СССР в рамках доктрины «сдерживания», и с той же целью – распада России на отдельные, пусть даже конфедеративные республики. Фрагментированная Россия уже никогда не сможет угрожать Западу¹.

Демократы продолжали настаивать на необходимости «интегрировать» Россию в сообщество демократических и либеральных государств, однако среди них наметился раскол по поводу того, как это делать. В отличие от демократов-либералов демократы-«ястребы» считали, что «морковкой», т. е. экономической помощью, добиться этого не удастся – нужно давить на Москву с помощью предложенной республиканцами внешней «петли», но не для того, чтобы дезинтегрировать Россию, а для того, чтобы заставить русских демократизировать и либерализовать свое общество и подтолкнуть к «интеграции» в западные структуры².

Консенсус между республиканцами и демократами-«ястребами» по вопросу российской стратегии заставил администрацию Клинтона отказаться от «стратегического партнерства» и перенести акцент в политике США на постсоветском пространстве с российских реформ на усиление американского влияния в окружающих ее бывших советских республиках. Именно поэтому Клинтон в 1995 г. объявил Центральную Азию зоной жизненно важных интересов США. Таким образом, мотив этого шага носил в целом геополитический характер.

На первом этапе реализации новой политики администрация изменила характер распределения американской помощи – Россия потеряла значительную ее часть, которая была направлена на активизацию процесса либерально-демократических реформ в республиках³.

В качестве второго шага планировалось создать систему альтернативных путей, связывающих страны Центральной Азии и Закавказья с внешним миром (железных дорог, автомагистралей, нефте- и газопроводов, авиалиний и путей морского сообщения), что позволило бы им получить прямой выход к потенциальным торговым партнерам минуя Россию и неизбежно привело бы к их дистанцированию от Москвы и геополитической переориентации. Реализация этой идеи предполагала создание мощного комбинированного транспортного коридора, соединяющего Запад и Восток евразийского материка, который получил название «Шёлковый путь» (по аналогии с подобным коридором, существовавшим в Средние века).

С экономико-географической точки зрения существовало три направления, которые могли позволить странам Центральной Азии обойти в своих торговых отношениях Россию. Во-первых, самый короткий и дешевый путь, особенно в части трубопроводов, пролегал из прикаспийского региона через Иран к Персидскому заливу. Этот вариант был очень привлекателен, в частности, для Турции, которая, используя структуры ОЭС⁴, стремилась получить туркменский газ. Однако развитие этого направления оказалось заблокировано нежеланием администрации США иметь дело с исламским режимом в какой бы то ни было форме.

Во-вторых, рассматривалось западное направление – через Каспий, транскавказский коридор и Турцию к побережью Средиземного моря. Вариант признавался политически очень благоприятным, но длинным, неудобным и неэкономичным.

В-третьих, это юго-восточное направление – через Афганистан и Пакистан в Индию, к побережью Аравийского моря и затем в Юго-Восточную Азию. Этот путь представлялся наиболее предпочтительным, поскольку был удобным, дешевым, политически комфортным, однако хроническая нестабильность в Афганистане делала его очень рискованным.

С 1994 г., когда администрация США стала разрабатывать новые геополитические конструкции в отношении постсоветского пространства, ею рассматривались только два последних варианта, несмотря на то что американские частные корпорации настаивали на развитии именно иранского направления. Под давлением израильского лобби конгресс в 1995 г. принял закон, запрещающий любые инвестиции свыше 20 млн долл. в иранскую энергетику. Одновременно израильское лобби активно пробивало разработку западного направления через Турцию, что должно было продемонстрировать благодарность Вашингтона за поддержку Стамбулом операции «Буря в пустыне» в 1991 г. и стать компенсацией за неполучение туркменского газа через Иран.

Однако частные американские корпорации, отрезанные от иранского пути, продолжали давить на администрацию Клинтона через свое лобби, доказывая, что западное направление является дорогим и неэффективным и если нельзя через Иран, то афгано-пакистанское (юго-восточное) направление выглядит явно предпочтительнее западного. Этой же точки зрения придерживались руководители центрально-азиатских республик, которым также не нравилась зависимость от России и которые понимали все сложности западного направления.

Однако самой заинтересованной стороной в развитии юго-восточного коридора стал Исламабад, который переживал серьезные экономические трудности и которому налаживание торговых отношений со странами Центральной Азии (рынок сбыта товаров, источник углеводородов

и сырья, а также возможный транзит в Европу) позволяло надеяться на их преодоление. В русле этой заинтересованности уже в ноябре-декабре 1991 г., когда СССР еще существовал, республики Центральной Азии посетила правительственная делегация Пакистана. В ходе поездки было подписано 35 соглашений в области торгово-экономического сотрудничества (в частности, о поставках электроэнергии из Таджикистана и о закупках туркменского газа). В последующие два года только с Казахстаном было подписано 21 соглашение. Наконец, Исламабад активно способствовал интеграции центрально-азиатских стран в блок ОЭС.

В целом перспективы развития этого направления были блестящими. С одной стороны, помимо нефти, газа и электричества Пакистан планировал в значительных объемах импортировать из центральноазиатских государств цветные и черные металлы, урановое сырье, некоторые виды машиностроительной продукции, производимой в Ташкенте и Бишкеке, пшеницу из Казахстана. В свою очередь, в центрально-азиатские страны могли бы поставляться текстильные изделия, минеральные удобрения, сахар, некоторые виды технологий и т. д.

С другой стороны, для государств Центральной Азии Пакистан открывал кратчайший путь к океану, благодаря наличию прекрасной автомагистрали, пересекающей страну с севера на юг от Пешавара до Карачи. Соответственно, надо было только замкнуть «афганское звено» этой цепи. В августе 1993 г. в Исламабаде было подписано многостороннее соглашение об объединении старых и строительстве новых железных и автомобильных дорог, связывающих терминалы Карачи через Афганистан с Кушкой. Планы были поддержаны кредитами МБРР, что позволило многие дороги реконструировать⁵.

Естественно, не только автомобильные и железнодорожные пути интересовали бизнес – не меньший интерес вызывало строительство нефте- и газопроводов. Соблазнительную идею поставлять туркменский газ через Афганистан в Пакистан и далее первой попыталась реализовать аргентинская компания «Бридас» под руководством К. Бульгерони. С 1992 по 1994 г. этот аргентинский бизнесмен проделал огромную подготовительную работу, исследуя афганскую территорию, прокладывая новые дороги, договариваясь с племенами и полевыми командирами и т. д. Он даже сумел добиться того, что в марте 1995 г. президент Туркменистана С. Ниязов и премьер-министр Пакистана Б. Бхутто подписали соглашение о начале проектных работ по строительству трубопровода. Бульгерони был уверен, что имеет все шансы получить подряд на его сооружение.

В целом к середине 1994 г. идея строительства транспортного коридора между Центральной Азией и Пакистаном через Афганистан была близка

к фазе практической реализации, но первая же попытка наладить его работу закончилась плачевно. В октябре 1994 г. по намеченному новому торговому маршруту из Пакистана отправился первый автокараван из 30 фургонов с грузом для центрально-азиатских республик, однако сразу после пересечения пакистано-афганской границы он был захвачен и разграблен моджахедами.

Таким образом, очень перспективные планы транспортного коридора разбивались о нестабильность в Афганистане. Пакистанскому руководству приходилось брать на себя ответственность за обеспечение этой стороны проекта. Однако несмотря на то, что все годы войны против советского присутствия в Афганистане Исламабад активно поддерживал партии так называемого Пешаварского альянса, к 1993 г. он уже не мог обеспечить полной подконтрольности себе движений афганских моджахедов.

Исламабад упустил свой шанс в апреле 1992 г., когда пал промосковский режим Наджибуллы. Тогда Пакистан мог в принципе обеспечить усиление какого-либо из полевых командиров с тем, чтобы сделать его легитимным правителем Афганистана. Однако главный кандидат на эту роль – лидер Исламской партии Афганистана Г. Хекматиар – серьезно подвел пакистанцев в 1991 г., когда осудил операцию многонациональных сил, возглавляемых США, против Ирака. Это означало, что в тот момент Хекматиар фактически выступил против политики Пакистана, который отправил на войну в Персидском заливе 11 000 своих солдат. Естественно, доверять Хекматиару роль главной афганской политической силы у Исламабада не было оснований.

Исходя из этого в 1992 г., Пакистан предпочел раздробленность Афганистана как наилучшее для себя решение. До 1994 г. Афганистан был разделен на сферы влияния самых разных полевых командиров, непрерывно враждовавших друг с другом. Именно эта бесконечная война в стране серьезно мешала использовать ее территорию страны для установления транспортных коридоров в регион Центральной Азии.

Пакистанские стратеги стали искать решение проблемы после разгрома первого автокаравана на маршруте Центральная Азия – Индийский океан: они пришли к выводу, что должны не поддерживать кого-либо из полевых командиров в Афганистане (поскольку это автоматически объединяло остальных против ставленника Пакистана и самого Исламабада), а создать новую силу для обеспечения безопасности транспортного коридора, а возможно, и контроля всего Афганистана. Таким образом и появилось движение «Талибан», сформированное при военной и финансовой поддержке США и их союзников (Великобритании и Саудовской Аравии) на пакистанской территории из слушателей медресе⁶.

В августе 1994 г. пакистанцы решили использовать «Талибан» для контроля Афганиста-

на. Они долго уговаривали Саудовскую Аравию поддержать новое движение. В результате глава секретной службы принц Турки аль-Фейзал приехал в Кандагар, после чего саудовцы согласились финансировать «Талибан»⁷. Дополнительным аргументом в пользу такой поддержки было то, что талибы являлись последователями исламской «школы деобанди», очень близкой к ваххабитскому течению, к которому принадлежит саудовская королевская семья.

Получив требуемую поддержку, талибы разгромили моджахедов, отбили караван и двинулись прямо по его маршруту, наводя необходимый им порядок и устанавливая собственный контроль в прилегающих областях. В течение короткого времени (с ноября 1994 г. по февраль 1995 г.) они заняли всю южную часть страны, а в сентябре вошли в Герат. Так было положено начало новому транспортному коридору. Позже бывший премьер-министр Пакистана Б. Бхутто подтвердила, что Исламабаду пришлось использовать талибов для того, чтобы поддержать торговые маршруты в Центральную Азию⁸. Параллельно с формированием транспортного коридора талибы стали проявлять «заботу» и о населении контролируемых территорий, где они возрождали институты средневекового исламского государства на основе ваххабитской версии ислама.

Как отмечалось, трубопроводный компонент афганского транспортного коридора представлял для администрации Клинтона серьезный геополитический интерес. Поэтому в тот момент, когда коридор стал формироваться усилиями Исламабада и талибов, Вашингтон активно подключился к этому процессу. Поскольку аргентинская «Брида» и ее импульсивный руководитель К. Бульгерони не контролировались из Вашингтона, то в начале 1995 г. в Туркменистане появились представители калифорнийско-техасской корпорации «Юнокал», которая довольно быстро смогла вытеснить «Бриду» из Туркменистана.

В мае 1996 г. при активном участии «Юнокал» в Ашхабаде официальные представители правительств Туркменистана, Афганистана, Пакистана и Узбекистана подписали меморандум о взаимопонимании по проекту строительства трансафганского газопровода. Предварительные технико-экономические расчеты подготовила «Юнокал». В августе для строительства нового трубопровода был создан и международный консорциум, в состав которого вошли «Юнокал» (40%), саудовская «Дельта-Ойл» (20%), РАО «Газпром» (10%) и российско-туркменское СП «Туркменросгаз» (5%). Планировалось присоединение к консорциуму и других кампаний, которые должны были поделить между собой оставшиеся 25% акций. Президент С. Ниязов обозначил сроки реализации проекта, заявив, что Туркменистан к 1999 г. планирует довести ежегодные поставки природного газа в Пакистан до 20 млрд куб. м, а к 2002 г. – до 40 млрд куб. м.

Таким образом, соглашения были подписаны, цели и исполнители определены. Оставался нерешённым главный вопрос – кто обеспечит условия для строительства транспортного коридора через Афганистан. Летом 1996 г. Вашингтон и Исламабад должны были сделать окончательный выбор.

Кабульские власти в лице таджика Б. Раббани в этом смысле были самыми ненадёжными, так как дружили с Ираном – потенциальным противником строительства трубопроводов через территорию Афганистана и Пакистана. Контроль северных регионов страны сохраняли моджахеды, которые находились под влиянием центральноазиатских республик и Москвы.

Исходя из этого Вашингтон сделал окончательный выбор, и Талибан получил «зеленый свет». 12 августа в Афганистан с частным визитом прибыл американский сенатор Хенк Браун. Он побывал в Кандагаре и провел переговоры с лидерами движения Талибан, после чего спустя две недели талибы развернули очередное наступление и 27 сентября вошли в Кабул. Очень скоро под их контролем оказалось три четверти территории страны.

Естественно, одним из первых открыто приветствовал приход к власти талибов вице-президент «Юнокал» Крис Таггард, назвав его «весьма позитивным». На опасения того, что Вашингтон намерен сотрудничать с режимом «средневековых мракобесов», которые со своими идеями исламского фундаментализма, халифата и «священной войны» могут нести угрозу не только соседним странам, но и США, один из консультантов «Юнокал» и бывший (и будущий) член нескольких американских администраций З. Халилзад заверял, что талибы не собираются экспортировать революцию и не относятся враждебно к Соединённым Штатам. Более того, многие эксперты надеялись на то, что талибы, поставив Афганистан под свой контроль, будут придерживаться модели государственного устройства, существующей в Саудовской Аравии, – жесткой борьбы с инакомыслием в сочетании с активным сотрудничеством с Западом. Именно для разработки основ такой «новой государственности» якобы и была привлечена саудовская «Дельта-Ойл»⁹.

Опасаясь, что отвращение к исламским фундаменталистам, которое явно присутствовало в тот момент в западной прессе, может повлиять на политику администрации США, «Юнокал» (при поддержке таких естественных союзников, как корпорация «Хэлибертон») стремилась активно давить на позицию правительства, в первую очередь через своих лоббистов, среди которых были бывшие госсекретари Г. Киссинджер и А. Хейг, бывший директор ЦРУ Р. Хелмс и др. Цель такого влияния заключалась в том, чтобы не акцентировать внимания на нецивилизованности талибов, а обеспечить их международное признание, без которого не может быть долгосрочного экономического сотрудничества.

В результате президент Б. Клинтон, даже не дожидаясь окончания очередного витка межафганского противостояния, поспешил объявить о скором открытии в Кабуле американского дипломатического представительства, которое не функционировало в Афганистане с 1989 г. Представитель госдепартамента США Г. Дэвис в свою очередь выразил надежду на то, что новая кабульская власть явится той самой силой, которая наконец объединит страну и принесет ей стабильность. При этом Вашингтон, известный всем как враг исламского фундаментализма, был несколько не напуган приходом к власти правительства крайне фундаменталистского толка, по сравнению с которым «ненавидимые Вашингтону иранские муллы – просто отпетые либералы»¹⁰.

Радиостанции США и Пакистана проводили активную психологическую обработку населения в интересах движения Талибан, превознося его достижения по «установлению мира в стране». При непосредственном участии американской дипломатии на неопределённый срок и безо всяких объяснений была заморожена деятельность Женевской мирной конференции по Афганистану, которая должна была решать проблемы внутриафганского примирения. Как заявил посол США в Туркменистане Майкл Коттер, «правительство США заинтересовано в успехе дела (строительства трубопровода. – С. III.) и сделает всё, чтобы осуществить намеченные планы»¹¹.

Естественно, талибы понимали, кому обязаны приходом к власти в стране, которая воюет уже многие десятилетия, и почему им помогли. Однако они не были готовы превращаться в марионетку своих покровителей, давая понять, что если и согласятся рассматривать их предложения, то только на равноправной основе. Понимая, что Запад ждет от них безоговорочного сотрудничества с «Юнокал», талибы, тем не менее, в декабре 1996 г. стали формировать платформу своих собственных интересов в трубопроводном вопросе, предъявив западной фирме чрезвычайно завышенные требования, особенно в плане оплаты их усилий по стабилизации ситуации в Афганистане. К 1998 г. они и «Юнокал» сумели урегулировать финансовый вопрос, но потеря времени привела к тому, что в отношениях между Афганистаном и западным миром возник фактор Усамы Бен Ладена, который, в конечном итоге, и предопределил катастрофическое развитие событий в самом начале XXI века.

Примечания

- 1 См.: Chiesa G. Bush's Asian Yalta // The New Leader. Vol. 85. January 1, 2002. P. 6–8.
- 2 См.: Brzezinski Z. The Premature Partnership // Foreign Affairs. 1994. Vol. 73, № 2. P. 67–83.
- 3 См.: Шенин С. Ю. Возвращение в Россию : страте-

- гия и политика американской помощи (1990-е годы). СПб., 2008.
- ⁴ Организация экономического сотрудничества (ОЭС) – была создана в 1985 году Турцией, Ираном и Пакистаном. В 1992 г. к ней присоединились Афганистан и ряд бывших советских республик Средней Азии.
- ⁵ См.: *Морозова М. Ю.* Экономические аспекты сотрудничества стран Центральной Азии с Пакистаном // *Россия, Ближнее и Дальнее Зарубежье Азии*. М., 1997. С. 56–57.
- ⁶ См.: Corporations, National Security and War Profiteering : The Great Game : Oil and Afghanistan (An Interview with Ahmed Rashid) // *Multinational Monitor*. November, 2000. P. 20 ; *Акимбеков С.* Афганистан : в воздухе пахнет грозой // *Континент*. 2000. № 9.
- ⁷ *Efrat Y.* Afghan Boomerang // *A Jerusalem Magazine on the Israeli-Palestinian Conflict*. 2000 (November). Vol. 12, № 6. P. 19–22.
- ⁸ См.: *Леунт Г.* «Необходимая война» – за газопровод. 12 февраля 2009 г. URL: <http://www.politizdat.ru/article/144/> (дата обращения: 01.02.2012).
- ⁹ *Огибенин Е., Графов П.* Трансафганский проект : от мифа к реальности? России есть чем ломать гипотетическую трубу. 24 сентября 2002 г. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1032840600> (дата обращения: 01.02.2012).
- ¹⁰ *Бовт Г.* Талибы разрешили строить трубопровод // *Коммерсантъ*. 1996. № 220 (1178). 21 декабря. С. 4.
- ¹¹ *Risen J.* New Breed of Roughnecks Battles over Caspian Oil Field // *Los Angeles Times*. 1998. May 24. P. A11.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (47). 081

ПОДГОТОВКА ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЫ: ПРОЕКТЫ П. А. ВАЛУЕВА (МАРТ–ИЮЛЬ 1862 ГОДА)

Е. Н. Морозова

Саратовский государственный университет
E-mail: morozovaen@mail.ru

Статья посвящена истории появления Главных начал земской реформы от 2 июля 1862 г. На основе анализа архивных и опубликованных источников доказываем, что П. В. Валуйев рассматривал земскую реформу как составную часть проекта «правительственного конституционализма».

Ключевые слова: земство, земские учреждения, органы местного самоуправления, проекты реформ, П. А. Валуйев, Н. А. Милютин, Комиссия о губернских и уездных учреждениях, Первоначальный очерк, Особое совещательное собрание.

Preparation of Zemstvo Reform: P. A. Valuev's Projects (March–July, 1862)

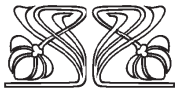
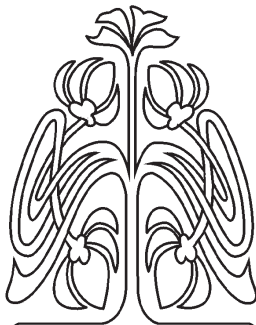
Е. N. Morozova

The paper considers the history of the appearance of the Fundamental Beginnings of the zemstvo reforms of July 2, 1862. Basing on the analysis of the archive and published sources it is proved that P. V. Valuev viewed zemstvo reform as part and parcel of the project of "Governmental Constitutionalism".

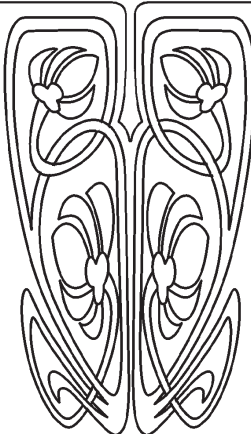
Key words: zemstvo, zemstvo institutions, organs of local self-government, reform projects, P. A. Valuev, N. A. Milyutin, Committee (Commission) on gubernia and uezd institutions, First Draft, Special consultative meeting.

Феномен российского земства принадлежит к тем глобальным междисциплинарным проблемам, которые привлекали и привлекают внимание отечественных и зарубежных ученых (историков, правоведов, политологов, социологов). Но между тем в истории земских учреждений есть ряд сюжетов, весьма сложных и малоизученных, которые связаны с разработкой концепции земской реформы. Обращение к этой проблеме дает возможность, с одной стороны, заполнить имеющуюся лакуну в земствоведении, а с другой – поставить под сомнение целый ряд стереотипов. В частности, во многих исследованиях «архитектором» земской реформы считается П. А. Валуйев¹ Для того чтобы выявить действительную роль П. А. Валуйева в подготовке земской реформы, необходимо проследить историю возникновения Главных начал от 2 июля 1862 г., которые были созданы на основе проекта, представленного министром внутренних дел.

Как показали исследования автора настоящей статьи, приоритет в разработке земской реформы принадлежит Комиссии о губернских и уездных учреждениях во главе с Н. А. Милютиным². К апрелю 1861 г. (времени отставки Н. А. Милютина и вступления П. А. Валуйева в должность главы министерства внутренних дел) Комиссия разработала проект коренной реформы местного управления, где земские учреждения составляли неотъемлемую его часть. В указанном проекте были разработаны структура, принципы строительства органов самоуправления (выборность, гласность, сменяемость депутатов, всеобщность), четко очерчены компетенция, степень и пределы самостоятельности, указаны источники финансирования земских учреждений. Но следует заметить,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

что первая модель земского самоуправления разрабатывалась одновременно с подготовкой крестьянской реформы.

После отмены крепостного права изменяется общественно-политическая ситуация, характеризующаяся не только сменой правительственного курса, но и изменением общественной атмосферы. В начале 1860-х гг. эйфория подготовительного периода постепенно сменяется скепсисом и разочарованием – слишком разительным оказывается контраст между общественными ожиданиями и результатами реформаторской деятельности. Как считают исследователи, атмосфера общественного недовольства, выступления крестьян и негативное отношение помещиков к крестьянской реформе, пожары 1862 г. в Петербурге, так страшно пугавшие правительственную элиту³, восстание в Польше, сплотившее общество «на почве патриотизма», заставили правительство поторопиться с введением земской реформы⁴. Однако эта проблема представляется более сложной, нежели кажется на первый взгляд. Действительно, многие дворянские собрания в начале 1860-х гг. не только выступали с требованиями дальнейших реформ в сфере судопроизводства, гласности, расширения выборного начала в самоуправлении, но и ходатайствовали о введении центрального представительства в той или иной форме. Поднимала на своих страницах проблемы создания высшего представительного органа и пресса, в частности «Отечественные записки»⁵.

Безусловно, правительство не могло не учитывать обстановки, сложившейся в стране. С одной стороны, указанные факторы безусловно влияли на позицию правительства, но с другой – необходимость реформирования земского самоуправления лежала прежде всего в сфере начатых преобразований в местном управлении, предпринятых командой реформаторов во главе с Н. А. Милютиным, которые требовали своего логического завершения. Вместе с тем нельзя забывать и о важнейшем вопросе, более всего волновавшем правительство в период реализации крестьянской реформы, – введении нового управления земскими повинностями, которое должно быть возложено на органы земского самоуправления.

П. А. Валуев, возглавивший министерство внутренних дел и Комиссию о губернских и уездных учреждениях, оказался «между сциллой и харибдой». С одной стороны, общественное мнение в лице либерального дворянства и прессы требовало дальнейшего углубления реформ; с другой – часть консервативной бюрократии, «оппозиция», которая, по словам Н. А. Милютина, «еще более ярилась и заметно овладевала мыслями царя», стремилась лишь к паллиативным преобразованиям на период реализации крестьянской реформы⁶.

Вместе с тем П. А. Валуев имел свой взгляд на организацию власти в России. О наличии собствен-

ной программы у нового министра внутренних дел пишут В. В. Гармиза и В. Г. Чернуха, отмечая, что с его именем связана «история правительственного конституционализма»⁷. Здесь закономерно возникает вопрос, какое место в проектах П. А. Валуева занимали преобразования в сфере земского самоуправления. Ответ на этот вопрос поможет дать ряд источников. Первый их пласт исходил от самого министра внутренних дел (записки П. А. Валуева на имя Александра II, его доклад от 8 марта 1862 г. в совете министров, его дневники, «Очерк положения о губернских и уездных земских учреждениях»); второй – от Комиссии о губернских и уездных учреждениях («Соображения об устройстве земско-хозяйственного управления» и доклад «Об устройстве хозяйственно-распорядительного управления в губерниях и уездах»), причем документы Комиссии датируются 10–12 марта 1862 г.; третий – от Особого совещательного собрания под председательством вел. кн. Константина Николаевича (апрель–июнь 1862 г.)

В докладе от 8 марта 1862 г. П. А. Валуев весьма взвешенно и осторожно излагает свои взгляды на проблемы административной децентрализации (деконцентрации власти), в рамках которой должны быть переданы дела «из непосредственного ведения коронных инстанций в ведение инстанций общественных или сословных»⁸. В документе отчетливо прослеживаются колебания министра внутренних дел по вопросу о сословности или всеобщности будущих органов самоуправления. Однако здесь очевидно и кредо Валуева, которое будет неизменным во всех его проектах: общественные учреждения должны находиться под «сохраняемым и ограждаемым правительственным надзором»⁹.

В записке «О внутреннем состоянии России» от 26 июня 1862 г. на имя императора П. А. Валуев более настойчив: он заявляет, что российское правительство в постреформенный период «оказалось в изоляции»¹⁰. Причины этой изоляции Валуев видел как в попытках «стеснить права и влияние правительства», так и в «самодержавном полномочии»¹¹. Эти сентенции министра внутренних дел отчетливо показывают, что он был знаком с книгами французского историка А. де Токвиля, чьи идеи о правительственной централизации и административной децентрализации являлись предметом жарких дискуссий в 1850–1860-х гг. в России. Однако в отличие от Токвиля, который видел административную децентрализацию в оптимальном соотношении центральной власти и местного самоуправления¹², П. А. Валуев усматривал ее в создании общегосударственного представительства. В июньской записке он доказывал, что первый шаг, сделанный с «проектом земско-хозяйственных учреждений», явно недостаточен и «аналогичную попытку необходимо сделать и в центральной администрации»¹³.

Таким образом, можно говорить о различном понимании Н. А. Милютиным и П. А. Валуевым

организации власти. Для Милютина земские учреждения являлись составной и необходимой частью местного управления. В представлениях же П. А. Валуева они были неким фундаментом, позволявшим укрепить вертикаль власти, что он видел прежде всего в реформе Государственного совета. Последней посвящено значительное количество публикаций¹⁴, поэтому в статье будет рассматриваться только та часть, которую П. А. Валуев непосредственно увязывал с созданием нижней палаты Государственного совета – съезда государственных гласных. По проекту палата состояла из 181 человека. В основу ее формирования были положены два принципа – выборности и назначения от короны. Подавляющее число депутатов (101 человек) составляли представители земств, избравшиеся на губернских земских собраниях. К числу избранных относились 32 депутата от национальных окраин (Сибири, Войска Донского, Прибалтики, Кавказа), 18 человек – от крупных городов. По назначению от короны в состав Съезда включались только 30 гласных¹⁵. Председатель и два вице-председателя Съезда государственных гласных назначались императором¹⁶. Все дела, поступавшие из нижней палаты, должны были рассматриваться в верхней палате – общем собрании, в котором с правом голоса участвовали 16 человек из Съезда государственных гласных – 2 вице-председателя и 14 депутатов, избранных по весьма краткому списку (из 20 лиц).

Своей основной задачей П. А. Валуев считал реформу Государственного совета, земская же реформа должна была стать неким дополнением к преобразованиям в центральном представительстве, ибо губернские земские собрания должны были играть ведущую роль в формировании нижней палаты будущего парламента. Поэтому П. А. Валуев планировал одновременное введение местного и общегосударственного представительства. В дневниковой записи от 26 ноября 1863 г. он подчеркивал: «Кончил и подписал записку, составленную мною по делу о земских учреждениях, в которых и приурочиваю к ним вопрос о преобразовании Государственного совета. Записка служит как бы предисловием к составленному мной проекту»¹⁷.

Вопросы центрального представительства разрабатывались П. А. Валуевым одновременно с разработкой проектов земской реформы. В вышеупомянутом докладе от 8 марта 1862 г. он впервые изложил в самом общем виде собственные взгляды на организацию земского самоуправления, лишь обозначив свою позицию по кардинальным, по его мнению, проблемам. Вместе с тем в докладе отчетливо прослеживается полемическая составляющая, направленная против милютинских проектов. П. А. Валуев обратил внимание на принципы формирования избирательной системы, предметы ведения земских учреждений, степень и пределы самостоятельности хозяйственно-распорядительных органов.

Валуев упрекал Н. А. Милютина в том, что тот намеревался строить земские органы на принципе сословности при равном представительстве от сословий. Одновременно П. А. Валуев критиковал и территориальный принцип избирательной системы, могущий устранить извечное «историческое основание нынешних сословных подразделений»¹⁸. В конечном итоге он предлагал соединить оба принципа воедино, положив в основу имущественный ценз¹⁹. Здесь же Валуев в завуалированной форме выдвигал идею введения активного и пассивного избирательного права: «Надлежит определить со всей предусмотрительностью не только права избрания, но и условия избираемости, в особенности в отношении к представителям сельских сословий»²⁰. Даже по этим замечаниям очевидно, что предложенная система избирательного права с неизбежностью вела к созданию дворянских земств.

Сердцевину полномочий органов земского самоуправления министр внутренних дел видел в земских повинностях, «которые составляют самый существенный предмет ведомства будущих земско-хозяйственных учреждений»²¹.

В докладе от 8 марта П. А. Валуев сформулировал свое представление о пределах власти и степени самостоятельности органов земского самоуправления: «Предоставить в кругу их ведомства, наибольшую, по возможности, самостоятельность и свободу действий»²². Далее следовало, на первый взгляд, весьма либеральное замечание о том, что эти учреждения «не должны быть ограничены значением инстанций, постоянно испрашивающих разрешения власти высшей или ожидающей ее указаний для направления своих действий»²³. Однако эта фраза плохо сочеталась с заключением доклада, где четко определялись пределы самостоятельности органов местного самоуправления. В отличие от Н. А. Милютина, настаивавшего на широкой самостоятельности общественных учреждений, Валуев «взвешивал ее в гомеопатических дозах»: «Доля участия в административных делах должна быть точно определена и сообразна с общими условиями и потребностями государственного управления»²⁴.

В целом анализ доклада от 8 марта 1862 г. свидетельствует о том, что П. А. Валуев не был детально ознакомлен с той работой, которая велась в подведомственном ему учреждении²⁵. Практически одновременно с докладом Валуева появились документы, исходящие из Комиссии о губернских и уездных учреждениях, в которых была продолжена разработка концепции земской реформы: «Соображения об устройстве земско-хозяйственного управления», обсужденные в общем присутствии Комиссии 10 и 12 марта, а также доклад «Об устройстве хозяйственно-распорядительного управления в губерниях и уездах» от 10 марта 1862 г.

«Соображения» несли в себе многое из того, что было разработано Комиссией при Н. А. Ми-

лютине. Это относилось к определению земских дел и выделению губерний и уездов как самостоятельных хозяйственных единиц, имеющих свои земские дела, которые должны быть вверены местному самоуправлению в лице земских учреждений²⁶. В «Соображениях» определялись полномочия земских учреждений. Из доклада Комиссии от 10 марта 1862 г. следовало, что из компетенции губернской администрации изымались местные хозяйственно-распорядительные дела. Все это привело бы к ликвидации целого ряда губернских учреждений: приказов общественного призрения, строительных и дорожных комиссий, чьи функции по проекту передавались новым хозяйственно-распорядительным и административно-полицейским учреждениям²⁷.

Влияние милютинских идей о широкой степени самостоятельности чувствовалось и в определении существа, степени и пределов власти. В документе подчеркивалось, что земским учреждениям должна быть предоставлена «действительная и самостоятельная власть в заведовании делами местного интереса» (курсив мой. – Е. М.)²⁸. В «Соображениях» указывалось, что пока земские учреждения действуют только в рамках местных интересов, «нет надобности в участии правительственной власти в прямом вмешательстве и влиянии на ход дел»²⁹. Тезис о самостоятельности органов земского самоуправления неоднократно повторялся на страницах документа. Комиссия подчеркивала, что проверка и контроль распоряжений земских учреждений «должны принадлежать самому земству, самому обществу губернии или уезда»³⁰.

Но в указанных документах Комиссии наряду с очевидной преемственностью с идеями Н. А. Милютин появились и новые положения. Прежде всего был сделан акцент на местном и общественном характере земских учреждений: они не могли «ни входить в ряд правительственных губернских или уездных инстанций», ни «иметь в своем подчинении какие-либо из правительственных мест». Отсюда следовал очевидный вывод о наделении земских органов самоуправления правами частного юридического лица: «Заведывание земскими делами уездов и губерний должно быть вверено самому населению уезда и губернии, на том основании, как хозяйство частное предоставляется распоряжению частного лица, хозяйство общественное – распоряжению самого общества» (курсив мой. – Е. М.)³¹.

Именно это положение и приведет к определению того статуса земских учреждений, который заранее был обречен на конфликт с государственной администрацией.

При сохранении принципа выборности в земские учреждения, разработанного еще при Н. А. Милютине, в «Соображениях» четко формулировались принципы и обоснование трехкуриальной избирательной системы. Здесь отмечалось, что ни территориальный, ни сословный принципы

в чистом виде не подходят для России. Эта же идея прослеживалась и в докладе П. А. Валуева, о котором шла речь выше. В «Соображениях» указывалось, что сословное деление «не согласно с характером земских учреждений», а территориальный принцип не может быть осуществлен вследствие разнообразия природных условий Отечества. Отсюда появляется идея разделения избирателей на три съезда (курии) – «класс землевладельцев частных, не входящих в состав обществ, общества городские и общества сельские» (курсив мой. – Е. М.)³². В основу формирования первых двух избирательных собраний были положены принципы всесословности и имущественного ценза. В «Соображениях» отмечалось, что «избирательные собрания создаются без различия сословий, но с ограничением известными условиями личного и имущественного положения»³³. Исследователи справедливо отмечают, что имущественный ценз на участие в земских делах становится определяющим началом всей земской избирательной системы³⁴. Отправной точкой имущественного ценза являлась ценность высшего подушного надела. В первой курии члены Комиссии пытались примирить интересы крупных, средних и мелких собственников, определив достаточно низкий поземельный ценз, равный 50 высшим подушным наделам³⁵. Для владельцев торгово-промышленных предприятий имущественный ценз был несколько выше – 15 тыс. рублей серебром, что, по мнению Комиссии, было адекватно ценности, равной 100 высшим подушным наделам³⁶.

Для лиц с образованием предусматривались значительные льготы, как это было в милютинских проектах: для лиц с высшим образованием ценз уменьшался в 5, а для сельского духовенства – в 15 раз. К числу новшеств относилось наделение правом голоса арендаторов, заключивших арендные соглашения не менее чем на 6 лет. Безусловно, речь шла о крупных арендаторах, ибо для них определялся весьма высокий поземельный ценз – 250 подушных наделов.

Особое внимание Комиссия уделила избирателям второй курии, пытаясь защитить интересы собственников в малых городах, «бедных населением и средствами». К избирательным урнам допускались домовладельцы: в уездных городах с недвижимой собственностью, оцененной не менее чем в 1 тыс. рублей, в губернских – не менее 3 тыс. рублей. Избирательное право распространялось на купцов первой и второй гильдий³⁷.

В «Соображениях» отмечались значительные трудности в формировании третьего избирательного собрания. Здесь представительство крестьян не могло быть реализовано через цензовые механизмы³⁸. Свои выводы Комиссия обосновала тем, что в русской деревне нет различий в имущественных интересах вследствие практического отсутствия «частной недвижимой собственности». Поэтому для сельских общин Комиссия предложила коллективное право избрания, которое могло

осуществляться двумя способами – образовать собрания из выборных волостных сходо́в или из волостных старшин и сельских старост.

Нет нужды доказывать, что второй способ избрания не отражал и не мог отражать интересов всей массы крестьян. Кстати, даже при обсуждении в Государственном совете этот способ формирования третьего избирательного съезда был отвергнут членами высшего законосовещательного органа России.

Интересно отметить, что в «Соображениях» не делается различий между активным и пассивным избирательным правом, на чем настаивал в своих проектах П. А. Валуев. Комиссия подчеркивала, что «едва ли удобно было допустить, что тот, кто неспособен избирать, может быть избранным» и только «избирающие могут быть избраны»³⁹.

«Соображения» предусматривали, как, собственно, и все проекты либерального дворянства, обеспечение руководящей роли дворянства в органах самоуправления как «класса более образованного и развитого» и «до известной степени пользовавшегося и доселе политическими правами и уже несколько опытного в гражданской жизни». Квоты были таковы: предполагалось избирать одного гласного (здесь впервые по отношению к депутатам появился термин «гласный») от курии уездных землевладельцев на каждые 2 000 высших подушных наделов; от городского съезда – одного гласного на 200 домовладельцев в городах с населением менее 10 000 человек, в прочих – от 300 домовладельцев. От третьей курии крестьяне избирали одного гласного от 4 000 высших подушных наделов. Но во второй и третьей куриях разрешалось избрание гласных и из числа уездных землевладельцев.

В «Соображениях» срок полномочий гласных был ограничен тремя годами, так как, по мнению Комиссии, именно он давал возможность депутатам «основательно познаться с веряемым им делом», а общественному мнению – оценить эффективность их деятельности на этом посту.

Общественный характер будущих земских органов проявлялся в том, что гласным не полагалось жалованья, служебных прав и преимуществ, ибо они представляли «собой не должностных лиц, но только членов общества, временно собирающихся для выражения общественного мнения»⁴⁰.

В «Соображениях» Комиссии, так же как и в миллютинском проекте, сохранились прежняя двухуровневая структура земских учреждений и названия: для распорядительных органов – земские собрания, исполнительных – земские комитеты. При этом исчезло общее наименование земских органов – «губернское и уездное земские присутствия».

Губернское земское собрание формировалось из гласных уездного собрания (от 4 до 6 гласных в зависимости от величины уезда), причем в их

числе обязательно должны быть один–два человека из числа членов уездного земского комитета⁴¹.

В «Соображениях» была сделана попытка разграничить полномочия губернских и уездных земских учреждений⁴². Однако это положение весьма сложно было реализовать на практике, что признавалось самими членами Комиссии, ибо «ни на деле, ни в законе не существовало разделения имуществ и повинностей между уездом и губернией», зависящих от многообразия местных условий. Комиссия предложила единственный, по ее мнению, возможный выход: предоставить это разграничение губернскому земскому собранию, а в «некоторых особенно важных случаях – правительственной администрации»⁴³.

В проектах Комиссии большое внимание уделялось одному из важнейших принципов строительства местного самоуправления – принципу гласности, когда документация земских учреждений, представляющая общий интерес для населения, «должна быть непременно публикуема во всеобщее сведение»⁴⁴.

Таким образом, в «Соображениях» Комиссии о губернских и уездных учреждениях был представлен свой вариант земской реформы, связанный во многих своих положениях с предложениями Н. А. Миллютина. Эта преемственность видна прежде всего в структуре земских учреждений, в определении их компетенции, в предоставлении широкой самостоятельности в круге дел, определенных законом. В то же время в этом проекте очевидны существенные различия, заключавшиеся в иной системе избирательного права, и главное, в противопоставлении земских учреждений правительственной власти как органов общественных, являвшихся выразителями общественного мнения.

Как уже отмечалось, Валуев детально не был ознакомлен с работами Комиссии, доказательством чему служит его дневниковая запись от 9 марта 1862 г.: «Я потребовал проект положения о земско-хозяйственных учреждениях, составленный под руководством Соловьева. Принялся за переделку и распорядился созывом Комиссии на завтрашнее число» (курсив мой. – Е. М.)⁴⁵. И следующий проект являл собой симбиоз идей министра внутренних дел и «Соображений» Комиссии.

П. А. Валуев, ознакомившись с документами Комиссии, внес в них существенные коррективы в соответствии со своими взглядами, высказанными в докладе от 8 марта 1862 г. Так появился «Очерк положения о губернских и уездных земских учреждениях» (далее – «Первоначальный очерк») ⁴⁶, который был представлен П. А. Валуевым совету министров 15 марта⁴⁷. Главные замечания министра сводились к изменениям в избирательной системе. Трехкуриальная система была в «Первоначальном очерке» сохранена, однако Валуев внес такие поправки, которые резко усилили ее сословную окраску. Если в «Соображениях» Комиссии первое избирательное собрание называлось собра-

нием «уездных землевладельцев», то в «Первоначальном очерке» появилось громоздкое уточнение – «сословие дворян и поземельных собственников, не принадлежавших ни к местному дворянству, ни к составу местных волостных обществ». За второй курией осталось название «собрание городских обществ»; третья курия стала называться курией «волостных крестьянских обществ». Из двух возможных вариантов избирательной системы для третьей курии, предложенных Комиссией, Валуев остановился на втором, где выборы уездных гласных проходили на сходе волостных старшин и сельских старост (ст. 19).

Таким образом, для первых двух курий предполагались прямые выборы в уездное собрание, для крестьян – косвенные двухстепенные выборы⁴⁸. Имущественный ценз, предложенный Комиссией, был сохранен. По первой курии в «Первоначальном очерке» сохранились льготы для лиц с высшим образованием и священнослужителей (ст. 13, 16, 19).

В «Первоначальном очерке» был введен возрастной ценз – избирателями не могли быть лица моложе 25 лет. Кроме этого существовал и гендерный ценз – женщины не имели права самостоятельно участвовать в выборах, их интересы представляли уполномоченные мужчины – близкие родственники. В проекте был очерчен также круг лиц, которые не допускались к выборам, – находившихся на момент выборов под следствием или судом и уже судимых.

Главным новшеством в избирательной системе, внесенным по настоянию П. А. Валуева, являлись различия в активном и пассивном избирательном праве – не каждый избиратель мог быть избранным. В первой курии могли быть избраны все 5 категорий избирателей. Появились ограничения в составе избираемых по второй курии. Права избрания были лишены домовладельцы. Пассивное право предоставлялось чинам городского управления и представителям первых трех категорий от первой курии (ст. 23). В «Первоначальном очерке» устанавливался и ценз несовместимости, который заключался в том, что лица, занимающие должности в государственной администрации, не могли избираться в качестве гласных.

Предметы ведения земских учреждений были сформулированы так же, как и в «Соображениях» Комиссии. К компетенции органов местного самоуправления относились: распоряжение капиталами, имуществами и денежными сборами земства; устройство и содержание принадлежащих земству зданий, сооружений и путей сообщения, причисленных «по особо составленному расписанию к разряду губернских или уездных»; меры по обеспечению народного продовольствия; заведование благотворительными заведениями; управление делами взаимного обязательного страхования; меры по развитию торговли и промышленности; исполнение потребностей воинского и граждан-

ского управления; раскладка податных сборов на основании узаконений или особых распоряжений правительства.

В валуевском «Первоначальном очерке» отчетливо видна тенденция (несмотря на громкие заявления автора о широкой самостоятельности земств в кругу вверенных им дел) усиления власти государственной администрации над органами земского самоуправления. Круг действий земских учреждений был ограничен пределами губернии и уезда. Земства получили права юридического лица – возможность приобретать имущество, заключать договоры, предъявлять гражданские иски (ст. 3–5), но они не могли вмешиваться в дела, не принадлежавшие к разряду земских, а также находящиеся в компетенции правительственных, сословных и общественных властей (ст. 6–7).

Валуев стремился усилить власть губернатора над органами местного самоуправления. По ст. 43 начальник губернии утверждал земские сметы и раскладки с правом их приостановления, если найдет их «противными закону»; губернатору принадлежала прерогатива разделения повинностей и путей сообщения на губернские и уездные. По ст. 58 он получал возможность присутствовать на губернском земском собрании с правом совещательного голоса. (В уезде такое же право получал уездный исправник). Ст. 49 делала власть губернатора над земством почти безграничной, ибо он мог приостановить *«исполнение всякого постановления земских учреждений, если признает это постановление противным законам или общим пользам государства»* (курсив мой. – Е. М.). Такая расплывчатая формулировка давала возможности для ее широкого толкования, тем самым отдавая земства под контроль губернаторской власти.

Таким образом, проект Валуева, в отличие от предположений Н. А. Милютина, создавал дворянские земства с участием городской верхушки и сельской администрации под строгой опекой властных структур. Видимо, так Валуев стремился избежать нежелательных последствий при выборах в съезд государственных гласных, куда не могли бы проникнуть неугодные элементы. Но, тем не менее, органы самоуправления строились на буржуазных принципах выборности, всесословности, имущественного ценза, гласности, сменяемости депутатов.

После рассмотрения «Первоначального очерка» 15 марта 1862 г. в совете министров этот документ по требованию Александра II был передан на обсуждение Особому совещательному собранию под председательством вел. кн. Константина Николаевича, в состав которого должны были войти главноуправляющий Вторым отделением Е. И. В. канцелярии М. А. Корф, главноуправляющий министерства путей сообщения и публичных зданий К. В. Чевкин, управляющий министерством финансов М. Х. Рейтерн, управляющий министерством государственных имуществ А. А. Зеленой

(есть другое написание фамилии – Зеленый), министр юстиции В. Н. Панин и П. А. Валуев. Факт созыва Особого совещательного собрания был, видимо, вызван возражениями вел. кн. Константина Николаевича по проекту министра внутренних дел, ибо в дневниках Валуева содержится упоминание о ходе заседания совета министров, где, по его словам, вел. кн. «нападал на все то, что одобрял неделю тому назад»⁴⁹.

Как очевидно из «Проекта журнала совещательного собрания 1862 года» (писарская копия с карандашными поправками П. А. Валуева), состоялось всего 5 заседаний (14, 18 и 25 апреля и 16 и 23 мая)⁵⁰. За этот короткий срок из 78 статей 38 было изменено и введено 7 новых статей⁵¹. Думается, что участники совещательного собрания недооценивали на первых порах значение земских учреждений, лишь позже осознав их действительную роль, о чем свидетельствуют более поздние замечания М. А. Корфа по валуевскому проекту земской реформы⁵².

Внимание привлекают прежде всего изменения, внесенные Особым совещательным собранием в избирательную систему. Изменения касались как внешней ее формы, так и содержания. В ст. 11 понятие «сословие дворян» было заменено на понятие «дворяне-землевладельцы». Далее в первой курии, с одной стороны, из списка возможных избирателей были исключены лица, имевшие льготный ценз – духовенство и лица с высшим образованием. С другой стороны, список избирателей был пополнен мелкими земельными собственниками, могущими составить полный имущественный ценз и голосовать через уполномоченных. Такое право получили «уполномоченные от дворян», владевших от 5 до 100 средними подушными наделами, и уполномоченные от «землевладельцев-недворян», чьи владения составляли от 20 до 200 средних подушных наделов, или имевших недвижимость на сумму не менее 2 тыс. рублей. Особое совещательное собрание повысило имущественный поземельный ценз в 2 раза для всех категорий избирателей по первой курии: для землевладельцев-дворян с 50 высших до 100 средних подушных наделов; для землевладельцев-недворян – со 100 высших до 200 средних подушных наделов; для арендаторов – с 250 высших до 400 средних подушных наделов⁵³.

Новой была ст. 14, которая указывала, что «право голоса дается без различия, находится ли земля в собственности владельца, или отведена в постоянное пользование крестьян, или сдана в аренду». Из этого числа исключались лишь земли, которые были выкуплены на основании выкупной сделки.

Принципы выборов для второй курии оставались неизменными, а в третьей курии один гласный избирался не от 4 высших, а от 6 средних подушных наделов. Так же как и в первом случае, общая площадь земельных угодий практически оставалась прежней⁵⁴. Следует заметить, что из-

бирательная система была довольно сложной и несовершенной, так как не учитывала качества и ценности земли, а также особенностей тех районов, где практически отсутствовали помещичье землевладение и освобожденное крепостное крестьянство, на что позже обратил внимание Н. А. Милютин.

Так же как и в «Первоначальном очерке», Особое совещательное собрание сохранило различия между активным и пассивным избирательным правом.

По первой курии избираться могли все представители, имеющие указанный поземельный ценз. Но этого права были лишены арендаторы и лица, владеющие торгово-промышленными предприятиями стоимостью в 15 тыс. рублей или с годовым оборотом в 6 тыс. рублей.

По второй курии в гласные могли быть избраны купцы первой и второй гильдии, владельцы недвижимой собственности, оцененной не менее чем в 6 тыс. рублей. Пассивным правом обладали выборные чины городского управления, члены первой курии (кроме арендаторов и уполномоченных от мелкого землевладения).

По третьей курии, так же как и в «Первоначальном очерке», пассивное право имели представители сельской и волостной администрации. Вместе с тем был расширен круг представителей первого избирательного собрания, которые могли избираться в гласные от третьей курии.

Незначительные изменения Особое совещательное собрание внесло в структуру земских учреждений. Распорядительные органы получили название уездных и губернских земские управ. Именно оно и сохранилось в Положении 1864 г. Совещательное собрание пришло к выводу, что в уездном земском собрании должен председательствовать не уездный предводитель дворянства, а «один из членов по назначению правительства» (ст. 30). Без изменений остались принципы формирования уездной управы, состоявшей из 6 уездных гласных (утверждаемых губернатором) во главе с уездным предводителем дворянства. По такому же принципу строились и губернские распорядительные органы (ст. 34): вместо губернского предводителя дворянства в губернском земском собрании в роли председателя должен выступать «один из местных землевладельцев по назначению государя», губернский же предводитель дворянства оставался главой исполнительного органа.

На важнейший вопрос компетенции земских учреждений Особое совещательное собрание обратило менее всего внимания. Лишь более посторонним стало определение сферы деятельности органов самоуправления, которая определялась как «заведывание собственно земско-хозяйственными делами, т. е. относящимися к местным хозяйственным нуждам и пользам каждой губернии и уезда». В ст. 2 (п. 6) термин «меры к развитию торговли и промышленности» был заменен на «попечение» – понятие крайне расплывчатое,

которое позже войдет и в Положение о земских учреждениях 1864 г. В целом предметы ведения были сформулированы лишь в общих чертах. Не был определен и важнейший вопрос о финансовых средствах земских учреждений.

Собрание пыталось убрать из «Первоначального очерка» любое упоминание о возможности вмешательства земства в дела государственной власти. По ст. 38 этого проекта земство имело право предоставлять «высшему правительству сведения и заключения по предметам государственных потребностей, до местных интересов касающихся». Слова «по предметам государственных потребностей» были исключены и появились новые – «ходатайство по сим предметам» (курсив мой. – Е. М.), – что кардинально изменило смысл статьи, ибо ходатайства могли касаться лишь местных интересов (ст. 40).

Строгий контроль губернаторской власти над земскими учреждениями Особым совещательным собранием был сохранен и даже усилен: «Губернатор, в случае явного бездействия земских учреждений, или неисполнения ими правительственных распоряжений по отправлению различного рода повинностей, делает им напоминания и побуждает их к должному исполнению, а затем, в случае безуспешности напоминаний, властен приступить к непосредственным исполнительным распоряжениям на счет земства». «*Определение случаев*», когда «губернатор признает необходимым пользоваться этим правом, *остаётся на полной его ответственности*» (курсив мой. – Е. М.). Это в совокупности со ст. 9, по которой губернатор мог приостановить исполнение любого постановления земских учреждений в случае признания его «противным законам или общим пользам государства», создавало возможности для абсолютного произвола губернаторской власти. Очерчивая пределы власти земских учреждений, Особое совещательное собрание не позаботилось о том, как оградить права земства от возможных незаконных притязаний администрации. Таким образом, в рамках закона должны были действовать только земства, а губернаторы – полагаться лишь на свое собственное усмотрение. Правда, собрание исключило ст. 58 «Первоначального очерка», по которой губернатор и уездный исправник могли принимать участие в земских собраниях с совещательным голосом.

Вариант проекта земской реформы, представленный Особым совещательным собранием, был утвержден императором в качестве Главных начал 2 июля 1862 г.

В заключение можно сказать, что П. А. Валуев не рассматривал земскую реформу в качестве отдельного преобразования: для него создание земских учреждений являлось составной и неотъемлемой частью реформы центрального представительства, создание которого он выдвигал в качестве первоочередной задачи, стоявшей перед Россией. В валуевских проектах очевидна прием-

ственность с той моделью земского самоуправления, которая была создана при Н. А. Милютине. «Первоначальный очерк» являл собой симбиоз идей П. А. Валуева и «Соображений» Комиссии о губернских и уездных учреждениях. При этом нельзя не отметить существенных разногласий, в основе которых лежало разное представление об организации власти в России.

В. В. Гармиза справедливо писал, что эволюция взглядов Валуева шла в сторону «все большего ограничения прав земства». Но весьма спорным представляется его умозаключение, что этот процесс являлся отражением точки зрения Валуева на «земство как учреждение государственное». О непримиримом противоречии валуевских проектов и общественной теории самоуправления писал и С. Я. Цейтлин⁵⁵. Авторы вышеприведенных высказываний смешивают вопрос об усилении контроля и надзора за земскими учреждениями с вопросом об их предполагаемом статусе. Для Валуева земские учреждения с преобладанием дворянства и привлечением верхушки города и деревни должны были являть тот фундамент, который позволил бы сформировать Съезд государственных гласных из благонадежного большинства. Однако правительство отказалось и от коренной реформы местного управления Н. А. Милютин, и от валуевских идей преобразования центральной власти. Из них была вычленена лишь та часть, которая относилась к хозяйственно-распорядительному управлению на местах. В этом заключался корень будущих противоречий между российским земством и местными и центральными властями, так как земским учреждениям с самого начала было уготовано место подле них. И дело заключалось не столько в том, что Валуев был сторонником государственной или общественной теории самоуправления, сколько в самой постановке вопроса. Коль скоро земские учреждения были выделены из общей администрации и поставлены рядом с ней, то сама логика подсказывала Валуеву даровать земским учреждениям права частного юридического лица, тем самым ограждая правительственную администрацию от вмешательства земства в дела государственного управления.

Примечания

- ¹ См.: Гармиза В. В. Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957. С. 145; Porter Th. The Development of Political Pluralism in Late Imperial Russia: Local Self-government and the Movement for a National Zemstvo Union. 1864–1917. Washington, 1990. P. 25.
- ² Подробнее см.: Морозова Е. Н. У истоков земской реформы. Саратов, 2000.
- ³ См.: Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. М., 1961. (далее – Валуев П. А. Дневник). Т. 1. С. 172–173; Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том, чему свидетель я в жизни был. Записки и дневник. 1804–1877: в 2 т. 2-е изд. СПб., 1904–1905. Т. 2. С. 38–41.

- 4 См.: *Попов И. П.* Тверское выступление 1862 г. и его место в событиях революционной ситуации // *Революционная ситуация в России*. М., 1974. С. 272–273; *Веселовский Б. Б.* История земства за сорок лет : в 4 т. СПб., 1909. Т. 3. С. 8–9; *Пирумова Н. М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977.
- 5 *Китаев В. А.* «Отечественные записки» в идейной борьбе начала 60-х годов XIX века // «Эпоха Чернышевского». М., 1978. Сб. 7. С. 170–172.
- 6 См.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 869. Оп. 1. Д. 1149. Л. 41.
- 7 Предложения и проекты П. А. Валуева по вопросам внутренней политики (1862–1866 гг.). Публ. В. В. Гармизы // *Исторический архив*. 1958. № 1. С. 138–139; *Чернуха В. Г.* Внутренняя политика правительства царизма с середины 60-х до начала 80-х гг. XIX в. М., 1978. С. 22. Вызывает сомнение отнесение В. В. Гармизой второй записки Валуева «О внутреннем положении России» к 1864 г. Автор публикации считает, что этот документ был написан Валуевым между 1 января и 1 ноября 1864 г., т. е. между опубликованием Положений земской и судебной реформ. Однако в записке Валуев отмечал, что «новоучрежденное земство с первых шагов начинает выражать недоверие и готово порицать правительство, чтобы потом может быть ему противодействовать» (см.: Предложения и проекты П. А. Валуева... С. 148). Первые земские учреждения в 18 губерниях начали действовать лишь с 7 февраля 1865 г. (См.: *Веселовский Б. Б.* История земства... Т. 3. С. 47–48). Слова Валуева по поводу «новоучрежденного земства», «которое с первых шагов начинает выражать недоверие», могут относиться лишь к тому периоду, когда земские – исполнительные и распорядительные – органы уже были созданы. Следовательно, записка П. А. Валуева «О внутреннем положении России» может быть датирована не ранее чем 1865 г.).
- 8 *Валуев П. А.* О положении работ в Комиссии, высочайше учрежденной для составления проектов преобразования губернских и уездных учреждений. Доложено в Совете министров 8 марта 1862 г. Б. м.; Б. г. С. 11. (Ранее, 22 февраля, этот доклад был представлен императору.)
- 9 Там же. С. 12.
- 10 Предложения и проекты П. А. Валуева... С. 141–143.
- 11 *Валуев П. А.* Дневник. Т. 1. С. 324–325.
- 12 См.: *Исаев С. А.* Алексис Токвиль и Америка его времени. СПб., 1993. С. 82.
- 13 Предложения и проекты П. А. Валуева... С. 141–143.
- 14 См.: *Цейтлин С. Я.* Земская реформа // *История России в XIX веке*. Б. м., Изд-во «Бр. Гранат», б. г. Т. 3. С. 219–220; *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати. 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 38–49; *Хандорин В. Г.* Проконституционные проекты представителей либеральной бюрократии 60-х – начала 80-х годов XIX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1998.
- 15 См.: *Вестник права*. 1905. № 9. С. 237–240.
- 16 См.: *Цейтлин С. Я.* Земская реформа. С. 219.
- 17 *Валуев П. А.* Дневник. Т. 1. С. 257, 352. Эта записка, по словам Валуева, была возвращена ему Александром II «без помет», «с сердцем», ибо была императору «неприятна» (Там же. С. 259, 261).
- 18 Доклад П. А. Валуева 8 марта 1862 г. С. 9.
- 19 Там же.
- 20 Там же.
- 21 Там же. С. 4.
- 22 Там же. С. 10.
- 23 Там же.
- 24 Там же. С. 11–12.
- 25 В составе валуевской Комиссии, по данным, приведенным в «Исторической записке», числилось 27 человек (Историческая записка о ходе работ по составлению и применению положения о земских учреждениях. Б. м., 1888–1889. С. 2). Однако анализ протоколов ее заседаний показал, что из указанного числа активно в ее работе участвовало 15 человек: С. Р. Жданов, Я. А. Соловьев, К. К. Грот, К. И. Марченко, А. Д. Шумахер, Е. Пеликан, В. А. Татаринов, Д. Н. Толстой, Н. Н. Стояновский, Н. Н. Колесов, С. И. Зарудный, А. А. Бобринский, П. С. Лебедев, Н. И. Второв, П. Н. Даневский. Из них 10 человек (включая восьмерых членов бывшей Комиссии Н. А. Милютин) принадлежали к представителям либеральной бюрократии, включая лиц, к которым Валуев относился крайне отрицательно, в частности Я. А. Соловьева. Он числил его своим идейным противником, обвиняя «во вредных связях» с либеральным кружком вел. кн. Константина Николаевича (*Валуев П. А.* Дневник. Т. 1. С. 317, 248). Из новых членов Комиссии привлекают внимание А. Д. Шумахер и В. А. Татаринов. А. Д. Шумахер, ближайший помощник Н. А. Милютина в Хозяйственном департаменте, – один из тех, кто проводил реформу самоуправления в Петербурге, и будущий «отец» реформы городского самоуправления 1870 г. (см.: *Вестник Европы*. 1894. № 4). В. А. Татаринов – государственный контролер, специалистом в области государственных финансов (см.: *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 189).
- 26 Труды Комиссии о губернских и уездных учреждениях : в 2 ч. Ч. 2, кн. 1–4; Земские учреждения. СПб., 1863. Кн. 2. С. 3, 5–6.
- 27 Доклад № 2 «Об устройстве хозяйственно-распорядительного управления в губерниях и уездах» Комиссии о губернских и уездных учреждениях от 10 марта 1862 г. Б. м., Б. г. С. 109.
- 28 См.: Труды Комиссии... С. 19–20.
- 29 Там же.
- 30 Там же. С. 20–21.
- 31 Там же. С. 22.
- 32 Там же. С. 27–28.
- 33 Там же. С. 35.
- 34 См.: *Лантева Л. Е., Шутов А. Ю.* Из истории земского, городского и сословного самоуправления в России. М., 1999. С. 41.
- 35 См.: Труды Комиссии... Ч. 2, кн. 2. С. 31–32.
- 36 Там же. С. 34.
- 37 Там же. С. 36.
- 38 См.: *Лантева Л. Е., Шутов А. Ю.* Указ. соч. С. 60.

- ³⁹ Труды Комиссии... Ч. 2, кн. 2. С. 38.
⁴⁰ Там же. С. 41, 49, 53.
⁴¹ Там же. С. 42–43.
⁴² Там же. С. 44.
⁴³ Там же. С. 44–45.
⁴⁴ Там же. С. 50–51.
⁴⁵ *Валуев П. А.* Дневник. Т. 1. С. 152.
⁴⁶ В фонде Ф. П. Корнилова хранится печатный список «Первоначального очерка» с правками П. А. Валуева на Особом совещательном собрании (см.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 379. Ф. П. Корнилов. Д. 209).
⁴⁷ См.: ОР РНБ. Ф. 379. Ф. П. Корнилов. Оп. 1. Д. 209.
⁴⁸ Косвенными выборами считаются такие, когда «вопрос об избрании решают не граждане, а избранные ими лица» (см.: Конституционное (государственное) право зарубежных стран : в 2 т. / под ред. Б. А. Страшуна. М., 1995. Т. 2. С. 17).
⁴⁹ *Валуев П. А.* Дневник. Т. 1. С. 164.
⁵⁰ См.: ОР РНБ. Ф. 379. Ф. П. Корнилов. Оп. 1. Д. 210. В дневниках Валуева указывается на проведение еще одного, последнего заседания 13 июня 1862 г. (см.: *Валуев П. А.* Дневник. Т. 1. С. 176).

- ⁵¹ См.: ОР РНБ. Ф. 379. Ф. П. Корнилов. Оп. 1. Д. 209.
⁵² Судя по скучным дневниковым записям П. А. Валуева, он был крайне недоволен совещанием, отмечая его «медленный, трудный и нередко беспорядочный ход», где сам автор «был в лихорадке от постоянного напряжения мыслей и нервов». См.: *Валуев П. А.* Дневник. Т. 1. С. 163.
⁵³ В. В. Гармиза считает, что эти изменения уменьшили число избирателей в первой курии, повысив долю крупнопоместного дворянства. Он полагает, что повышение ценза вело к общему сокращению числа гласных (см.: *Гармиза В. В.* Подготовка земской реформы... С. 190). Однако этот вывод, основанный на анализе абсолютных величин, весьма спорен. Средние наделы составляли 0,75% высших, поэтому абсолютное увеличение с 2 000 высших до 3 000 средних подушных наделов, от которых полагался один гласный в уездное собрание, на самом деле привело бы к тому, что общая площадь представляемой одним гласным земли оставалась бы практически прежней, превышая старый ценз примерно на 2–3%.
⁵⁴ См.: ОР РНБ. Ф. 379. Ф. П. Корнилов. Оп. 1. Д. 209.
⁵⁵ См.: *Гармиза В. В.* Подготовка земской реформы... С. 190–200; *Цейтлин С. Я.* Земская реформа. С. 207.

УДК 340.12(091) "19–20"

СТАНОВЛЕНИЕ ТЕОРИИ КООПЕРАТИВНОГО СОЦИАЛИЗМА В США, ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ И РОССИИ (XIX – начало XX века)

И. Н. Коновалов

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: i.n.konovarov@mail.ru

В статье рассматривается проблема становления теории «кооперативного социализма» в США, странах Западной Европы, России в XIX – начале XX в. Автор приходит к выводу, что все региональные теории «кооперативного социализма» основывались на кооперации как универсальном средстве преобразования капиталистического общества в социалистическое.

Ключевые слова: регион, трансформация, теория «кооперативного социализма».

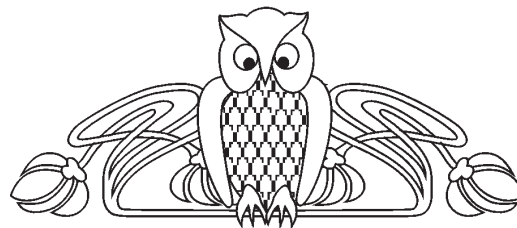
Theory Cooperation Socialism in the United States, West and Russia at the XIX and the Beginning XX Centuries

I. N. Konovarov

In this article the author examine the problem of regional aspects of «cooperation socialism» theory transformation in the United States, the West, the Russia at the of XIX and the beginning of XX century and conclude that the present teachings became the foundation of transformations of capitalism in the socialism.

Key words: region, transformation, «cooperation socialism» theory.

В истории политических учений важное место занимает исследование взглядов представителей кооперативного социализма как на

государство и политику в целом, так и на коренное преобразование действующего экономического строя с помощью кооперации в частности. В настоящее время интерес к теории «кооперативного социализма» вызван еще и поиском оптимальной экономической модели, кризисным состоянием финансовой и хозяйственной системы.

Первые кооперативы в виде рабочих потребительских обществ возникли в конце XVIII в. в Англии и в дальнейшем получили широкое распространение во всех странах Западной Европы и в США. Состав потребительских кооперативов формировался здесь из фабричных рабочих, которые стремились к удешевлению предметов потребления. Иная картина наблюдалась в Германии и Франции. В этих странах кооперативное движение зарождалось в деревне.

Почти одновременно с появлением первых кооперативов в начале XIX в. возникла и теория «кооперативного социализма». Ее основателями были Шарль Фурье и Роберт Оуэн. Они рассматривали создание самоуправляющихся сельскохозяйственных общин как способ борьбы

с безработицей, нищетой, воспитания чувства коллективизма, а главное, как путь преобразования капиталистического общества. Ш. Фурье и Р. Оуэн предлагали заменить капитализм, основанный на эксплуатации и конкуренции, новым общественным строем, основанным на взаимопомощи и сотрудничестве всех его граждан. Главным средством такого социального переустройства должно было стать кооперативное движение¹. Трудом Ш. Фурье интересовался и его идеи разделял Н. Г. Чернышевский, который считал, что Россия может перейти к социализму минуя стадию капитализма, через русскую общину как форму коллективной собственности².

В США одним из первых теоретиков, сформулировавших идеи «кооперативного социализма», явился Вильям Кинг, основавший в 1827 г. кооперативное общество в Брайтоне. На страницах журнала «Кооператор» В. Кинг и его сторонники развивали идеи замены капитализма новым общественным строем, основанным на гармонии интересов и сотрудничестве всех трудящихся. Они считали, что главным средством достижения социальной справедливости должно стать кооперативное движение, развитие которого и приведет к созданию общества с преобладанием кооперативной собственности всех слоев населения – рабочих, служащих, крестьян, ремесленников, мелких торговцев и предпринимателей. При этом обязательным условием преобразования капитализма через кооперацию В. Кинг и его последователи считали классовый мир, отсутствие какого-либо насилия в отношении эксплуататорских классов со стороны пролетариата.

В Германии в этот период широкое распространение получила потребительская и сельскохозяйственная кооперация, на основе которой возникла теория кооперативного социализма В. Э. Хубера, Г. Шульце-Делича и Ф. В. Райффейзена. Профессор Виктор Эме Хубер ясно понимал, что кооперативное движение есть по преимуществу объединение неимущих для организации совместного производства и потребления. Но, тем не менее, он считал необходимым участие в этом движении высших слоев общества. Так, по его мнению, может быть устранена классовая рознь и кооперация морально и материально возродит весь народ.

Герман Шульце-Делич, получивший двойную фамилию по названию своего родного городка Делича, был, в отличие от профессора Хубера, выдающимся практиком и организатором первых сырьевых и ссудосберегательных кооперативов³.

Другим теоретиком и организатором немецкой кооперации, введшим в практику новые принципы, являлся Фридрих Вильгельм Райффейзен. Он разделял принцип самопомощи, провозглашенный впервые Шульце-Деличем. Из этого благотворительного принципа вытекало другая отличительная черта райффейзенских товариществ, а именно уделение большого внимания

воспитанию своих членов. По Райффейзену целью товариществ являлось стремление не к прибыли, а к материальному подъему слабых. По идее теоретика кооперативные товарищества должны были не только снабжать крестьян деньгами, но и охватывать всю экономическую деятельность сельских хозяев⁴.

Во второй половине XIX в. во Франции также создавались многочисленные производственные кооперативы, которые способствовали возникновению теории кооперативного социализма Ф. Бюшеза и Л. Блана. Филипп Бюшез являлся «отцом» производственной кооперации. Он начал ее устную и печатную пропаганду в 1830 г. В его проекте производственного товарищества 20% чистой прибыли отчислялось на образование капитала, а оставшиеся 80% распределялись между членами товарищества пропорционально заработной плате. На образующийся капитал предполагалось расширить производство, освободить трудящихся от эксплуатации и решить социальный вопрос⁵. Взгляды Ф. Бюшеза на производственную кооперацию разделял Луи Блан. С ее помощью он пытался решить рабочий вопрос.

Заметный вклад в развитие теории кооперативного социализма во Франции внесла Нимская школа кооператоров, основанная в 1885 г. в небольшом городке Ним на юге Франции помещиком Эдуардом де Буав и бывшим фабрикантом Огюстом Фабром. Под школой подразумевалось не учебное заведение, а новое направление кооперативной мысли. В 1886 г. де Буав основал на свои средства журнал «Эмансипация», на страницах которого развивал свои социальные взгляды. Их краткое резюме он дал в письме к В. Ф. Тотомианцу: «Кооперация способна объединить всех людей и все религии. На этом основании давайте не будем вмешивать в кооперацию классовую борьбу. Кооперация способна объединить все классы, не допустив проникновения в свою среду разрушительной ненависти. Кооперация, широко открывая перед всеми свои двери, постепенно устранив в будущем борьбу классов. Невозможно изменить современный социальный строй, сохранив внутренние распри. Вы хорошо понимаете, что для достижения нашей цели необходимо прежде всего воспитать прямых и альтруистических людей. Для лучшего строя нужны лучшие люди»⁶.

Де Буав считал, что на место прежнего хозяйственного строя, основанного на конкуренции производителей, должен выдвинуться новый, организованный на принципах сотрудничества потребителей. Фундаментом нового строя должна стать кооперация. Вскоре после создания де Буавом Нимской школы к ней примкнул профессор политической экономии университета в Монпелье Шарль Жид, который далее развил теорию кооперативного социализма. Он являлся автором нескольких книг и множества статей о кооперации⁷. Жид думал над тем, как избежать классовой борьбы, и отдавал предпочтение эволюционному пути

развития. Ключевая роль в преобразовании мира отводилась теории кооперативного социализма. Он писал: «Кооперация хочет преобразовать мир, но начинает с реформы домашнего хозяйства. Она идет к звездам, но в то же время твердо держится земли». По его мнению, «кооперация должна служить для мирного, но коренного преобразования действующего экономического строя, способствуя переходу владения орудиями производства и... экономического главенства от производителей, удерживающих их теперь, к потребителям»⁸.

Таким образом, к концу XIX в. кооперативное движение в большинстве стран Западной Европы и в США превратилось в серьезную общественную и экономическую силу. На его основе создается учение кооперативного социализма, которое проникает в Россию. Однако нельзя утверждать, что теория кооперативного социализма возникла в России лишь под влиянием западного научного опыта. Важную роль в этом сыграли общинные и артельные традиции, которые издавна существовали среди русского крестьянства.

Богатейший опыт артельного самоуправления был использован в работе первых крестьянских кооперативов, возникших в пореформенный период. Общественная ситуация, сложившаяся в это время в России, способствовала появлению целого ряда мировоззренческих концепций и социальных проектов преобразования аграрной сферы экономики на основе теории кооперации. Ее идеологами являлись представители петербургского кооперативного кружка во главе с А. И. Васильчиковым⁹. Члены кружка были сторонниками «практической постепенности» в ходе «сознательно-мирного» экономического прогресса. Они считали, что задача обновления России была гораздо сложнее и решение ее лежало глубже, чем сокращение существующего строя. Она должна была решаться органично, в согласии с имеющимися социальными институтами. Следовало создать «первичные клеточки» новых общественных отношений, и в частности различные вольные ассоциации, с помощью которых крестьяне могли бы наработать навыки самодеятельности и самоуправления¹⁰.

В 1871 г. с помощью Московского общества сельского хозяйства и ряда земств члены кружка создали полуофициальный Комитет о сельских ссудосберегательных и промышленных товариществах, программа и сфера деятельности которого была одобрена правительством. В скором времени открылось С.-Петербургское Отделение Комитета, которое превратилось в научный, методический и организационный центр кооперативного движения в России.

Отделение Комитета сыграло в последующем решающую роль в распространении и пропаганде идей кооперативного социализма. Наибольший вклад в эту работу внесли деятели Отделения М. И. Туган-Барановский, М. Л. Хейсин, Н. В. Чайковский, С. Н. Прокопович, С. Л. Мас-

лов, А. В. Меркулов, Б. Р. Фроммет, В. Ф. Пекарский. Они продолжили теоретические разработки кооперативного социализма, начатые основателями кооперативного движения. Дальнейшее развитие теории было невозможно без решения одной из центральных проблем кооперативного социализма – определения сущности кооперации как общественно-экономической организации, ее места в условиях капиталистического и социалистического обществ¹¹.

Исходным тезисом большинства концепций по этой проблеме являлось признание кооперации более «высокой формой экономической организации» по сравнению с капиталистическими предприятиями. По мнению С. Н. Прокоповича, главная задача всякого капиталистического предприятия состояла в получении максимальной прибыли на капитал. Целью кооперативного товарищества, напротив, являлись достижение возможно большей продуктивности труда его членов или наиболее выгодная продажа произведенных ими продуктов, или, наконец, наиболее экономное приобретение нужных им средств производства и продуктов¹².

Следовательно, перед кооперативами стояла задача не только организации производства и рынка сбыта, но и объединения потребителей. Российские теоретики кооперативного социализма считали, что по форме кооператив ничем не отличается от капиталистического предприятия, но по содержанию «в своем капиталистическом теле кооператив скрывает душу, враждебную капитализму»¹³. Кооператив является формой самозащиты трудящихся.

Значительный вклад в разработку данной теории внес А. А. Николаев. Выясняя отличие кооперативных организаций от капиталистических предприятий, он пришел к выводу, что «кооперация опирается на организованного потребителя, а капиталистическое предприятие строится на конкуренции, на индивидуализме, на анархии производства и потребления»¹⁴. Ученый считал, что «кооперация дает чувствовать все своеобразие как социальной системы не только на результатах экономической деятельности, но и в области духовных ценностей»¹⁵.

По его мнению, кооперацию необходимо рассматривать не как новую общественную форму, а как своеобразный метод соединения сил, который встречается в самых разных условиях экономической жизни народов. В этом отношении актуально звучит мысль А. А. Николаева о том, что «нельзя на кооперацию возлагать все надежды и смотреть на нее как на исключительное средство для устранения всех неурядиц современной экономической жизни»¹⁶. Вместе с тем он был убежден, что кооперация осуществляет самый высокий социальный идеал – обеспечивает свободу личности, давая человеку возможность почувствовать, понять и исполнить «общее дело» как «свое собственное».

Касаясь общей оценки кооперации, А. А. Николаев отмечает ее способность в известных пределах бороться с капитализмом, упоминает чрезвычайную склонность многих видов кооперации усваивать все прогрессивные достижения науки и техники, наконец, доказывает, что кооперация энергично идет навстречу новому типу развития народного хозяйства – «самодовлеющему обществу»¹⁷. Под ним автор понимал социализм. Но в отличие от марксизма он представляет социализм по-своему: отводит роль в его достижении как рабочим, так и трудовому крестьянству, а также революционной интеллигенции, объединенных кооперацией¹⁸.

Близкую к этой точке зрения мысль высказал другой теоретик «кооперативного социализма», С. Л. Маслов. Предназначение кооператива в условиях рынка ученый видел в защите интересов крестьянина-земледела от эксплуатации торгового посредника. Социальную роль кооперативов он понимал скорее как эволюционирующую, как средство и метод развития крестьянского хозяйства, движения его вперед. По его мнению, «кооперация – это особый тип народного хозяйства, которому в развитии экономической жизни человечества предназначено определенное место, в каких бы условиях экономическое развитие того или другого народа ни происходило»¹⁹.

Большое внимание уделял общественному значению кооперации А. Н. Анцыферов. Он видел в ней антитезу капиталистического развития. Являясь сторонником идей западных теоретиков кооперации, Анцыферов считал, что «всякое кооперативное предприятие, как бы скромно оно ни было, в действительности несет в себе зародыш нового экономического мира»²⁰.

Теорию кооперативного социализма (кооперативизма) обосновывал и В. Ф. Тотомианц. Он полагал, что «кооперация – это искусство творить новые формы экономической жизни. Оно беспартийно, но не бесхарактерно. Идеалом кооперации является не борьба за существование (и отнюдь не борьба классов), а единение для жизни»²¹.

Свою аргументацию по этому поводу в работе «Социальные основы кооперации» приводил М. И. Туган-Барановский. Он характеризовал кооперацию одновременно как «хозяйственное предприятие» и как «новый хозяйственный строй», которые обеспечат полную экономическую и социальную свободу мелкому товаропроизводителю. Определенную роль в разработке теории кооперативного социализма сыграли труды А. В. Меркулова, называвшего кооперацию «могучим средством подъема хозяйства и общего благосостояния сельского населения». В одной из своих последних работ он писал: «Вряд ли можно сомневаться, что, являясь и по существу своему творческим социализмом, оставаясь всегда на государственной точке зрения ... кооперация вслед за окончанием анархии окажется ... одной из самых важных в России государственно-организующих сил»²².

Таким образом, кооперативный социализм как направление общественной мысли, возникшее на Западе и получившее распространение в России, неоднороден. Анализ на региональном уровне свидетельствует о многообразии подходов в каждой отдельно взятой стране. Все рассмотренные подходы отличаются в основном лишь оценкой социально-экономической природы кооперации, способами достижения цели. По сути же они едины: во-первых, подавляющее большинство теоретиков кооперативного социализма всех направлений считают капитализм антигуманным обществом, стремящимся к росту прибыли за счет эксплуатации трудящихся; во-вторых, силой, способной уничтожить капиталистический строй, является не пролетариат, а кооперация – надклассовая организация, объединяющая все слои трудящихся масс, и в первую очередь крестьянство; в-третьих, кооперация способна обеспечить мирное вращение капиталистического общества в социализм путем реформ и преобразований в сфере обращения. Таким образом, все сложившееся в XIX – начале XX в. теории «кооперативного социализма» основывались на кооперации как универсальном средстве преобразования капиталистического общества в социалистическое. Кооперация «представляется для них не одним из элементов капиталистического хозяйства и общества, но, наоборот, зачатком освобождения трудящихся от эксплуатации их капиталом и перехода к новым социальным формам»²³.

Примечания

- 1 См.: *Тотомианц В. Ф.* Кооперация : История, принципы, форма, значение. Франкфурт-на-Майне, 1961. С. 24, 25.
- 2 См.: *Yoshio I. N. G. Chernyshevsky* : Pioneer of the Russian Cooperative Movement // *Imperial power and development: papers on pre-revolutionary russian histori. Selected Papers of the Third World Congress for Soviet and East European Studies.* Washington, 1988. P. 134–151.
- 3 См.: Кооперативная хрестоматия : сб. статей, речей и изречений о кооперации / сост. В. Ф. Тотомианц. Прага, 1922. С. 39.
- 4 *Анцыферов А. Н.* Кооперация в сельском хозяйстве Германии и Франции. Воронеж, 1909. С. 9, 373.
- 5 Там же. С. 465, 467.
- 6 Цит по: *Тотомианц В. Ф.* Указ. соч. С. 27, 28.
- 7 См.: *Жид Ш.* Кооперация / пер. с фр. И. А. Шапиро ; под ред. и с предисл. В. Ф. Тотомианца. СПб., 1909.
- 8 Цит. по: *Тотомианц В. Ф.* Указ. соч. С. 28 ; см. также: *Жид Ш.* Кооперация. С. 102.
- 9 См.: *Есио И. Н.* Чернышевский и современники-кооператоры Н. П. Баллин и А. И. Васильчиков // XX Всероссийские научные чтения «Чернышевский и его эпоха». Саратов, 1998.
- 10 См. подробнее: *Подколзин Б. И.* Петербургский кружок князя А. И. Васильчикова и зарождение кооперативного кредита в России : 60–70-е годы XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 13, 14.

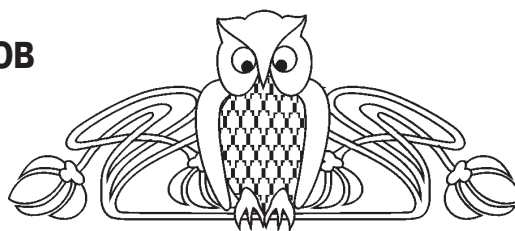
- ¹¹ См.: *Файн Л. Е.* Отечественная кооперация : Исторический опыт. Иваново, 1994. С. 103.
- ¹² См.: *Прокопович С. Н.* Кооперативное движение в России : Ее теория и практика. М., 1913. С. 14–15.
- ¹³ *Туган-Барановский М. И.* Социальные основы кооперации. 2-е изд. М., 1918. С. 93.
- ¹⁴ *Николаев А. А.* Теория и практика кооперативного движения. 2-е изд. Пг., 1919. Вып. 1. С. 32.
- ¹⁵ Там же. С. 35.
- ¹⁶ Там же. С. 52.
- ¹⁷ Термин «самодовлеющее общежитие» принадлежит П. А. Кропоткину.
- ¹⁸ См.: *Файн Л. Е.* Указ. соч. С. 105.
- ¹⁹ См.: *Маслов С. Л.* Кооперация в крестьянском хозяйстве. Лейпциг, 1922. С. 14.
- ²⁰ *Анцыферов А. Н.* Указ. соч. С. 518.
- ²¹ *Тотомианц В. Ф.* Теория, история и практика потребительской кооперации. СПб., 1913. С. 359.
- ²² *Меркулов А. В.* Вопросы кооперативного движения в России. Пг., 1918. С. 225.
- ²³ *Ляценок П. И.* Социальная экономия сельского хозяйства. Основные элементы экономии сельского хозяйства : в 2 т. М. ; Л., 1930. Т. 1. С. 379.

УДК 94(47).083

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КОМИТЕТА ЧЛЕНОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ (1918 год)

Н. Н. Кабытова

Самарский государственный университет
E-mail: kabpetr@samsu.ru

В статье рассматриваются основные направления социальной политики Комитета членов Учредительного собрания, попытки решения рабочего и крестьянского вопросов в условиях Гражданской войны в России, анализируются причины конфликта между народом и властью.

Ключевые слова: Комитет членов Учредительного собрания, Гражданская война, Народная армия, эсеры, буржуазия, рабочие, крестьяне.

Social Policy of Committee of Members of the Constituent Assembly (1918)

N. N. Kabytova

In article the main directions of social policy of Committee of members of the Constituent assembly, attempt of the solution of working and country questions in the conditions of Civil war in Russia are considered, the conflict reasons between the people and the power are analyzed.

Key words: Committee of members of the Constituent assembly, Civil war, National army, members of Just Russia, bourgeoisie, workers, peasants.

Антибольшевистские квазигосударственные образования, возникавшие на территории России в 1918–1922 гг., в советской историографии рассматривались в общем контексте Гражданской войны. Историки анализировали военные операции Красной армии, причины ее побед и неудач, подчеркивали антисоветскую направленность действий белогвардейцев и сотрудничавших с ними оппозиционных большевикам сил. Описывая события на Восточном фронте в 1918 г., исследователи показали военно-политическую ситуацию, возникшую в связи с выступлением мятежного Чехословацкого корпуса и установлением в Поволжско-Уральском регионе власти

Комитета членов Учредительного Собрания (КОМУЧ)¹. Лидеры российской эмиграции первой волны, объясняя причины поражения КОМУЧа, отмечали отторжение большинством социума идей и практики «учредительской демократии»². В конце XX – начале XXI в. в историографии Гражданской войны на территории России стали изучаться не только вооруженные, но и политические силы, противостоящие Советскому государству. КОМУЧ характеризовался как первая попытка реализации «третьего пути» в противостоянии между «красными» и «белыми»³. Рассматривая процесс формирования вооруженных сил КОМУЧа, исследователи выявили причины непопулярности Народной армии у населения⁴. Анализируя перманентную борьбу за власть в 1918 г., историки отметили влияние КОМУЧа на усиление конфронтации общественно-политических сил⁵. В условиях повышенного внимания к генезису российской государственности исследователи КОМУЧа обратились к выявлению формы и прерогатив его властных структур⁶. Социокультурный портрет комучевских деятелей представлен в работах, посвященных судьбе Учредительного собрания в России⁷. Одновременно был обозначен и проанализирован путь развития властной парадигмы антибольшевистских сил по линии КОМУЧ – Директория – Колчак⁸. Комплексный анализ истории функционирования Комитета членов Учредительного собрания в 1918 г. позволяет поставить задачи изучения способов и методов социализации власти, обеспечивающих ее устойчивость или поражение.

Военно-политические события лета 1918 г., ознаменованные первым крупномасштабным наступлением сил белого движения против со-

ветской власти, способствовали превращению Средневолжского региона в эпицентр Гражданской войны. Огромная территория, граничащая с оренбургским и уральским казачеством, разнородная в национальном отношении, богатая хлебом и имевшая значительную прослойку зажиточных крестьян, идеально подошла по замыслу организаторов сопротивления власти большевиков для развертывания крупных военных операций против центра. Здесь было сильно влияние социалистов-революционеров, которые после Февральского переворота 1917 г. занимали многие ключевые посты во властных и общественных организациях. Свое отстранение от власти большевиками эсеры переживали очень болезненно и не упускали случая взять реванш.

Комитет членов Всероссийского учредительного собрания был сформирован после разгона большевиками Учредительного собрания. Первоначально ЦК партии эсеров планировал в качестве резиденции своей власти г. Саратов, но учредительской столицей стала Самара, находившаяся на линии движения Чехословацкого корпуса. 8 июня 1918 г. в Самаре против советской власти объединились представители белого движения, чехословаки и «демократическая» оппозиция. Цели у них были разные, а враг общий – большевики. Объявив советскую власть низложенной, КОМУЧ начал формировать в Самаре свои властные структуры. Пока депутаты съезжались в Самару, а правительство формировалось, охраной занимался военный штаб. Его деятельность носила репрессивный характер: производились бессудные расстрелы «советских красных», аресты недовольных новыми порядками, рабочих⁹.

Крайне противоречивой была социально-экономическая политика комучевцев, выступавших за демократию без социализма. Председатель КОМУЧа В. К. Вольский заявлял: «Не может быть и речи о каких бы то ни было социалистических экспериментах. Капиталистический строй не может быть уничтожен в настоящее время»¹⁰. Министр труда И. М. Майский утверждал: «До социализма нам в России еще далеко. Сейчас мы живем и долго будем жить в обстановке капиталистического строя ... я самый решительный противник большевистских социалистических опытов, сочувствую проводимой сейчас денационализации ... предприятий»¹¹. В течение первого месяца власти КОМУЧа была проведена национализация банков, восстановлены права на принадлежавшие ранее частным владельцам объекты недвижимости и предприятия. Были отменены твердые цены на хлеб, а вместо общероссийских рублей введены «раковки» (по имени министра финансов Ф. Ф. Ракова), которые не использовались населением в свободной торговле¹².

Особое внимание эсеры уделяли земельному вопросу. В декларации от 24 июля 1918 г. КОМУЧ заявил, что земля бесповоротно перешла в руки народа, возврата ее к помещикам он не допустит.

Приказом № 51 от 25 июня были восстановлены земельные комитеты, в задачи которых входило распоряжение землей. В то же время приказом № 124 от 22 июля 1918 г. утверждалось право сбора урожая озимых «как в трудовых, так и нетрудовых хозяйствах тем, кто их произвел»¹³. На практике это означало возврат к поземельным отношениям 1917 г., до «Декрета о земле». В июле 1918 г. в Самаре проходил съезд богатейших судовладельцев и торгово-промышленных предпринимателей Поволжья. Надежды комучевцев на поддержку крупной буржуазии не оправдались – им не только не выделили средств, но и ничего не обещали. Городские думы, восстанавливавшие в правах владельцев недвижимости, налогов с них еще не получали и также не имели возможности поддерживать учредительскую власть финансами.

После захвата комучевцами Казани, несмотря на реквизицию части находившегося там золотого запаса России, в августе 1918 г. проявился внутренний кризис КОМУЧа. 5 августа 1918 г. в Самаре проходил съезд делегатов от 17 крупных организаций ПСР из регионов Поволжья, Урала и Сибири, где были отмечены глубокие разногласия между учредительцами, белыми офицерами и казаками. 16–24 сентября 1918 г. состоялся VI Самарский губернский крестьянский съезд, на котором присутствовало 230 депутатов и принял участие лидер эсеров В. М. Чернов, выступивший с докладом по аграрной политике власти. В прениях крестьянские делегаты резко осудили политику эсеровского руководства, потребовали прекратить гражданскую войну и репрессии против населения за нежелание служить в Народной армии¹⁴.

Еще большую неразбериху внесли земства, которым было вменено в обязанность урегулирование земельных отношений и решение продовольственного кризиса. Взыскать сборы с фактических хозяев земли, крестьян, земские самоуправления были не в состоянии без применения против них вооруженной силы. К тому же и бывшие владельцы земли, будучи не в состоянии собрать самостоятельно посеянный хлеб, передавали право на урожай Хлебному совету. Тот посылал в деревню вооруженные отряды, заставлявшие крестьян собирать урожай в пользу Народной армии, выплачивая бывшему владельцу оценочную стоимость урожая. Такая политика уравнивала комучевских демократов с коммунистами и не сулила им поддержки крестьянского большинства. Восстановление земского самоуправления крестьяне восприняли в основном индифферентно, но были случаи и отставания советской системы. После отмены 27 июня 1917 г. хлебной монополии несколько оживился рынок и прекратился отток продуктов за пределы губернии¹⁵. Однако обойтись без регулируемого продовольственного снабжения не могли ни армия, ни безработные, а вскоре и те рабочие и служащие, которым из-за финансовых трудностей правительства нечем стало платить

зарплату. Между тем приближалась пора уборки урожая, он был в 1918 г. хорошим, но взять его у крестьян можно было лишь силой. Земства, прибегнувшие к этой силе, становились, таким образом, проводниками антинародной политики. В некоторых местах крестьяне заявляли, что форму власти они менять не собираются, их и Советы устраивают. В сельской местности вообще стремились к самоопределению, сравнивая различные властные структуры и примеряя их к своим нуждам. Агитатор КОМУЧа сообщал о своей командировке в Николаевский уезд: «В с. Волчанке Колокольцовской волости состоялось совместное собрание членов бывшего волостного совета. Совет отказался самоликвидироваться и передать дела земству». То же самое было в деревне Дергуновка. «Ссылаются на волю народа», несмотря на «настойчивые указания», как отмечалось в отчете¹⁶.

Уполномоченные и агитаторы КОМУЧа в своих докладах с мест отмечали: «Мужики нередко голосуют в пользу большевиков ... не дают призываемых ... Деревня стала неузнаваемой, сейчас в рабочую пору народ митингует. Появились приговоры: гражданской войны не хотим, солдат для борьбы с большевиками не дадим»¹⁷. В некоторых «деревнях старосты боятся даже составлять списки призывников», и не зря: в одном из сел Бузулукского уезда был убит вербовщик С. Цодиков, причем убийцу так и не нашли¹⁸. В такой ситуации комучевские уполномоченные стали силой реализовывать приказы власти. В деревню посылались «особые воинские отряды» и казаки, которые арестовывали и часто расстреливали бывших членов советов, крестьян пороли, если те отказывались выполнять распоряжения о мобилизации. Для острастки крестьян пробовали применять даже пушки¹⁹. Однако подобные методы вызвали еще большее сопротивление крестьян теперь уже не только мобилизации запасных, но и всей системе комучевской власти. На сельских сходах принимались решения: «Восстать и вооружиться чем попало», «Не вывозить хлеб, муку, сено и другие продукты в Самару». Были призывы «охранять село от чехословаков и другого наемного войска»²⁰. Сломить сопротивление крестьян силой самарскому правительству не удалось, так как его возможности по созданию карательных отрядов и посылки их в деревню были ограничены. К тому же это был не лучший вариант взаимоотношений власти и народа. Демократы и сами возмущались «эксцессами», возникавшими в ходе проведения карательных операций. После этого военные перестали с ними считаться.

Несколько лучше мобилизационные мероприятия осуществлялись в городах, где была организована широкая сеть административных учреждений, выполнявших эту работу. Губернские и уездные уполномоченные, воинские начальники и коменданты гарнизонов, штабы охраны

(контрразведка), милиция, квартальные советы – все эти структуры были обязаны обеспечивать доставку на сборные пункты лиц, подлежащих призыву. Однако большинство поставленных под ружье молодых горожан было из семей рабочих, ремесленников, мещан, также не желавших участвовать в братоубийственной гражданской войне. Все это приводило к массовому дезертирству из Народной армии молодых солдат рабоче-крестьянского происхождения. Укрепление воинской дисциплины и использование приказных методов в управлении гражданскими делами прослеживались с самого начала деятельности КОМУЧа. Они особенно усилились в связи с сопротивлением рабочих и крестьян репрессивным мероприятиям власти. Запретив «всякие добровольные расстрелы», КОМУЧ, тем не менее, наделил широкими полномочиями штаб охраны, в задачи которого входила «охрана новой власти от всяких активных против нее выступлений, в какой бы форме они ни проявлялись»²¹.

Все ущемленные при советской власти поспешили воспользоваться благоприятной ситуацией для сведения счетов с экспроприаторами. Социалистическое правительство КОМУЧа не смогло урегулировать непримиримых социальных противоречий, хотя и пыталось ходатайствовать об освобождении из тюрьмы некоторых бывших соратников по революционному фронту. В то же время рядовые красноармейцы, защищавшие город и брошенные на произвол судьбы бежавшими руководителями, были схвачены на улицах Самары с оружием в руках и многие из них расстреляны или растерзаны толпой. Арестованных подвергали селекции не только по партийному, социальному, но и по национальному признаку. Очевидцы так описывали события во время вступления чехов в Самару 8 июня 1918 г.: «Партию за партией вели чехи пленных (с Волги) по ул. Л. Толстого к Самарке через вокзал ... пленных мадьяр и латышей отделяли от русских. Я спросил чеха, для чего это делается, он самодовольно ответил: «Русских мы не расстреливаем, ибо они обмануты большевиками, а латышей, мадьяр и комиссаров не щадим»²².

Ожесточение, свойственное любой гражданской войне, способствовало осуществлению репрессивной политики со стороны комучевской власти. Некоторые структуры этим правительством и вовсе не контролировались. Арестами руководили «штаб охраны» (во главе которого стоял Хрунин) и «контрразведка» во главе с чешским капитаном Глинкой. Его помощниками были Журавский (чех), Босаяцкий (русский) и Данилов (бывший полицейский пристав 3-го участка г. Самары). В качестве агентов «работали» чехи, японцы, татары и несколько русских. Кроме «штаба охраны» и «контрразведки» налеты на квартиры и обыски самостоятельно производили еще и казаки²³. В тюрьме, рассчитанной на 800 человек, после чехословацкого переворота находилось до 2 300 человек. Сидели по 3–4 в одиночках. Пища в

тюрьме вначале была очень плохая. Хлеба давали мало, и голодные заключенные из окон кричали на улицу, чтобы им приносили съестного. Тюремщики из «штаба охраны» и «контрразведки» брали также взятки. Существовала «своего рода такса. За освобождение комиссара (под эту рубрику подходили и те, кто были простыми служащими в советских учреждениях) брали 1 500–2 000 руб., за освобождение простых смертных – 1 000 руб.». В этих условиях «бессильна была следственная комиссия при Комитете, составленная из бывших юристов, бессильны были общественные организации, хлопотавшие за арестованных»²⁴.

На периферии, в удалении от комучевского правительства, царил полный произвол, аресты производились всеми, кто хотел, – контрразведкой, начальниками милиции, комендантами, казаками. Военно-полевые суды активно вмешивались в судопроизводство над гражданскими лицами, производили самовольную расправу. Сопротивлявшихся мобилизации крестьян загоняли в Народную армию всеми способами. «В Бузулукском уезде, например, казаки окружили деревни, которые не желали выдать рекрутов, родителей пороли, а рекрутов часто расстреливали». Например, 19 августа 1918 г. на сахарный завод при селе Богатое «прибыл отряд солдат народной армии под начальством штабс-капитана Белькина ... 19 вечером и в особенности 20 утром ... арестованных клали вниз лицом на специально разостланный для этой цели брезент и «вкладывали» 20–25 ударов нагайкой ... Били молодых парней (как видно новобранцев), били пожилых рабочих и крестьян, года которых еще не призваны, и били женщин, которые ... не могли иметь какого бы то ни было отношения к призыву новобранцев»²⁵.

Подобная расправа еще больше дискредитировала идеи демократии, пропагандируемые эсерами. Вместе с ними в ходе комучевского эксперимента потерпело окончательный крах земское самоуправление. Напротив, советы, оказавшиеся гонимыми, стали привлекательнее для масс. В связи с этим «в руководстве КОМУЧа зрела мысль о приходе деловых людей, хотя бы они были склонны к реакции. На фоне дезорганизации и раздачи общественных постов людям партийным независимо от их способностей и недовольства духом нового государственного аппарата со стороны народа сама мысль о приходе к власти “людей порядка” не казалась никому невозможной». Один из лидеров КОМУЧа Е. Е. Лазарев с горечью признавал: «После левой крайности большевизма настал поворот круто вправо, особенно в тех слоях, которые наиболее потерпели от гонений большевиков, идея демократии снова очутилась в опасности»²⁶.

Социально-экономическая политика КОМУЧа неизбежно носила двойственный характер. Комитет всеми силами пытался восстановить экономику края, но, не желая прибегать к диктаторским методам управления, не смог справиться

с поставленной задачей – решить финансовый, продовольственный, рабочий и крестьянский вопросы. Определенных успехов достигло комучевское правительство в организации народного образования, считая, что «пролитая в борьбе против большевиков и немцев кровь будет напрасной, если страна лишится образованного потомства». Оно обязало освободить «все школьные и библиотечные помещения, занятые военными, правительственными и общественными организациями»²⁷. Около половины всех средств, отпущенных земствам, было истрачено на ремонт школ, покупку учебников и выплату жалования учителям. 10 августа 1918 г. был учрежден Самарский университет. Мероприятия культурно-просветительного плана находили поддержку всех слоев населения и политических структур, функционировавших на территории, подвластной КОМУЧу.

Рассматривая социальную политику КОМУЧа в период его четырехмесячного правления, необходимо отметить ее противоречивый характер. Попытки поиска «третьего пути» между «белыми» и «красными» в России периода Гражданской войны были обречены на провал. Не предложив внятной программы социальных преобразований в интересах большинства, правители КОМУЧа оказались властью без народа, который вновь качнулся в сторону большевиков.

Примечания

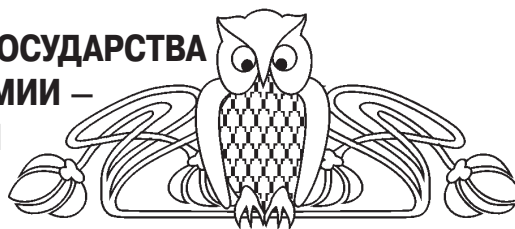
- 1 См.: Гражданская война в Поволжье. Казань, 1974 ; *Медведев Е. И.* Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). Саратов, 1974 ; *Литвин А. Л.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы гражданской войны. Казань, 1972.
- 2 *Климушкин П. Д.* Борьба за демократию на Волге // Кабытов П. С., Курсков Н. А. Вторая русская революция : борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.) Самара, 2005.
- 3 *Калягин А. В., Парамонов В. Н.* «Третий путь» в гражданской войне (Опыт деятельности Самарского КОМУЧа). Самара, 1995.
- 4 См.: *Медведев В. Г.* Белый режим под красным флагом (Поволжье, 1918). Ульяновск, 1998.
- 5 См.: *Кабытова Н. Н., Кабытов П. С.* В огне гражданской войны (Самарская губерния в конце 1917–1920 гг.). Самара, 1997.
- 6 См.: *Лапандин В. А.* Комитет членов Учредительного собрания : структура власти и политическая деятельность (июнь 1918 – январь 1919 гг.). Самара, 2003.
- 7 См.: *Протасов Л. Г.* Люди Учредительного Собрания : портрет в интерьере эпохи : в 2 ч. М., 2008. Ч. 2.
- 8 См.: *Переверзев А. Я., Кулешов О. С.* Комуч. Директория. Колчак : Антисоветский лагерь в гражданской войне на Востоке России в документальном изложении, портретах и лицах. Воронеж, 2003.
- 9 См.: Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

- ¹⁰ Вечерняя заря (газета). Самара. 1918. 15 авг.
¹¹ Наша жизнь (газета). Самара. 1918. 28 авг.
¹² См.: Кабытова Н. Н., Кабытов П. С. Указ. соч. С. 31.
¹³ Приказы Комитета членов Учредительного собрания. Самара, 1918.
¹⁴ См.: Переверзев А. Я., Кулешов О. С. Указ. соч. С. 182.
¹⁵ См.: Калягин А. В., Парамонов В. Н. Указ. соч. С. 17.
¹⁶ См.: Попов Ф. Г. 1918 год в Самарской губернии. Куйбышев, 1972. С. 174.
¹⁷ ЦГАСО. Ф. Р-402. Оп. 1с. Д. 5. Л. 33.
¹⁸ См.: ЦГАСО. Ф. Р-402. Оп. 1с. Д. 4. Л. 94.
¹⁹ См.: Матвеев М. Н. Драма Волжского земства // Новый мир. 1997. № 7. С. 173.
²⁰ Самарская губерния в годы гражданской войны. Куйбышев, 1958. С. 61–63.
²¹ Медведев В. Г. Белое движение в Среднем Поволжье в 1918–1919 годах. Ульяновск, 1995. С. 143.
²² Четыре месяца Учредиловины. Самара, 1919. С. 62.
²³ См.: Гражданская война в Поволжье. Казань, 1974. С. 60.
²⁴ Там же. С. 48.
²⁵ Самарская губерния в годы гражданской войны. С. 61–63.
²⁶ Медведев Е. И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). С. 177.
²⁷ ЦГАСО. Ф. Р-402. Оп. 1. Д. 3. Л. 32.

УДК 34(091) (470) "1939/1940"

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА И СУДЬБЫ ВОЕННОПЛЕННЫХ КРАСНОЙ АРМИИ – УЧАСТНИКОВ СОВЕТСКО-ФИНСКОЙ ВОЙНЫ 1939–1940 ГОДОВ

А. Ф. Бичехвост

Саратовская государственная юридическая академия,
E-mail: istoriya2@yandex.ru

В статье доказывается, что неудачи в советско-финской войне 1939–1940 гг. государственное и политическое руководство СССР пыталось списать на советских военнопленных, оказавшихся в финском плену. Отношение государства и его высокопоставленных лиц к военным служащим, попавшим в финский плен, характеризовалось антигуманностью, чудовищным пренебрежением к человеческой жизни, отсутствием желания объективно разобраться в каждом факте пленения советского военнослужащего, его поведении в плену. Судьба пленных решалась не по Закону, а на основании личных указаний и распоряжений Сталина и Берия. Незаконным осуждением значительной части советских военнослужащих, оказавшихся в финском плену, был создан прецедент для дальнейшей расправы с теми, кто в годы Великой Отечественной войны оказался в плену, но уже немецком.

Ключевые слова: советско-финская война 1939–1940 гг., жертвы тоталитарной системы, военнопленные Красной армии, механизм проверки военнопленных, послевоенная судьба советских пленных, И. Сталин, Л. Берия.

Repressive Policy of the Soviet State and Destiny of Prisoners of War of Red Army – Participants of the Soviet-Finnish War of 1939–1940

А. F. Bichekhvost

In the article it is proved that in the Soviet-Finnish war of 1939–1940 the state and political management of the USSR tried to write off failures on the Soviet prisoners of war who have appeared in Finnish to captivity. The relation of the state and its high-ranking officials to the military personnel, got to the Finnish captivity, was characterized by antihumanity, monstrous neglect to human life, absence of desire objectively to understand each fact of capture of the Soviet

serviceman, his behavior in captivity. The destiny of the captured was solved not on the basis of the Law, and on the basis of personal instructions and Stalin and Beria's orders. Illegal condemnation of a considerable part of the Soviet military personnel who has appeared in Finnish to captivity, created precedent for further punishment of those who in days of the Great Patriotic War appeared in captivity, but already in German.

Key words: Soviet-Finnish war of 1939–1940, victims of totalitarian system, prisoners of war of Red Army, mechanism of check of prisoners of war, post-war destiny soviet captured, I. Stalin, L. Beria.

В отечественной истории новейшего времени незаметно прошла одна из памятных дат – 70-летие завершения советско-финской войны 1939–1940 гг. – «зимней», «северной» или «незнаменитой» войны. На долю советских военнослужащих, вовлеченных в боевые действия и оказавшихся в плену у финнов, выпало суровое испытание «справедливостью» сталинских установок, определявших отношение к военнопленным как преступникам и изменникам Родины. О трагической судьбе бывших узников финского плена, многие из которых стали заключенными ГУЛага, написано немного. Рассекречивание в последние годы архивных документов, хранившихся в режиме особой секретности, и их публикация дают возможность полнее раскрыть историю противоправных и преступных действий Берия и его подручных в отношении военнослужащих Красной армии, прошедших через финский плен, показать трагическую судьбу многих из них.

Как справедливо отмечает Д. Д. Фролов, несмотря на то что после окончания «зимней войны» прошло уже немало лет, мы до сих пор не знаем точного количества пленных¹. Из приведенных

в мемуарах Маннергейма данных о числе военнопленных, взятых при окружении советских войск севернее Ладожского озера, явствует, что в финском плену находилось по меньшей мере более 5 000 красноармейцев². В исследовании «Россия и СССР в войнах XX в. Потери Вооруженных Сил» утверждается: после подписания мирного договора из плена были возвращены 5 468 человек (из них 301 командир, 787 младших командиров, 4 380 бойцов). Добровольно остались в Финляндии 99 человек (из них 8 командиров, 1 младший командир и 90 бойцов)³. Таким образом, в финском плену оказалось 5 567 советских военнослужащих.

Наряду с вышеуказанными цифрами в исторической литературе встречается утверждение о якобы переданных советской стороне 5 572 военнопленных. По другим данным, в Финляндии добровольно осталось 200 красноармейцев, а из финского плена возвратилось 6 017 человек⁴. По утверждению финского историка Р. Хански, за период «зимней войны» было взято в плен 5 615 человек. Тимо Малми, историк, занимающийся проблемой военнопленных в университете г. Тампере, предоставил другие цифры: всего в финском плену находилось 5 650 человек, умерло в лагерях и госпиталях 111⁵. На основании документов, обнаруженных в российских и финских архивах, Д. Д. Фролов выдвинул предположение, что количество советских военнослужащих, пленённых Финляндией, колебалось от 5 546 до 6 116 человек⁶. На сегодняшний день данная точка зрения выглядит предпочтительней.

Согласно дополнительному протоколу к Московскому мирному договору между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г. противоборствовавшие стороны брали на себя обязательства в кратчайший срок возвратить военнопленных, захваченных в вооруженном столкновении. При этом в тексте протокола в отношении процедуры обмена военнопленными содержалась оговорка: «На основании особого соглашения»⁷.

14 апреля 1940 г. в Выборге состоялось первое заседание советско-финской комиссии по обмену военнопленными. До 28 апреля 1940 г. прошло ещё пять заседаний комиссии. Советскую делегацию представляли комбриг Евстигнеев, капитан Сопруненко и представитель НКВД Тункин, финскую – советник миссии Койстинен, подполковник Тийайнен, капитан Вийтанен⁸.

Советских командиров и рядовых красноармейцев, побывавших в финском плену, в отличие от финских военнопленных, ожидала трагическая участь. Их судьба определялась не на основании Закона, а распоряжениями и личными указаниями представителей высшей государственной власти, в первую очередь И. Сталина и Л. Берия.

19 апреля 1940 г. Берия, находясь в ранге народного комиссара внутренних дел Союза ССР, информировал Сталина о начавшемся процессе обмена военнопленными между СССР

и Финляндией. Берия докладывал И. Сталину, что на основании постановления СНК СССР от 10 апреля 1940 г. для обмена военнопленными была образована правительственная комиссия в составе: председатель – начальник разведотдела Ленинградского военного округа комбриг Евстигнеев, члены комиссии – помощник заведующего правовым отделом НКВД Тункин и начальник Управления по делам военнопленных НКВД Сопруненко. По данным Берии, численность красноармейцев и командиров, возвращавшихся из финского плена, составляла 5 395 человек. Финской стороне передавалось более 800 человек. Обмен пленными начался 16 апреля и происходил на станции Вайниккала близ Выборга⁹.

Народный комиссар внутренних дел СССР официально информировал главу Советского государства о порядке приема, транспортировки и содержания военнопленных, за которые отвечал Генеральный штаб РККА. В документе пока ещё нет видимого намёка на репрессивную политику, которая будет проводиться в отношении советских военнослужащих.

Прибывавших из Финляндии разделили на команды, команды – на группы, возглавляемые начальником и комиссаром команды. В их подчинении находились представители политического, административно-хозяйственного и медицинского состава из расчёта: на 200 военнопленных – командир, политрук и 10 младших командиров. Команду сопровождали 2 врача и 4 представителя среднего медицинского состава. Военнопленные не конвоировались, но в пути каждый эшелон сопровождал оперативный работник¹⁰.

Один из свидетелей трагедии, разыгравшейся в жизни рядовых красноармейцев и командиров, вызволенных из финского плена, вспоминал: «В марте 1940 года, когда было подписано перемирие, финны передали наших военнопленных – изможденных, обмороженных, инвалидов ... Их везли в санитарных поездах, к которым никого не подпускали. Домой они не вернулись»¹¹.

Воспоминания вернувшихся опровергают утверждения о перевозке красноармейцев «в товарных вагонах с закрытыми окнами под усиленной охраной частей НКВД». Первые партии военнопленных везли в обычных пассажирских вагонах плацкартного типа. В числе сопровождавших были начальник и комиссар эшелона, медицинский персонал и по четыре бойца на каждый состав, причём не обязательно из частей внутренних войск¹².

НКВД активно включился в работу среди военнопленных. Для спецорганов важно было быстрее вычислить «предателей» и «изменников». В результате индивидуальных опросов появились политдонесения младшего политрука А. В. Храмова: «Павел Ковалец, младший лейтенант, говорит, что в/п Шаронов из 75 дивизии 34 сп, 1 бат., 3 р. являлся корреспондентом газеты «“Друг пленных”». В своих заметках он обвинял руко-

водство Страны Советов»; «Евдокимов (едет в вагоне № 7 санпоезда) избивал военнопленных, занимался антисоветской агитацией за религию. Лично сам ежедневно читал Евангелие, заставлял в/п наизусть учить Евангелие, о чем просил попа давать на дом задание по Евангелию. Заявил Резвов, вагон № 13»; «Янцевич Семен заявил, что некий Дронов, русский, крепко дружил с финским офицером и говорил при всех, что “Сталина надо зарезать, а Молотова надо застрелить”»¹³.

В спецсообщении Берия докладывал Сталину, что среди доставленных, проводится «соответствующая оперативно-чекистская работа». Для проведения следственных мероприятий укомплектован штат сотрудников. На обменном пункте станции Вайникалла задействовано 8 работников Ленинградского особого отдела НКВД, проводящих предварительную «филтрацию». В Новгороде, куда доставлялись пленные, «оперативно-чекистская работа» проводилась группой из 32 сотрудников под руководством заместителя начальника следственной части ОО ГУГБ НКВД СССР капитана госбезопасности Казакевича¹⁴.

Прибывших военнопленных первоначально разместили в казармах недалеко от Новгорода, начсостав отдельно от рядовых. Внутренние наряды (дежурные и дневальные) назначались из обслуживающего персонала. Охрана казарм и их обитателей не предусматривалась. Увольнение в город лицам рядового состава разрешалось в составе команд, но не ранее чем через 10 дней после возвращения. Командирам не запрещалось увольнение в индивидуальном порядке¹⁵.

Изложенные выше факты опровергают мнение отдельных исследователей о якобы заранее спланированной и целенаправленной политике преследования советских военнопленных, вызволенных из финского плена. Из спецсообщения Берии следует ещё один вывод: в Генштабе, в отличие от НКВД, относились к захваченным в плен и освобожденным военнослужащим РККА как к жертвам войны, но не как к преступникам.

Особое беспокойство руководителя НКВД вызывал установленный Народным комиссариатом обороны порядок размещения военнопленных, который, по мнению Берии, не исключал возможности побегов, так как казармы в Новгороде, где размещались доставленные военнослужащие, были рассчитаны на 3 000 человек и не могли вместить всех. Основываясь на предположениях и догадках, глава НКВД заключал: «Учитывая, что среди принимаемых военнопленных, безусловно, будет значительное количество лиц, обработанных финской, а возможно, и другими разведками, НКВД СССР считает необходимым обеспечить тщательную филтрацию принятых военнопленных и проведение среди них соответствующих чекистско-оперативных мероприятий, для чего необходима их изоляция на срок не менее 2–3 месяцев».

Берия полагал целесообразным разместить бывших пленных в Южском лагере НКВД в Ивановской области, который находился в посёлке Талица в 47 километрах от железнодорожной станции Вязники неподалеку от города Южа, и подходил для надёжной изоляции военнопленных¹⁶. Лагерь, рассчитанный на приём 8000 человек, по мнению народного комиссара, был «вполне приспособлен для размещения в нём военнопленных». «Приспособленность» лагеря для этой цели позже подтвердили и узники поневоле: «Нас привезли в Ивановскую область, в Южский лагерь, разместили в двухэтажных деревянных казармах, “хорошо” огороженных колючей проволокой, за которой прогуливались солдаты с немецкими овчарками»¹⁷.

Исходя из изложенного Берия ходатайствовал перед председателем правительства утвердить предложения:

для Наркомата обороны:

- а) принятых из Финляндии военнопленных направлять в Южский лагерь НКВД СССР;
 - б) установить при движении эшелонов с военнопленными порядок охраны и конвоирования, исключающий возможность побегов;
 - в) передать руководству Южского лагеря необходимые фонды на питание военнопленных;
 - г) организовать внутри лагеря среди военнопленных соответствующую работу;
- Для Наркомата внутренних дел:
- а) подготовить Южский лагерь для приема военнопленных из Финляндии;
 - б) организовать наружную охрану лагеря силами конвойных войск НКВД СССР;
 - в) организовать довольствие военнопленных по нормам и за счет фондов НКО;
 - г) обеспечить тщательное проведение чекистско-оперативных мероприятий среди военнопленных лиц, «обработанных иностранными разведками, сомнительных и чуждых элементов и добровольно сдавшихся финнам, с последующим преданием их суду»;
 - д) работу по филтрации военнопленных закончить в 3-месячный срок¹⁸.

19 апреля 1940 г. состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), которое одобрило выдвинутый Берия план мероприятий по «выявлению» добровольно сдавшихся в плен и завербованных среди них «шпионов». Решением Политбюро всех военнослужащих, возвращенных финскими властями, предписывалось направлять в Южский лагерь НКВД и «в трехмесячный срок обеспечить тщательное проведение оперативно-чекистских мероприятий для выявления среди военнопленных лиц, обработанных иностранными разведками, сомнительных и чуждых элементов и добровольно сдавшихся финнам с последующим преданием их суду»¹⁹.

Для военнопленных был установлен жёсткий режим. Лагерь охранялся конвойными войсками НКВД. Заключение были лишены права пере-

писки, свиданий с родными и близкими. Место их пребывания держалось в строгом секрете. Содержание бывших военнопленных в полной изоляции в Южском лагере объясняли как временное мероприятие, проводимое с профилактической целью недопущения в страну шпионов и диверсантов, находившихся среди пленников²⁰.

О количестве и командном составе переданных военнопленных сообщалось в справке начальника политуправления МВО, адресованной дивизионному комиссару Лобачеву: «Южский лагерь начал свою работу с момента поступления бывших военнопленных 25 апреля 1940 года. Люди поступали эшелонами по 500–600 человек. На первое мая было 4815, на 10 – 4897. 29 человек отправлено в госпиталь в Вязники. В числе прибывших 314 человек начсостава от младшего лейтенанта до майора включительно»²¹.

Прибывших первоначально заставляли соблюдать военный лагерный порядок с физзарядкой по утрам. На работах их пока не использовали. При первом посещении бывшими военнопленными лагерной бани с их обмундирования, сданного в санобработку, спорили петлицы и знаки различия. Несколько дней спустя их расселили по лагерным отделениям и поместили в отдельные бараки. Днем освобожденных из финского плена водили под конвоем на работы, а ночью – на допросы, где их допрашивали по поводу сдачи в плен работники лагерной оперчасти²².

Сотрудники следственной части, составленной в основном из следователей особых отделов армейских подразделений, выясняли обстоятельства пленения военнослужащего и его поведения в плену. Освобождённые собственноручно заполняли «Анкету специального назначения», в которой описывали обстоятельства захвата в плен. Протокол допроса включал стандартные вопросы (кроме автобиографических): в какой части служил, при каких обстоятельствах попал в плен, какие документы при себе имел, в каком лагере находился в плену, сколько раз допрашивался, велась ли пропаганда в лагерях для военнопленных, что может сказать о недостойном поведении в плену других военнослужащих²³.

Следствие велось с обвинительным уклоном. Допросы наносили психологические травмы, несправедливые реплики и провокационные вопросы вызывали возмущение и внутренний протест. «Следователи разговаривали с нами как с изменниками Родины, не записывали то, что мы им говорили»²⁴, – с горечью повествовали прошедшие через унижительные лагерные испытания. Приведённый ниже диалог – наглядный пример бесчеловечных методов ведения следствия, когда попирались права и достоинство человека, нарушалась его презумпция невиновности

«Спрашивает:

– Ранен?

– Я контужен и обморожен, – отвечаю.

– Это не ранение.

Так ни разу нигде и не записал, что я обморожен. А у меня руки-ноги обморожены, стоять как следует не могу, брать ничего не способен.

Говорю:

– Скажите, я виноват в том, что попал в плен?

– Да, виноват.

– А в чём моя вина?

– Ты давал присягу сражаться до последнего дыхания, но, когда тебя взяли в плен, ты же дышал.

– Даже не знаю, дышал я или нет. Меня финны подобрали без сознания, замороженного.

– А когда очухался, ты же мог плюнуть финну в глаза, чтобы тебя пристрелили?

– А смысл в этом какой?

– Чтоб не позорил. Советские в плен не сдаются!»²⁵.

Недоверие к советским военнопленным, прошедшим финский плен и возвращённым на основании двусторонних международных договорённостей, было целенаправленной политикой дискредитации военнослужащих Красной армии, уничтожения их воли принуждением к признанию ответственности за сам факт пленения.

Одним из вопросов, которому советские следователи уделяли особое внимание, был вопрос об избиении и издевательствах над красноармейцами в плену. Бывшие пленные рассказывали, что над ними издевались не только финские охранники, но и свои же товарищи по плену. Особенно свирепствовали, по мнению дознавателей, «военнопленные из числа карел». В политдонесениях отмечалось: «Бывший младший командир, ныне пленный Орехов, попав в плен, был назначен старшиной барака, он безжалостно избивал военнопленных ... Дидюк, карел, был переводчиком, избивал военнопленных ... Гвоздович из города Калинина, был старшим палаты, избивал своих, отбирал советские деньги, проигрывал их в карты, купил себе комсоставовскую гимнастерку у пленного командира ...»²⁶ И таких показаний много. Но все-таки это не было системой.

Предварительные итоги обмена пленными между Советским Союзом и Финляндией были подведены в докладной записке начальника Особого отдела ГУГБ НКВД СССР комиссара госбезопасности третьего ранга Бочкова, направленной 30 апреля 1940 г. в НКВД СССР. Сотрудник госбезопасности информировал ведомство о результатах обмена пленными с 16 по 26 апреля 1940 г., приводил данные о поступивших военнослужащих РККА. Наибольший наплыв пленников приходился на период с 17 по 22 апреля, когда прибыло соответственно 792, 1002, 901 и 820 советских военнослужащих. С 23 по 25 апреля в процессе обмена наступил кратковременный перерыв, затем он возобновился. 26 апреля прибыло четыре команды военнопленных. Приезд последней партии, оставшейся в Финляндии, ожидался 10 и 15 мая 1940 г.²⁷

Берия продолжал информировать Сталина о работе среди освобождённых военнослужащих,

что свидетельствовало о неослабевающем внимании руководителя силового ведомства к пленным – участникам «северной войны». 23 мая 1940 г. Берия направил Сталину новое спецсообщение «о разработке советских военнопленных», в котором глава НКВД информировал, что в порядке обмена военнопленными с Финляндией было принято 5277 «бывших военнослужащих» Красной армии, из них 373 представителя командного, начальствующего и политического состава. Указывалась национальность пленных – в лагере находилось 1368 украинцев, 176 белорусов, 19 финнов, 173 карела, 97 татар, 39 грузин, 31 коми и других. На полях документа пометка Сталина: «А русские?». В документе называлась цифра действующих штатных сотрудников оперативного отдела – 50 человек, которые до 15 мая 1940 г. допросили 1 448 «бывших военнопленных».

Берия докладывал Сталину: «В процессе работы оперативной группы из 1 448 военнопленных выявлено шпионов и подозрительных по шпионажу – 106 человек, участников антисоветского добровольческого отряда – 166 человек, провокаторов – 54, издававшихся над нашими военнопленными – 13 человек, добровольно сдавшихся в плен – 72»²⁸.

В спецсообщении приводились факты предательского поведения военнослужащих в плену, раскрывались формы их сотрудничества с лагерной администрацией и спецорганами противника. Так, будучи пленённым, кодировщик секретной части 146-го стрелкового полка 44-й стрелковой дивизии Романов редактировал контрреволюционные листовки. Перед отъездом в СССР он получил задание устроиться на работу на Беломоро-Балтийский канал или в одну из воинских частей. Красноармеец 138-го кавалерийского полка 25-й мотокавалерийской дивизии Гриппа на допросе показал, что ему неоднократно предлагалось начать разведывательную работу против СССР, войти в Финляндии в антисоветскую организацию, ставившую целью свержение советской власти «в интересах всего русского народа». Во время нахождения в плену Гриппа дал финнам письменные ответы на 50 вопросов военного, экономического и политического характера. По предложению финнов военнопленный ознакомился с антисоветской литературой, из которой он назвал три книги – «За черным чертополохом», «Корабль смерти», «Отлично сшитый фрак». За несколько дней до обмена Гриппа был переведен в тюрьму Турку, где были сконцентрированы пленные нерусской национальности. В тюрьме его неоднократно вызывал русский белогвардеец – офицер финской разведки, который предложил ему по возвращении в СССР устроиться на работу в редакцию какой-либо газеты на Ферганском канале. Офицер заявил, что, независимо от согласия Гриппы сотрудничать с финскими спецслужбами, к нему явится курьер разведки, который назовет пароль: «Где вы были 1 марта 1940 года?»²⁹.

В спецсообщении Берия сконцентрировал особое внимание на фактах вербовки советских военнопленных в добровольческий отряд, создаваемый для борьбы против СССР. По показаниям 41 военнопленного было установлено, что в феврале 1940 г. финское командование совместно с представителями белогвардейских центров сформировало из военнопленных красноармейцев и командиров добровольческий отряд для использования его в борьбе против Красной армии.

Бывший красноармеец 305-го полка 44-й стрелковой дивизии, член этого отряда Кравчук рассказал, что 25 февраля в лагере военнопленных проводилась вербовка в добровольческий отряд. В лагере № 4 в военизированное формирование записалось 152 человека. Все члены отряда были переведены в специальный лагерь, где были разбиты повзводно и где велась их антисоветская обработка. Предназначение отряда – ведение боевых действий на Ухтинском направлении совместно с разведывательными финскими частями. После заключения мирного договора у каждого завербованного спросили о его желании остаться в Финляндии, предупредив о необходимости скрыть от советских властей факт пребывания в отряде³⁰.

Некоторые военнопленные получили предложение выступить по радио с антисоветскими измышлениями и призывами к бойцам Красной армии сдаваться в плен. Военнопленные Яшин и Андреев по заданию финнов позировали на кинофабрике во время провокационных съемок. Яшин после киносъемок выступил по радио с обращением к военнослужащим Красной армии, предлагая бросать оружие, убивать политруков и командиров и добровольно сдаваться в плен³¹.

После месяца пребывания в Южском лагере большинство бывших военнопленных начало осознавать трагичность своего положения. Подтверждение тому – выдержка из отчета от 25 мая 1940 г. Управления Южского лагеря комиссару УПВИ Нехорошеву: «Бывший военнопленный Борисов Г. А. сказал: “Мы находимся не в госпитале, а в тюрьме под стражей, нам не дают открывать окна, не дают посылать письма домой. Мы были на фронте, проливали кровь, а тут сволочи нас держат, и обращаются с нами, как с заключенными”». Он категорически отказался лечить свою рану и выполнять назначение врача, при том, что рана гнойная. Требуется отправки в лагерь, заявляя: “В лагере проведут следствие и ускорят мою судьбу”»³².

Основная оперативная работа с бывшими военнопленными была завершена в намеченный срок. 29 июля 1940 г. Берия адресовал Сталину новое спецсообщение, имевшее гриф «совершенно секретно». Что нового содержалось в этом документе? Во-первых, нарком приводил окончательное количество советских узников спецлагеря, переданных финнами: 5 175 красноармейцев и 293 представителя начальствующего

состава. Во-вторых, сообщал новые факты об агентурной работе среди советских пленных с целью их вербовки для ведения подрывных действий против СССР. В-третьих, Берия информировал, что «оперативно-чекистской группой выявлено и арестовано 414 человек, избличённых в активной предательской работе в плену и завербованных финской разведкой для вражеской работы в СССР»³³.

Содержание докладной записки, направленной И. Сталину, поражает крайней жестокостью и правовым беззаконием в отношении бывших военнопленных. Берия сообщал о передаче прокурором Московского военного округа в военную коллегия Верховного Суда СССР следственных дел на 334 человека. К расстрелу было приговорено 232 военнослужащих. К моменту отправки спецсообщения приговор был приведён в исполнение в отношении 158 военнопленных. Предлагалось арестовать и предать суду Военной коллегии ещё 250 человек, «избличённых в предательской работе». Л. Берия «считал необходимым» 4354 человека, «на которых нет достаточного материала для предания суду, подозрительных по обстоятельствам пленения и поведения в плену, решением Особого Совещания НКВД СССР осудить к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком от 5 до 8 лет»³⁴. Факт огульного недоверия к военнопленным был налицо.

450 человек, попавших в плен ранеными, больными или обмороженными и на которых не было «компрометирующих материалов», освобождались и передавались в распоряжение Наркомата обороны³⁵. Человеческий балласт ведомству Берии явно был не нужен.

Допросы окончательно были завершены в течение лета и осени 1940 г. (по другим данным проверка длилась почти год, но, скорее всего, это касалось отдельных лиц). После того как дела бывших военнопленных были отправлены Особому совещанию в Москву, оттуда через несколько недель для каждого пришлось решение: «За сдачу в плен белофиннам направить в трудовые-исправительные лагеря на ...» Одни получили 8 или 10 лет лишения свободы, некоторые 5 и очень немногие – 3 года³⁶.

До недавнего времени исследователи, говоря о судьбе невольников сталинского режима – бывших узников финского плена, вывезенных в северные районы, ограничивались фразой: «Дальнейшая их судьба неизвестна». Такой же позиции придерживался и автор этих строк. Колоссальная поисковая работа, проделанная региональными исследователями, краеведами, членами общества «Мемориал», учащимися выпускных классов средних общеобразовательных школ под руководством преподавателей истории позволяет полнее и достовернее заполнить лакуну, связанную с послевоенной судьбой советских военнопленных – участников «северной войны». Её оценка неразрывно связана с эпитетом «тра-

гичная». Факты, которыми сегодня располагают исследователи, свидетельствуют о правовом беззаконии, не имевшем границ, совершившемся в тоталитарном государстве по отношению к значительной части советских бойцов и командиров, честно выполнивших свой воинский долг, но оказавшихся в плену во время боевых действий СССР против Финляндии.

Василию Петровичу Беляеву, 1909 г. рождения, уроженцу и жителю деревни Курган Прудовского сельского совета Новокарьельского района Калининской области, красноармейцу 2-й батареи 34-го стрелкового полка 75-й стрелковой дивизии, заключенному Южного лагеря НКВД, арестованному 22 августа 1940 г., было предъявлено обвинение в сдаче в плен белофиннам без оказания сопротивления. Приговорен Особым совещанием при НКВД СССР 13 сентября 1940 г. к 8 годам ИТЛ³⁷.

Иван Кузьмич Смирнов, родившийся в 1910 г. в деревне Крюково Холмжирковского района Смоленской области, во время войны с Финляндией служил в 316-м стрелковом полку 18-й стрелковой дивизии в звании красноармейца. Его участие в боевых действиях закончилось трагично – он попал в плен. Арестованный 23 августа 1940 г. ОО ГУГБ НКВД СССР, он был приговорен Особым совещанием при НКВД СССР 18 сентября того же года по обвинению в сдаче в плен белофиннам без сопротивления к 5 годам ИТЛ³⁸.

Не менее «тяжким» было «преступление» Григория Лодыгина. В финском плену Лодыгин завел записную книжку, куда добросовестно записывал, когда его вызывали на допрос, имена пленных, согласившихся сотрудничать с финнами, «антисоветские высказывания» своих товарищей по несчастью, а также свои патриотические размышления (впоследствии Лодыгин уверял следователя, что это наброски к задуманной им книге). Записная книжка попала в руки следователя. Его насторожило то, что Лодыгина вызывали на допрос 10 раз. Это было расценено как факт «особого доверия следователя финского лагеря». Обвинили Лодыгина и в том, что он якобы «составлял списки на военнопленных камеры». Но главным обвинением была связь с «финским шпионом» Тимушевым, что Лодыгин категорически отрицал. Судьба солдата Тимушева, коми по национальности, так и не установлена. Известно, что он был осужден, но дело Тимушева не найдено, обвинение и приговор неизвестны. Он до сих пор числится пропавшим без вести. А Григорий Лодыгин был обвинен в «измене Родине». 28 октября 1940 г. ОСО при НКВД СССР осудило его «за изменническое поведение в плену» на 8 лет лишения свободы. Лодыгина переводили из лагеря в лагерь. Освободился он в феврале 1948 г. из Норильского ИТЛ. Реабилитировали Григория Лодыгина только в 2002 году³⁹.

Немногим участникам «северной войны» удалось избежать трагической участи стать узниками

сталинского ГУЛАГа и пополнить скорбный список жертв сталинских репрессий. Кроме 450 раненых, контуженных, обмороженных, больных, в живых остались те из советских военнопленных, кто бежал в нейтральную Швецию и не был выдан СССР.

Бойцы Красной армии, попавшие в плен к финнам и обвиненные в нарушении воинской присяги (НВП), отправлялись в северные лагеря для «трудового воспитания». Издевательства и глумление над людьми, начало которым было положено в Южском лагере, продолжались.

Военнопленных, приговоренных к разным срокам заключения и осужденных «за сдачу в плен белофиннам», завозили в Воркутлаг ГУЛАГа НКВД СССР и Норильский лагерь. Среди них были представители рядового, сержантского и командного состава, которые получили среди заключенных иронические прозвища «солдатики» и «герои финского плена». Большинство из прибывших было направлено на строительство воркутинских шахт и железной дороги Котлас–Воркута, часть попала на шахты Норильска. Люди, видевшие в Дудинке и Норильске не один этап заключенных, запомнили один, уникальный, таким: в новенькой военной форме, с костылями и палками в руках, с бинтами на незаживших ранах, обмороженные, контуженные, пережившие войну и плен русские солдаты. Новую военную форму им вскоре заменили на лагерную одежду⁴⁰.

В Воркутинском лагере к бывшим военнопленным применили общий тюремный режим, одели в арестантскую одежду и направили на работы, выдавая пайки по нормам заключенных. Вскоре среди прибывших начались цинга и туберкулез.

О своей судьбе бывшие заключенные Южского лагеря поведали в коллективном письме к Сталину. 31 октября 1940 г. «первому депутату Верховного Совета СССР, вождю народов Советского Союза тов. И. В. Сталину» «по поручению 230 бывших военнопленных, командиров РККА», ныне «находящихся в Воркутском лагере НКВД», было отправлено письмо, подписанное А. Н. Смирновым, А. М. Светиковым, М. Волоховичем, А. Г. Самойловым, К. П. Гичаком, Т. Ф. Никулиным и А. Ф. Зубовым. С горечью и обидой участники «северной войны» писали: «Вам, тов. Сталин, решили мы написать это письмо и просить отозваться на него. Вам хотим мы рассказать о заключениях и мытарствах, переносимых нами неизвестно за что и во имя чего. Мы, группа среднего и старшего командного и начальствующего состава РККА, во время войны захваченные в плен белофиннами и возвратившиеся в СССР после заключения мира, вот уже шесть месяцев содержимся в заключении в условиях строжайшей изоляции даже без права написать семьям и в полной неизвестности об их судьбе, как люди, совершившие тягчайшее преступление

перед Родиной, хотя никто из нас в этом не виноват ни делом, ни словом, ни помышлением»⁴¹.

Заключенные сообщали, что 29 августа всех прошедших проверку в Южском лагере под усиленным конвоем и тайно привезли на железнодорожную станцию якобы для передачи НКО, подвергли обыску, заперли в вагоны и отправили в Архангельск. Там их пересадили на пароход и как опаснейших преступников доставили в Воркутинский лагерь, куда водворили, заставив пройти марш в 250 километров пешком почти босыми и полуголодными. Всю дорогу участников «северной войны» везли в военной форме, называли товарищами, прятали от людей и тщательно скрывали место назначения и цель поездки⁴².

О том, как обошлись с ними после перемещения на север, узники рассказывали так: «В Воркуте с нас сняли звёздочки, отобрали деньги и ценные вещи, подвергли дактилоскопированию и сфотографировали как обычных преступников, затем сказали, что мы арестованы и по существу запретили впредь обращение “товарищ” к начальству. На наши вопросы, чем вызвано наше превращение в арестантов и его основание к этому начальство ответило, что о нас ему ничего не известно. Основания к заключению будут после, а коли мы попали в лагерь, то являемся ни кем иным, как арестантами»⁴³.

Отдельные военнопленные искали оправдание трагическому повороту судьбы в себе, своих поступках и словах, тайно надеялись на скорое освобождение. «Обидно нам было, что нас посадили в лагерь. Морально мы были убиты, – вспоминал Иван Русаков, старший лейтенант 18-й дивизии. – И то даже считали по глупости, что это оправдано, и что и надо нас – в лагерь, потому как вдруг один из тысячи да окажется шпионом, а те, которые честные, и тут сумеют доказать, что они люди порядочные»⁴⁴.

Однако время шло, а оправдывать «героев финского плена» не собиравшись. Надежда на быстрое освобождение становилась призрачной, и ожидание грядущих перемен сменилось отчаянием. Как и тысячи невинных сталинских жертв, в сложившейся ситуации невольники особо уповали на коллективную жалобу «отцу народов».

Жертвы произвола справедливо сетовали на то, что стали узниками Воркутлага без предъявления им обвинения, без рассмотрения их дел в суде. «В чём наша вина? За какое преступление мы находимся здесь?» – лейтмотив коллективной жалобы. Бывшие военнопленные указывали на незаконное изменение их социального статуса: для заключенных и народа они до недавнего времени являлись красноармейцами, а в Воркутлаге стали изменниками Родины. «Не знаем, кому и зачем нужна эта ложь?» – вопрошали лагерники. Этот вопрос, как и тысячи аналогичных, остался без ответа.

Авторы письма сообщали, что в Воркутинском лагере содержалось 230 представителей командного состава от капитанов до младших

лейтенантов. Среди заключённых находились политруки, медперсонал, лётчики, сбитые во время выполнения боевых заданий. Поведали обращавшиеся к «вождю всех народов» и о том, при каких обстоятельствах они оказались в плену: ранеными, контуженными, обмороженными и обгоревшими, но при этом не пытавшимися скрыть своей партийной принадлежности и избавиться от партийных документов. Очевидно, по мнению авторов письма, последнее утверждение должно было стать своеобразной индульгенцией, способной смягчить наказание жалобщиков.

Заключительные строки письма, изложенные достаточно эмоционально, нельзя читать без содрогания: «Если факт нашего пленения расценивается как измена Родине, то почему нас не судят и открыто не обвиняют в этом. Мы спрашиваем себя: неужели мы изменили Родине тем, что остались и частью были оставлены на поле боя раненые, контуженные, обмороженные, обгоревшие и в таком состоянии были захвачены в плен. Мы спрашиваем себя: неужели нас, командиров РККА, по два и по три месяца провоевавших с врагами, коммунистов и комсомольцев в своей массе, можно всерьёз обвинить в добровольном переходе к белофиннам, чтобы таким образом укрыться от войны и спасти свою жизнь, за это нас изолируют, как прокаженных, оскорбляют и лгут на нас. Неужели боевые трудности и лишения на фронте, наши раны и пролитая кровь не послужили также делу разгрома белофиннов, блестящей победы над ними страны Социализма. Мы не знаем, тов. Сталин, чем объяснить то, что в стране, где действует написанная Вами Конституция, можно поступать с людьми так, как поступали с нами: молча изгонять из партии и комсомола, лишать воинских званий, ссылать на Крайний Север и заключать в лагерь. Мы понимали причины и как должное сносили издевательства финских фашистов в плену. Но горько и обидно, тов. Сталин, быть без вины виноватыми и за всё, что во имя Родины пережили на фронте и в фашистском плену, оказываясь заключёнными в своей стране. Мы просим Вас, дорогой тов. Сталин, принять меры к тому, чтобы нас, если мы изменили Родине тем, что попали в плен – по закону судили или прекратить то, что до сих пор чинится над нами»⁴⁵.

Лишь немногим удалось вырваться из воркутинских лагерей досрочно. Когда в 1941 г. в лагерях стало известно о нападении Германии на СССР, выжившие военнопленные подали заявления с просьбой о направлении их в действующую армию. В числе немногих, чья просьба была удовлетворена, оказались Николай Волков и Михаил Володарский, прошедшие всю Великую Отечественную войну. За проявленную храбрость и отвагу с Михаила Володарского, разведчика 349-го артиллерийского полка 119-й стрелковой дивизии, решением Военного совета 1-го Прибалтийского фронта была снята судимость за нахождение в финском плену⁴⁶.

Остальные военнопленные – участники советско-финской войны вышли на свободу в течение 1945–1948 гг. Введённые Н. В. Петровым в научный оборот новые архивные материалы по истории ГУЛАГа приоткрыли завесу тайны над послевоенной судьбой пленных – участников советско-финской войны 1939–1940 гг. События развивались следующим образом.

В июле 1945 г. находившийся в Потсдаме Л. Берия получил официальное письмо за подписями В. Н. Меркулова, Б. З. Кобулова и В. В. Чернышова. Текст письма гласил: «Представляем на Ваше рассмотрение проект приказа НКВД, НКГБ, НКЮ и Прокурора СССР “Об отмене специальных мероприятий НКВД, НКГБ и Прокуратуры СССР на период войны и о порядке применения амнистии к некоторым категориям преступников”»⁴⁷.

Согласно проекту приказа из исправительно-трудовых лагерей НКВД освобождались определённые категории заключённых, которых задержали в лагерях до окончания войны. В документе шла речь и о бывших военнопленных – участниках советско-финской войны. «Заключённых этой категории в лагерях содержится 816 человек, все они осуждены за сдачу в плен войскам Финляндии в советско-финскую войну 1939–1940 годов», – констатировалось в предлагаемом проекте приказа⁴⁸. На письме стояла резолюция Берия: «Решить в Москве». Принятие окончательного решения затянулось, и совместный приказ МВД, МГБ и Генерального прокурора был подписан только 24 июня 1946 г.⁴⁹

До смерти Сталина все освобождённые пленные находились под негласным надзором властей. В конце 50-х годов уцелевшие военнопленные – участники «северной войны» были реабилитированы. Каждому из них вручили справку, где указывалось, что постановление Особого совещания НКВД СССР 1940 г. отменено и уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления⁵⁰.

Итак, история советских военнопленных, ставших жертвами сталинской тоталитарной системы, свидетельствует, что крупные неудачи в советско-финской войне 1939–1940 гг. были списаны на тех, на ком не было никакой в этом вины. Налицо было отсутствие желания объективно и беспристрастно, на основании закона разобраться в каждом факте пленения советского военнослужащего, его поведения в плену. Отношение государства и его высокопоставленных руководителей к военнопленным, попавшим в финский плен, поражает своей антигуманностью, чудовищным пренебрежением к человеческой жизни. Судебные решения выносились заочно Особыми совещаниями, без предъявления обвинения и судебного разбирательства. «В финскую же войну был первый опыт: судить наших сдавшихся пленников как изменников Родине. Первый опыт в человеческой истории! – а ведь вот, поди

ж ты, мы не заметили»⁵¹, – с горечью писал об этой трагической странице в истории советского общества эпохи сталинизма А. И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ». Незаконным осуждением значительной части оказавшихся в финском плену был создан прецедент для дальнейшей расправы с теми, кто в годы Великой Отечественной войны оказался в плену, но уже в немецком. Избежали наказания только раненые, контуженные, обмороженные, сумевшие уехать в Швецию. Послевоенной реабилитации дождалась немногие.

Примечания

- 1 См.: Фролов Д. Д. Советские и финские военнопленные 1939–1944 гг. URL: <http://www.kaur.ru/docs/frolov.php> (дата обращения: 07.05.2012).
- 2 См.: Соколов Б. В. Пиррова победа (Новое о войне с Финляндией) // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990. С. 296. Примерно такую же цифру назвала Комиссия при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий: «После окончания советско-финской войны финская сторона передала советским военным властям 5,5 тыс. военнослужащих, попавших в плен». (см.: Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР. Материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 92).
- 3 См.: Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил. Статистическое исследование. URL: <http://www.rus-sky.org/history/library/w/w04.htm> (дата обращения: 07.05.2012).
- 4 См.: Степаков В. Финляндия – Воркута и далее по всему Гулагу // Парламентская газета. 2005. 1 дек.; Россия и СССР в войнах XX века.
- 5 См.: Носырева Л., Назарова Т. «Пойдем на Голгофу, мой брат...» // Родина. 1995. № 12. URL: <http://karelkurs.narod.ru/files/plen.en.html> (дата обращения: 07.05.2012).
- 6 См.: Фролов Д. Д. Советские и финские военнопленные 1939–1944 гг. URL: <http://www.kaur.ru/docs/frolov.php> (дата обращения: 07.05.2012).
- 7 Протокол-дополнение к мирному договору между Финляндией и Союзом Советских Социалистических Республик от 12 марта 1940 года. URL: <http://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 13.06.2012).
- 8 См.: Носырева Л., Назарова Т. Указ соч.
- 9 См.: Спецсообщение Л. П. Берии И. В. Сталину об обмене военнопленными с Финляндией / Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946 / сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/58727> (дата обращения: 13.06.2012).
- 10 Там же.
- 11 Соколов Б. В. Указ. соч. С. 296.
- 12 См.: Степаков В. Указ. соч.
- 13 Носырева Л., Назарова Т. Указ. соч.
- 14 См.: Спецсообщение Л. П. Берии И. В. Сталину...
- 15 Там же.
- 16 Южский лагерь был создан приказом НКВД СССР № 0308 от 19 сентября 1939 г. На территории лагеря ранее располагалась исправительно-трудовая колония НКВД для несовершеннолетних. Лагерь был перефилирован для приёма и содержания польских военнопленных, интернированных во время «освободительного похода» Красной армии в Западную Украину и Западную Белоруссию. Затем он был предназначен для финских военнопленных, захваченных в ходе «северной войны», но по иронии судьбы стал временным пристанищем для тысяч советских военнопленных – участников «непопулярной войны». Позже, в годы Великой Отечественной войны, в Южском лагере размещали пленённых солдат и офицеров вермахта.
- 17 Носырева Л., Назарова Т. Указ. соч.
- 18 См.: Спецсообщение Л. П. Берии И. В. Сталину...
- 19 Носырева Л., Назарова Т. Указ. соч.
- 20 Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР... С. 92.
- 21 Носырева Л., Назарова Т. Указ. соч.
- 22 См.: Росси Ж. Справочник по ГУЛагу : в 2 ч. М., 1991. Ч. 2. С. 321.
- 23 См.: Рогачёв М. Б. Жертвы «незнаменитой войны» // Покаяние. Матриолог : в 8 т. / сост. М. Б. Рогачёв. Т. 7, ч. 2. Сыктывкар, 2007. С. 112.
- 24 Степаков В. Указ. соч.
- 25 Там же.
- 26 Фролов Д. Д. Советско-финский плен 1939–1944. По обе стороны колючей проволоки. URL: http://www.fedydiary.ru/?page_id=4143 (дата обращения: 13.06.2012).
- 27 См.: Галицкий В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). URL: http://militera.lib.ru/research/galitsky_vp/03.html (дата обращения: 13.06.2012).
- 28 Спецсообщение Л. П. Берии И. В. Сталину...
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 Там же.
- 32 Носырева Л., Назарова Т. Указ. соч.
- 33 Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. М., 2006. С. 181.
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 См.: Росси Ж. Указ. соч. С. 321.
- 37 В. П. Беляев 17 августа 1943 г. умер в Норильлаге, где отбывал назначенный срок наказания. Реабилитирован по определению Военного трибунала Московского военного округа 17 марта 1969 г. URL: http://vizz.nlr.ru/search/lists/tver/225_21.html (дата обращения: 13.06.2012).
- 38 И. К. Смирнов был реабилитирован в мае 1958 г. Военным трибуналом Московского военного округа // Книга памяти Смоленской области. URL: <http://lists.memo.ru/d30/f335.htm> (дата обращения: 13.06.2012).
- 39 Жертвы блицкрига. Для нескольких десятков коми солдат советско-финская война 1939–1940 годов обернулась пленом, лагерями, небытием. URL: <http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/555> (дата обращения: 13.06.2012).

13.06.2012) ; *Рогачёв М. Б.* Жертвы «незнаменитой войны». С. 114.

⁴⁰ *Боднарчук О. М.* Советско-финская война в зеркале документов и воспоминаний её участников. URL: <http://2001.vernadsky.info/h1/w01005.htm> (дата обращения: 13.06.2012).

⁴¹ Цит. по: *Рогачёв М. Б.* Жертвы «незнаменитой войны». С. 123–124.

⁴² Там же. С. 124.

⁴³ Там же..

⁴⁴ *Степаков В.* Указ. соч.

⁴⁵ Цит. по: *Рогачёв М. Б.* Жертвы «незнаменитой войны». С. 125.

⁴⁶ *Степаков В.* Указ. соч.

⁴⁷ *Петров Н. В.* История империи «ГУЛАг». URL: <http://www.pseudology.org/GULAG/Glava13.htm> (дата обращения: 10.06.2012).

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ *Степаков В.* Указ. соч.

⁵¹ *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ: Собр. соч. (Малое собр. соч.) : в 7 т. М., 1991. Т. 5. С. 105.

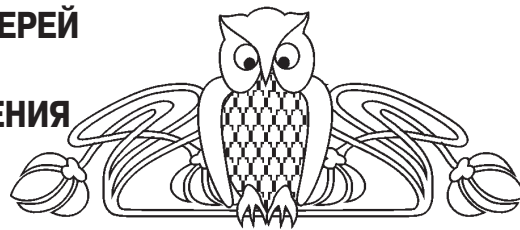
УДК 355.257.72:94(571.1)

МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛАГЕРЕЙ НКВД–МВД СССР ДЛЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ПУТИ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Н. М. Маркдорф

Международный инновационный университет, г. Сочи

E-mail: nmmark@mail.ru

В данной статье рассматриваются основные материально-бытовые проблемы, решаемые Управлениями лагерей в годы Второй мировой войны и в послевоенное время, их влияние на динамику трудового фонда военнопленных и интернированных в западно-сибирском регионе. Автор приходит к заключению, что нерешенность этих вопросов привела к увеличению санитарных потерь, сокращению трудового фонда, низкой рентабельности лагерных отделений.

Ключевые слова: Западная Сибирь, военнопленные, интернированные, трудовой фонд, материально-бытовые проблемы.

The Material and Living Conditions Problems of NKVD–MVD Camps in Western Siberia and Their Solutions

N. M. Markdorf

In this article discusses the basic material and conditioners problems of NKVD–MVD camps in Western Siberia and their solutions in World War II and the postwar period and their influence on the dynamics of the employment fund war prisoners and interned civilians in the Western Siberian region. The author concludes that the unresolved these issues were result of increased health losses, reduced labor fund, low profitability of the camps.

Key words: Western Siberia, prisoners of war, interned, working fund, issues of material and living conditions.

В период с 1943 по 1950 г. в Западной Сибири было создано 13 лагерей для военнопленных НКВД – МВД СССР, включая режимный лагерь МВД СССР № 464. Кроме того, на территории Кемеровской области с августа 1945 г. по октябрь 1949 г. дислоцировался отдельный рабочий батальон (ОРБ) № 1104 для интернированных гражданских лиц. Уже в начальный период войны руководство Кузнецкого угольного комбината дало указание всем управляющим трестов и шахт организовать специальные лагеря для заключён-

ных и военнопленных. Возведение зоны рекомендовалось завершить до 15 января 1943 года¹. Лагерь не могли своими силами возвести необходимое количество жилых построек, поэтому потребовалась финансовая помощь со стороны шахт и промышленных предприятий области².

В Тюменской области в январе 1943 г. всю работу по подготовке жилого фонда на базе помещений бывшей колонии для заключенных, выделенных по решению Обкома ВКП(б) хозяйственным организациям лесной и деревообделочной промышленности, Управление лагеря проводило форсированными темпами. Это был один из немногих лагерей, где наиболее успешно подготовились к приему контингента – выстроили 13 бревенчато-рубленых крытых тесом жилых бараков (площадью 5 973 м²), оборудовали их трехъярусными нарами и стационарными отопительными приборами или железными печами-временками. На каждом лагерном участке имелись банно-прачечный блок и дезкамеры стационарного типа, что выгодно отличало этот лагерь от других в Западной Сибири³.

В сентябре 1944 г. первые эшелоны доставили 4 286 военнопленных в лагерь № 199 в Новосибирской области⁴. Все лагерные отделения в период их организации располагали необходимым жилищным фондом общей площадью 14 859 м². Еще до прибытия пленных бараки оборудовали сплошными двухъярусными нарами, что позволило разместить весь запланированный контингент без нарушения приказа НКВД СССР о норме в два квадратных метра жилой площади на человека. Тем не менее зимой 1945 г. возникла потребность в ремонте и оборудовании помещений печами⁵. В отделениях № 1 и № 2 не успели завершить стро-

ительства бани, лазарета, дезкамеры, пищеблока, ремонтно-пошивочной мастерской, аптеки, морга, пожарного депо и гауптвахты. Их строительство планировалось закончить к началу зимнего сезона силами самих пленников⁶.

В июне–июле 1945 г. постановление ГКО о жилищном и культурно-бытовом строительстве в промышленных центрах Кузбасса за подписью В. М. Молотова обязало НКВД СССР направить в Кемеровскую область до 40 000 иностранных военнопленных и интернированных, и уже во второй половине 1945 г. лагеря Алтайского края приняли крупные партии пленников.

В первые годы руководство лагерей НКВД, как и администрация хозорганов, столкнулось с рядом трудностей. При спешном развертывании отделений не было возможности строить необходимое количество жилых помещений. Вновь прибывавший контингент превышал лимитную предельно допустимую численность лагерных зон. Особенно острым вопрос с жильем был в так называемых немецких лагерных отделениях Алтайского края, где скученность военнопленных была предельно допустимой. Например, в отделении № 1/511 (Рубцовск) в бараке, рассчитанном на 600 человек, было размещено 999 пленников⁷, остальные 600 человек до середины декабря 1945 г. жили в палатках при практическом отсутствии топлива. В лагерных отделениях № 2 и № 5 барнаульского лагеря № 128 контингент содержался в недостроенных бараках-полуземлянках, в антисанитарных условиях, без постельных принадлежностей. В лаготделении № 6 этого же лагеря Золотушинское рудоуправление поселило японцев в непригодных для жилья сырых полуземлянках⁸. Аналогичная ситуация наблюдалась и в лагере № 36⁹.

Размещение людей в непригодных для жилья, недостроенных, не оборудованных нарами очень холодных помещениях способствовало ухудшению физического состояния ослабленного контингента. Плохие санитарно-гигиенические условия повысили массовую заболеваемость и смертность. Часть хозяйственных руководителей реальных мер к созданию нормальных жилищно-бытовых условий не принимала, тем самым не прилагая необходимых усилий к физическому сохранению контингента.

В феврале–мае 1946 г. в неблагоприятные по медико-санитарным показателям лагеря Новосибирской и Кемеровской областей и Алтайского края выехали бригады ГУПВИ МВД СССР. После проведенного обследования в Кузбассе из-за неподготовленности жилого фонда к зиме было закрыто 6 лагерных отделений, в которых содержалось 4 156 человек. Так, в феврале 1946 г. вследствие отсутствия нормальных бытовых условий для проживания людей было ликвидировано отделение № 3/525 при шахте «Дальние горы» треста «Кагановичуголь»¹⁰. В том же году по аналогичным причинам были ликвидированы

лаготделение № 11 и вторая зона лаготделения № 1/525¹¹. В лаготделении № 1/503 разместили 1451 человек в помещении для скота и овощехранилищах, а на подкомандировке – в неотапливаемых вагонах-временках. В зоне отсутствовал водопровод, подвоз продовольствия и топлива был затруднен, так как ближайшая железнодорожная станция находилась в 8 км от лагеря. В отделении № 1/526 ввиду отсутствия помещений пленные немцы размещались в вагонах. Не были отстроены баня, дезкамеры, прачечная, в результате чего военнопленные проходили санитарную обработку в коммерческой бане, и из их заработной платы вычиталось по 3 рубля за мытье. Из-за отсутствия водопровода и перебоев с транспортом отделение испытывало острую нехватку воды (на 50–60%). Строительство барачков по причине отсутствия средств у хозоргана законсервировали до весны. Большая скученность и антисанитария наблюдались в деревянных бараках отделения № 6/526 на станции Яя. Баня, лазарет, стационар размещались в недостроенных помещениях, и военнопленные пользовались поселковой баней¹².

Неподготовленность лагерей Кемеровской области и Алтайского края к зиме привела не просто к массовым (прежде всего простудным и легочным) заболеваниям и дизентерии, но и к распространению в ноябре 1945 – марте 1946 г. эпидемии сыпного тифа. Наиболее высокий процент заболевших приходился на лагерные отделения, в которых жилищно-бытовые проблемы решались достаточно медленно. Военнопленные, проработав 2–3 недели, снижали норму выработки с 50 до 15–10%. На отдельных шахтах выход сократился до 30–33%, а на подземных работах – до 20%, что поставило под угрозу срыва выполнение плана. Лагерь для военнопленных нуждались в дополнительных дотациях, однако хозорганы финансовую помощь, необходимую для ликвидации образовавшейся дебиторской задолженности, оказывали неохотно. На начало 1948 г. дебиторская задолженность хозорганов за выполненные военнопленными работы составляла 5 119 330 руб.

По итогам проверки начальники западносибирских УМВД края и областей провели совещания с начальниками лагерей. ОПВИ было дано указание разослать в хозорганы предупредительные письма о том, что, во-первых, они должны ликвидировать ненормальное положение во всех лагерных отделениях, где норма жилой площади на одного военнопленного составляла 0,95–1 м²; во-вторых, в случае не обеспечения ремонта жилых помещений на предприятиях будет оставлен лишь контингент, который возможно содержать по указанным нормам; в-третьих, хозорганам запрещалось использовать пленников для благоустройства зон сверхурочно; в-четвертых, руководство промышленных предприятий обязали выполнять директивные указания УМВД¹³. Решение этих задач могло бы существенно повысить эффективность трудового использования военнопленных

и интернированных, а значит, рентабельность лагерей.

Однако на основании анализа последующих приказов и директив можно констатировать, что вышеперечисленные проблемы имели место и в следующую зиму 1946–1947 гг. В частности, бараки в большинстве лагерных отделений Кемеровской области были подготовлены к зиме на 8,4–18%¹⁴. В Алтайском крае жилищные и санитарно-бытовые условия удалось частично улучшить с началом массовой репатриации военнопленных на родину. Весной 1947 г. из лагерей № 128 и № 511 было вывезено более 8 000 человек, что дало возможность руководству Алтайского тракторного завода расселить около тысячи немцев в одноэтажных каменных зданиях с двухъярусными нарами¹⁵. Ситуация коренным образом изменилась только к концу 1947 г., хотя проблема обеспечения лагерей топливом оставалась по-прежнему актуальной. Например, Алтайский тракторный завод и «Алтайсельмаш» вплоть до лета 1947 г. с лагерями № 128 (г. Барнаул) и № 511 (г. Рубцовск) Алтайского края не заключили договоров и категорически отказывались создавать переходящий запас топлива. Вследствие этого температура в жилых помещениях лагерей колебалась в пределах 4–8°C. На открытых участках не было оборудовано обогревательных пунктов, и результатом стали простои военнопленных и невыход их на работу. На этой почве между лагерями и хозорганами сложились «нездоровые» отношения¹⁶. В 1947 – январе 1948 г. трудовой фонд лагерей резко сократился, соответственно, увеличилось число оздоровительных команд и лазаретных больных. В 1945–1947 гг. доход от деятельности лагерей Западной Сибири был незначительным, а в 1947 г. лагерь № 199, № 503 и № 525 понесли существенные финансовые убытки, выразившиеся в сумме 13 482 руб.

Начальники ряда лагерных отделений вынуждены были самостоятельно изыскивать способы решения бытовых вопросов (нелегально перебрасывать пленных на другие объекты, использовать их на сверхурочных работах). Со стороны УМВД подобная практика поощрялась, хотя во имя, казалось бы, благих целей приводила к ухудшению здоровья контингента, лишая людей полноценного отдыха.

Часть недостатков в организации быта пленных можно было своевременно устранить совместно с руководством трестов и шахт. Однако руководители хозорганов и различных комиссий по проверке жилищно-бытовых условий контингента, сформированных руководством городских властей и партийных комитетов, на территорию лагерных отделений по распоряжению администрации не допускались¹⁷. В результате промышленные предприятия не приняли должного участия в мероприятиях по подготовке к зимним условиям жилых помещений в лагерях, заготовке и подвозе топлива, ремонте и строительстве

недостающих овощехранилищ и складов, бань, дезкамер, прачечных и сушилок. Руководство лагерных отделений до мая 1947 г. жилищно-бытовые вопросы решало самостоятельно¹⁸.

В соответствии с директивой МВД СССР за № 125 от 20.05.1947 г. и письмам Министерства угольной промышленности восточных районов СССР «О мероприятиях по подготовке к зиме 1947–1948 гг. жилых, служебно-хозяйственных помещений, завоза топлива, ремонта спецодежды и обуви, обеспечения военнопленных и интернированных немцев всеми необходимыми условиями содержания»¹⁹ и приказом № 85/с по тому же министерству от 18.06.1947 г.²⁰ началась совместная работа администрации предприятий и лагерных отделений. Первым шагом в осуществлении этой программы явились ликвидация в бараках сплошных 2–3-ярусных нар и замена их двухъярусными нарами вагонного типа и железными кроватями. Обеспечение военнопленных постельными принадлежностями и бельём в соответствии с постановлением Совета Министров СССР за № 828–338 от 13.04.1947 г. было возложено на органы МВД СССР²¹.

Отчет о готовности к зиме каждого объекта на территории лагеря принимался от хозорганов комиссией в составе начальника лагеря, его заместителя по режиму и охране и врача в соответствии с приёмодаточным актом²². В результате к осенне-зимнему сезону 1947–1948 гг. лагерь смогли подготовиться более тщательно, учитывая опыт предыдущих «голодных» зим. В каждом отделении отремонтировали бараки и хозяйственные помещения, провели водопровод, создали необходимый запас топлива, привели в порядок овощехранилища, в которые завезли достаточное количество овощей и картофеля²³.

Придавая важное значение вопросам трудоустройства военнопленных и создания для них нормальных жилищно-бытовых и производственных условий, Совет Министров СССР постановлением за № 3930–1338/с от 01.12.1947 г. закрепил за военнопленными, занятыми на подземных работах горнорудной промышленности и строительстве шахт, первоочередное обеспечение всем необходимым – спецодеждой, обувью, инструментом, жильём²⁴. Это решение было еще более конкретизировано в приказе МУП восточных районов СССР за № 19/с от 29.12.1947 г.²⁵ На протяжении 1948–1949 гг. температура в бараках уже поддерживалась не ниже +16°C. В жилых помещениях был наведен должный санитарный порядок, а контингент обеспечен тюфяками, подушками, постельными принадлежностями, а также одеждой, бельём и обувью. Было отлажено банно-прачечное дело²⁶.

Вещевым имуществом западносибирские лагерь обеспечивались Управлением военного снабжения МВД Западно-Сибирского округа. В течение 1944–1946 гг. полностью одеть военнопленных по сезону не представлялось возможным,

так как контингент прибывал одетым в летнее и к тому же ветхое обмундирование. Например, в четвертом квартале 1944 г. срочно потребовалось обеспечить 8 329 пленных в новосибирском лагере № 199 зимней одеждой, но обозно-вещевая служба к поиску такого количества полушубков, телогреек и особенно валенок готова не была²⁷. Только благодаря существенной помощи промышленных предприятий выход военнопленных на работы сорван не был.

Все лагеря в Западной Сибири испытывали острый дефицит теплых вещей – не хватало фуфаяк, валенок и теплых рукавиц. Работающие на воздухе почти не обеспечивались спецодеждой и спецобувью. На большинстве немцев была ветхая, грязная, давно не стирания одежда. С целью лучшей сохранности и увеличения срока службы теплой одежды начальникам лагерных отделений предписывалось весной ее у контингента изымать и выдавать только с наступлением холодов²⁸.

Практически во всех лаготделениях были открыты комбинаты, мастерские и цеха по изготовлению и ремонту предметов быта, кухонной посуды, инвентаря, инструментов, одежды и обуви. Деятельность этих производственных предприятий контролировалась руководством лагерей и регламентировалась приказами из центра и на местах. Однако ремонт обмундирования и обуви в 1945–1946 гг. выполнялся лишь на 26–54,4%²⁹. При постоянном дефиците полушубков и валенок в результате некачественного хранения часть зимней одежды приходила в негодность и подлежала списанию. Например, летом 1946 г. в лагерях Кемеровской области было активировано 42 т разного обмундирования.

Специальные инструкции содержали рекомендации по выпуску для военнопленных суррогатированной обуви из местного сырья и промышленных отходов. В зависимости от сырьевых возможностей изготавливали следующие виды обуви: чуни веревочные, сплетенные из отходов веревки или шпагата; лапти, сделанные из лыка и бересты; «босоножки» (деревянная подошва с ремешком); для более холодной погоды шили обувь на деревянной подошве с верхом из парусины, холста, старых кожаных изделий; из утильного ватного обмундирования мастерили толстые простеганные чулки и носки, к которым снизу пришивалась подошва. Дефицитная кирзовая и кожаная обувь выдавалась только в осенне-зимнее время и с наступлением весны в принудительном порядке изымалась для ремонта и лучшей сохранности³⁰.

На основании распоряжения МВД СССР за № 36 «Об обеспечении военнопленных обувью на период весенней распутицы»³¹ начальники лагерей были обязаны снабдить весь контингент исправной кожаной или суррогатированной обувью, однако случаи невыхода на работу пленных по причине отсутствия обуви не были редкими. В декабре 1945 г. из-за отсутствия обуви в лаготделении № 1/128 остались 450 немцев и японцев;

по иным причинам (не предоставленные вовремя объекты работ, низкотемпературные условия) незадействованными оказались 200 немецких военнопленных³². Зимой 1946 г. полностью разутые 250 военнопленных отделения № 9/525 в г. Сталинске не смогли выходить на работу в течение нескольких недель. Только благодаря помощи администрации шахты «Зыряновская» и использованию этой группы пленных на подземных работах удалось поправить положение. Несмотря на объективные причины, начальнику лагерного отделения за самовольное и несогласованное перераспределение рабочей силы пришлось объясняться с партийным руководством области и администрацией треста³³. В лагерной мастерской изготовили 1 200 пар суррогатированной обуви, но пленные всячески избегали ею пользоваться, так как она вызывала появление потертостей и мозолей, из-за чего контингент выходил из строя³⁴.

Обеспечение военнопленных в лагерях и на производстве обмундированием несколько улучшилось к началу 1947 г., хотя полностью преодолеть дефицит снабжения все же не удалось. Плохо поставленный учет вещевого имущества в лаготделениях, отсутствие опыта у руководства обозно-вещевых служб, а часто и просто недобросовестное отношение к делу со стороны снабженческого аппарата создавали весьма благоприятную почву для хищений. Например, за два года вещевого склад отделения № 17/525 обкрадывали четыре раза. На протяжении 1945–1946 гг. убытки по недостатке обозно-вещевого имущества в этом лагере составили 150 000 руб.³⁵ Аналогичные случаи хищения материальных средств были выявлены и в других лагерных отделениях.

В ряде лагерных отделений мастерские организовывались за счет сокращения вывода контингента на контрагентские работы без учета и контроля нарядов и счетов по выпускаемой продукции, зачастую ширпотреб изготавливался для нужд личного состава. В результате деятельности мастерских должной прибыли не приносила и не оправдывала затрат на их содержание. Во второй половине 1947 г. продукция мастерских была взята под строгий учет, а желающие пожить за казенный счет оплатили стоимость материалов и работы пленных в кассах лагерей³⁶. Часть расходных материалов, утраченных рабочими мастерских, подлежала списанию за счет государства. Сумма списанных с баланса материальных и финансовых средств исчислялась сотнями тысяч рублей³⁷, поэтому мастерские желаемого и реального дохода не принесли и тем самым ухудшили финансовое состояние лагерей, как было намечено, не могли. К тому же, как правило, в мастерские поставлялось изношенное, требующее ремонта оборудование³⁸.

Как самостоятельные производственные единицы создавались подсобные хозяйства. Большая часть продукции подсобных хозяйств шла на плановое снабжение контингента, определенная доля использовалась для улучшения питания

офицерского и вольнонаемного состава, а также самих рабочих и служащих подсобных хозяйств. В основном к организации подсобных хозяйств как решению важнейшей государственной задачи лагеря приступали в начальный период своей деятельности.

В апреле 1945 г. было выделено 400 га для сельскохозяйственных работ лагерю № 199 в Коченевском районе г. Новосибирска. Если в 1945 г. на подотчете хозяйства числилось 10 поросят, а сев был проведен с большим опозданием и получен исключительно низкий урожай, то в начале 1946 г. было приобретено 200 поросят, 130 голов крупного рогатого скота, 10 овец и 17 лошадей, и к началу 1947 г. лагерь имел прирост в 14 коров, 226 свиней и 20 лошадей. Было получено около 7 т мяса, 294 т зерна, и лагерь полностью рассчитался с государством по полученной на обзаведение хозяйством ссуде за 1944–1946 гг., обеспечив себя семенами, фуражом и продовольствием. На участке подсобного хозяйства были построены скотный двор, две жилые землянки, овощехранилище общей емкостью 350 т, зернохранилище на 50 т, ток-рига на 150 т, а также приобретено 3 трактора. Хозяйство принесло немалую прибыль и в 1947 г., благодаря чему лагерь получил продукцию для дополнительного питания личного состава и контингента³⁹.

Однако выросшее и окрепшее подсобное хозяйство лагеря было решено передать в ведение хозяйственного отдела областного УМВД под предлогом того, что УМВД имеет собственную базу для ведения хозяйства, в то время как лагерь ведет его примитивно⁴⁰. Все попытки начальника Управления лагеря № 199 отстоять свое хозяйство и обращения к УМВД успеха не имели.

В Кемеровской области ряд производственных лаготделений был образован только в августе-сентябре 1945 г., поэтому вплоть до весны следующего года создать собственные подсобные хозяйства они не смогли. Отсутствие помощи лаготделениям со стороны хозорганов, большая удаленность поставщиков продовольствия, острая нехватка транспорта приводили к постоянным перебоям в снабжении продуктами питания. По этой причине, например, на протяжении двух недель в январе 1946 г. весь лагерь № 525 оставался без мяса и жиров, а военнопленные питались горохом, мёрзлой капустой и картофелем⁴¹. Вопрос сезонной заготовки овощей рассматривался на уровне не только начальников управлений лагерей, но и высшего руководства МВД по Кемеровской области и был возведен в ранг государственной политической задачи. В результате осенью 1947 г. удалось достигнуть существенных успехов в сборе урожая, прежде всего картофеля и других овощных культур⁴², а в 1948 г. по заготовке картофеля лагерь № 525 занял первое место по Западно-Сибирскому округу⁴³.

В Тюменской области и Алтайском крае в 1946–1947 гг. подсобные хозяйства обеспечивали

продовольственные потребности лагерей почти на 40%. Лагерь № 93 ежегодно засаживал 26 га картофелем и капустой, создав из числа военнопленных специализированные бригады из лучших работников под контролем антифашистских комитетов. На подсобные работы направлялся и ослабленный контингент. В то же время охрана на участке была организована посредственно, а в число сельхозрабочих попали лица, склонные к побегам⁴⁴. Достаточно распространенным явлением стало отравление голодных сборщиков трав ядовитыми растениями, поэтому в лагерях приняли серьезные меры и ввели запрет на употребление в пищу незнакомой зелени. В лагерях Алтайского края был существенно перевыполнен план по посеву шестнадцати видов сельскохозяйственных культур. Эти меры позволяли во многом решать проблему с питанием и, соответственно, способствовали улучшению физического состояния военнопленных и интернированных.

Подводя итоги, можно констатировать следующее. Поступающих на протяжении 1943–1947 гг. военнопленных и интернированных в основном отличала низкая трудоспособность. В 1943–1947 гг. на рентабельность труда подневольного контингента существенным образом повлияла нерешенность хозяйственно-бытовых, санитарных, продовольственных проблем. К числу наиболее серьезных недочетов в бытовом и хозяйственном обслуживании контингента в целом относились:

- а) отсутствие теплых помещений при дефиците топлива;
- б) пропускная способность бань, дезкамер, прачечных, парикмахерских (или полное отсутствие таковых), не соответствовавшая лимитной численности контингента;
- в) острая нехватка зимнего обмундирования;
- г) отсутствие в достаточном количестве и ассортименте запасов продовольствия.

Наиболее неблагоприятными по жилищно-бытовым условиям и, как следствием, по медицинским и производственным показателям являлись лагерь Кемеровской области и Алтайского края. В 1943 – первой половине 1947 г., прежде всего ввиду несогласованности действий администрации управлений лагерей, хозорганов, областных УМВД, городской и партийной власти, жилищно-бытовые и снабженческие вопросы решены не были. Серьезным образом сказывались дефицит финансовых средств и экономические трудности в условиях военного времени и первых послевоенных лет. Труд военнопленных рентабельным не был, что существенным образом сказывалось на физическом состоянии пленных и интернированных, приводило к увеличению показателей санитарных потерь.

Вопрос деятельности подсобных хозяйств и мастерских по производству ширпотреба был возведен в ранг государственной задачи. Роль подсобных хозяйств в деле обеспечения военнопленных отдельными видами продовольствия (мясом, мо-

локом, картофелем, овощами) была значительной, особенно начиная с 1948 г., когда удалось отладить механизм их работы. Однако мастерские реально-го дохода не приносили и улучшить финансовое состояние лагерей, как было намечено, не могли. Во-первых, они были организованы за счет сокращения вывода контингента на контрагентские работы; во-вторых, не учитывались наряды, счета по выпускаемой продукции и доход при подведении финансовых итогов лагерей; в-третьих, списывались с баланса материальные и финансовые убытки, исчисляемые сотнями тысяч рублей. Эти нерешенные проблемы были предметом постоянных противоречий между управлениями лагерей (заинтересованными в материально-вещевом обеспечении контингента) и промышленными предприятиями (заинтересованными в максимальном привлечении и эксплуатации трудовых ресурсов).

Проведенные за 1948–1950-е гг. мероприятия по улучшению жилищно-бытовых условий, а также отлаженный медицинский контроль санитарного состояния и снабжения в лагерях способствовали стабилизации физического состояния контингента и явились существенным фактором сохранения и восполнения трудового фонда.

Примечания

- 1 Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. Р.–415. Оп. 1. Д. 12. Л. 28.
- 2 Там же. Ф. Р.–395. Оп. 1. Д. 12. Л. 29.
- 3 Там же. Л. 6.
- 4 Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 73. Л. 85–86.
- 5 Там же. Л. 19–20, 52–53.
- 6 РГВА. Ф. 1п. Оп. 13а. Д. 8. Л. 33–35.
- 7 Там же. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 125. Л. 39.
- 8 Там же. Д. 347. Л. 25–28.
- 9 Там же. Д. 12. Л. 268, 392–393.
- 10 ГАКО. Ф. Р.–194. Оп. 2. Д. 6. Л. 6.
- 11 Военнопленные в СССР. 1939–1956 гг. : Документы и материалы / сост. М. М. Загоруйко, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская ; под ред. М. М. Загоруйко. М., 2000. С. 251.
- 12 РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 17. Л. 115–117.
- 13 Там же. Л. 134–136.
- 14 РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 17. Л. 140–141.
- 15 Букин С. С. Военнопленные в Новосибирске. Исторический очерк и документальная коллекция. Новосибирск, 2005. С. 45.
- 16 Информационный центр Главного управления внутренних дел Алтайского края (далее – ИЦ ГУВД АК). Ф. 17. Оп. 1. Д. 6. Л. 114–116.
- 17 ГАКО. Ф. П.–75. Оп. 2. Д. 205. Л. 72.
- 18 Там же. Ф. Р.–454. Оп. 1. Д. 67. Л. 119.
- 19 ГАКО. Ф. Р.–194. Оп. 2. Д. 22. Л. 87.
- 20 ГАКО. Ф. Р.–456. Оп. 1. Д. 34. Л. 220.
- 21 Там же. Л. 230; Оп. 4. Д. 39. Л. 165.
- 22 Там же. Ф. Р.–456. Оп. 4. Д. 36. Л. 225.
- 23 Там же. Ф. Р.–194. Оп. 2. Д. 22. Л. 140; Ф. Р.–248. Оп. 3. Д. 7. Л. 129.
- 24 Там же. Ф. Р.–456. Оп. 4. Д. 43. Л. 356, 387.
- 25 Там же. Ф. Р.–456. Оп. 1. Д. 49. Л. 59.
- 26 Во второй половине 1948 г. были ликвидированы лагеря в Новосибирской и Тюменской областях и Алтайском крае.
- 27 РГВА. Ф. 1п. Оп. 9в. Д. 73. Л. 45.
- 28 Военнопленные в СССР. 1939–1956 гг. : Документы и материалы. С. 393–395.
- 29 РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 17. Л. 134–135.
- 30 Там же. Л. 378–379.
- 31 Там же. Л. 419.
- 32 Там же. Ф. Р.–456. Оп. 1. Д. 23. Л. 31.
- 33 Там же. Ф. П.–75. Оп. 2. Д. 3. Л. 61–62.
- 34 РГВА. Ф. 1п. Оп. 15 а. Д. 17. Л. 135.
- 35 Там же. Д. 352. Л. 41.
- 36 Информационный центр Главного управления внутренних дел Кемеровской области (далее – ИЦ ГУВД КО). Ф. 11. П. 7. Д. 7. Л. 31–32.
- 37 Например, с марта 1946 г. по февраль 1947 г. в лагере № 503 сумма убытков в мастерских ширпотреба, в результате хищений, внепланового расходования средств и материалов составила 31 785 руб. 91 коп. См. ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 9. Д. 4. Л. 56–59.
- 38 ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 2. Д. 2. Л. 169–170.
- 39 РГВА. Ф. 1п. Оп. 13з. Д. 12. Л. 64–65.
- 40 Там же. Л. 67.
- 41 ГАКО. Ф. Р.–194. Оп. 2. Д. 6. Л. 38–39; Ф. П.–75. Оп. 2. Д. 3. Л. 61–62.
- 42 ИЦ ГУВД КО. Ф. 11. П. 8. Д. 2. Л. 17–18.
- 43 РГВА. Ф. 1п. Оп. 15а. Д. 352. Л. 19.
- 44 ИЦ ГУВД ТО. Ф. 27. Оп. 20. Д. 11. Л. 140–141.

УДК 94 (470.62/67).084.8|1941/1945|

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАВДА ИЛИ ИСТОРИЧЕСКИЙ МИФ?

А. П. Мякшев

Саратовский государственный университет
E-mail: myakshev@mail.ru

В статье на примере изучения непростой этнополитической ситуации на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны решается проблема соотношения исторической науки и власти, исторического факта и исторического мифа. Отвергается возможность предать забвению «неудобные» исторические факты ради сиюминутной политической выгоды. Обосновывается положение о необходимости синергетического подхода к анализу любого исторического явления.

Ключевые слова: исторический факт, исторический миф, коллаборационизм, депортация народов, власть.

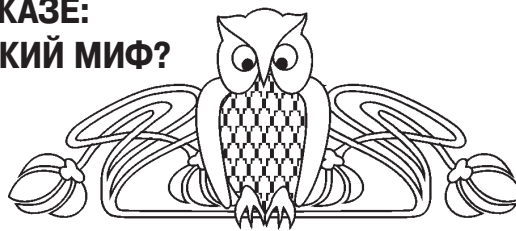
Collaboration in the North Caucasus: Historical Truth or Historical Myth?

A. P. Myakshev

The problem of correlation between historical science and State power, between historical fact and historical myth, is analysed in the article on the investigation example of nonsimple ethno-political situation in Northern Caucasus during the Great Patriotic War. The possibility of consigning to oblivion "annoying" historical facts for the sake of momentary political benefit is rejected. The point of the necessity of the synergetic approach to an analysis of any historical phenomena is proved in the article.

Key words: historical truth, historical myth, collaboration, peoples' deportation, State power.

Всплеск интереса к проблемам коллаборационизма на Северном Кавказе связан с прозвучавшими летом-осенью 2010 г. обвинениями в пропаганде национализма и ксенофобии в адрес двух московских историков – А. И. Вдовина и А. С. Барсенкова. Неприятие либеральной общественности вызвало следующее положение А. И. Вдовина: «Помимо коллаборационистов, по данным НКВД Советского Союза, начиная со второй половины 1941 г. по июль 1944 г., по Союзу Советских Социалистических Республик было выявлено 1 млн 210 тыс. дезертиров и 456 тыс. уклонявшихся от службы в армии. К примеру, 63 процента чеченских мужчин, призванных в армию в начале войны, нарушили присягу и стали дезертирами»¹. Известный российский исследователь истории межнациональных отношений в СССР и современной России А. И. Вдовин в развернувшейся общественной дискуссии предпочел сослаться на данные, приведенные в монографии саратовского ученого В. Н. Данилова: «По данным политуправления Северо-Кавказского военного округа от мобилизации уклонилось 63% жителей Чечено-Ингушетии, подлежащих призыву.

Косвенно эти данные подтверждают и подсчеты, произведенные Н. Ф. Бугаев по архивным документам НКВД: численность лиц, направленных из республики в армию – 17 413 человек, то есть всего немногим более 2% от общего количества населения Чечено-Ингушетии, тогда как по другим российским регионам к концу 1943 г. это, по нашим подсчетам, составляло 10–15%»².

Развернувшаяся «кампания» против профессоров МГУ к научной дискуссии не имела ни малейшего отношения: получившие известность факты в научный оборот были введены давно, аргументы в виде архивных документов и материалов сомнений прежде не вызывали. Однако это не помешало приведенные факты квалифицировать как «клевету на чеченский народ», а исторические источники назвать «стряпней гэбни».

Вряд ли нужно оспаривать тот факт, что конечной целью критики историков было желание в условиях сложной этнополитической ситуации на Северном Кавказе «предать забвению» «неудобные» факты. В условиях отсутствия у молодого российского государства внятной стратегии развития межнациональных отношений подобный «разнос» вполне мог быть расценен как попытка власти учредить новую концепцию «решения национального вопроса», проигнорировав при этом общеизвестные исторические факты и их оценку в исторической науке, опираясь исключительно на исторические мифы. Между тем выводы А. И. Вдовина довольно легко подтверждаются многочисленными документами и материалами.

Вряд ли принципиально различие категорий «уклонившиеся от призыва» и «дезертиры». В условиях военного времени людей, сбежавших с фронта из действующей армии, и людей, всеми правдами и неправдами избегавших мобилизации в воюющую армию, правомерно называть дезертирами, синонимично – предателями, изменниками. И в данном случае неважно, принимали они присягу или еще не успели. Важно другое – установлен исторический факт нежелания части мужского населения одной из советских республик сражаться за свою страну, Родину, в конечном счете, за советскую власть. Собственно, историк выполнил свою задачу в полной мере – разыскал, «добыл» источник, доказал его подлинность, представил содержащиеся в данном документе сведения на общественный суд. Последующая «жизнь» документа и заключенной на его стра-

нища информации (то, что квалифицируют как интерпретацию) представляет собой не что иное как использование источника в утилитарных политических целях. При этом для политиков обнаруженные и «обнародованные» исторические факты ценны в качестве аргументов для достижения сиюминутного политического успеха. Для историка же каждый новый документ-источник – это возможность приблизиться к более глубокому пониманию «ушедшего» прошлого, возможность рационального и логичного объяснения-анализа произошедшего. Подавляющее большинство историков-профессионалов с сожалением вынуждено согласиться с непреложным фактом – историческая истина относительна и частична в своей полноте. Поэтому проблема коллаборационизма на Северном Кавказе – в значительной степени проблема доверия и критики исторических источников.

Из отчета Грозненского обкома за 1946 г.: «К началу 1946 г. на территории области в горной ее части продолжало скрываться **значительное** (выделено мною – А. М.) количество чеченцев, уклонившихся в 1944 году от переселения в Среднюю Азию»³. Этот вывод нового руководства территории бывшей национальной республики свидетельствует лишь об отсутствии у него точных сведений о количестве «уклонившихся» и убежденности в том, что таковых много. Безусловно, укрывшиеся в горах и лесах чеченские мужчины не бездействовали: «Там же скрывалось 8 чеченских вооруженных бандитских групп, которые проводили нападения на колхозный скот и квартиры колхозников, совершая ограбления, и иногда убийства»⁴. Власть не просто констатировала факт «значительного» наличия уклонившихся от депортации и сообщала в Центр о масштабах «сопротивления в горах», но и демонстрировала свои усилия по наведению порядка на подконтрольных ей территориях: «За истекший 1946 год местными органами МВД проведена значительная работа по очищению области от бандитских элементов и уклонившихся от переселения чеченцев. Было арестовано, легализовано и ликвидировано в перестрелке бандитов 49 человек, выведено из гор и отправлено в Среднюю Азию уклонившихся от спецпереселения в 1944 г. 504 человека». А вот в следующее заключение верится с трудом: «На 1.1.47 года уклонившихся от спецпереселения чеченцев и ингушей не имеется. Осталось неликвидированными 2 бандитские группы общей численностью 13 человек. Однако органы МВД ведут активную работу по их ликвидации»⁵. Стремись показать Москве свои успехи в борьбе с «сопротивлением в горах», местная власть преуменьшала как масштабы антисоветского движения, так и степень угрозы, исходившей от него. Понимая, что «борьбе» «пока конца не видно», обком «доводил» до руководства страны сведения о «значительном» количестве скрывающихся и тут же «уточнял»: 2 группы численностью 13 человек. Составители

отчета хорошо знали правила и главный принцип «аппаратной отчетности»: свои усилия преувеличить, масштаб угрозы преуменьшить и т. д.

Сотрудничество с врагом, конечно же, было не только на территории Чечено-Ингушской АССР, не только чеченцы и ингуши были депортированы со своей исторической родины в связи со вскрывшимися фактами сотрудничества с фашистами (А. Голубовский, взявший на себя смелость рассуждать о непрофессионализме историков А. И. Вдовина и А. С. Барсенкова, в числе депортированных народов называет почему-то черкесов⁶).

Составители записки Г. М. Маленкову «О положении в Кабардинской АССР» факты, по их признанию, почерпнули из сообщений кабардинского руководителя т. Мазина и других материалов, поступивших в ЦК ВКП(б) из республики. Вывод четкий: «... среди кабардинского населения распространены факты дезертирства из Красной Армии». Приводятся следующие доказательства: «В ряды Красной Армии призвано около 25 000 кабардинцев, из них дезертировало и при отступлении осталось на оккупированной территории Кабарды 5 506 человек, направлены в спецлагеря НКВД 4 939 человек, арестовано за дезертирство 567 человек»⁷. Существуют и сведения о недостойном поведении части кабардинцев на фронте: «Созданная из кабардинцев и балкарцев 115 национальная кавалерийская дивизия при первом столкновении с врагом показала неустойчивость – до 700 человек покинуло фронт, в большинстве своем с оружием ушли в банды, часть перешла на сторону врага»⁸.

На оккупированной территории часть кабардинцев активно пособничала врагу: «Немцам удалось, опираясь на буржуазно-националистические элементы, создать из числа кабардинцев один эскадрон национального легиона общей численностью до 200 человек, а также карательный отряд по борьбе с партизанами. Такие карательные отряды были созданы в Нагорном районе из 28 человек, в Кубанском районе из 31 человека, в Зольском районе из 32 и других районах»⁹. Правда, не совсем понятно, с какими партизанами собирались бороться эти «каратели»: «Партизанские отряды, сформированные в республике, по существу не действовали в период немецкой оккупации. Больше 50% партизан перешли линию фронта и добровольно сдались немцам, где и жили со своими семьями. Партизанский отряд Нальчикского района полностью перешел к немцам. Значительная часть людей из партизанских отрядов с оружием в руках ушла в банды»¹⁰. Судя по приведенным выше фактам, ситуация на территории бывшей советской республики была стабильной: «В Кабарде немцы чувствовали себя сравнительно спокойно. За все время оккупации не зарегистрировано ни одного случая убийства немцев местным населением или саботажа немецких мероприятий»¹¹.

Если следовать логике советских идеологических служб, «местное население» – «забитое», «темное», «эксплуатируемое», одним словом, один из «заклоченных» российской «тюрьмы народов», – могло быть обижено на советскую власть. Что же коммунисты? Как воевали с врагом те, кто до прихода фашистов в Кабарде власть «осуществлял»? И вновь документы свидетельствуют недвусмысленно и «без иронии»: «На оккупированной немцами территории оставалось 2 723 коммуниста, или 72% парторганизации и некоторая часть руководящих работников. Не эвакуировались три первых секретаря райкома партии. Значительная часть оставшихся на оккупированной территории коммунистов регистрировались в органах гестапо и немецкой полиции. Несколько коммунистов оказались в числе немецких старост и полицейских. Как показала проверка, некоторые коммунисты были завербованы немцами ... Факты предательства коммунистов не единичны. Из 2 733 коммунистов, оставшихся на оккупированной территории, на 1 июня 1944 года Кабардинский обком партии проверил 1 691 человек, из них исключено из партии 1 299 человек или 75%. Из этого числа исключено за регистрацию в органах гестапо 109 человек, за предательство и измену Родине – 42 человека, за бандитизм – 95, за связь с полицией – 50, за работу у немцев – 308 и т. д.»¹².

В конечном счете отсутствие сопротивления на оккупированной территории Кабарды можно объяснить «свирепостью и жестокостью нового порядка». В таком случае следует признать, что страх периода оккупации был столь силен, что и после ухода немцев их боялись больше, чем «советского тоталитарного» режима. «После освобождения территории Кабардинской республики от немецких оккупантов многие немецкие ставленники и лица, замешанные в связи с немецкими оккупантами из числа кабардинского населения, стали организовывать банды. Для этой цели немцы, учитывая сочувственное отношение к ним значительной части кабардинского населения, сбрасывали диверсантов. Всего за это время было сброшено на территорию Кабардинской АССР 92 парашютиста, из них 86 – в 1944 году. Кабардинцев среди этих немецких парашютистов-диверсантов – 68 человек ... Из числа заброшенных парашютистов ввиду поддержки их со стороны местного кабардинского населения 6 человек до сих пор еще не найдено»¹³. К тому же в Кабарде «было организовано 30 бандитских и дезертирских групп из числа кабардинского населения в составе 507 человек»¹⁴.

Представляется, что все эти факты свидетельствуют о негативном отношении значительной части кабардинского этноса к советской власти и Советскому государству в наиболее драматический период его существования. Можно предположить, что подобное поведение вызвано отнюдь не фактором войны и боевых действий,

складывающихся в 1941–1942 гг. для Советского Союза крайне неудачно. Во всяком случае еще «до прихода немецких войск население отдельных сел послало своих представителей для связи с немцами, получения указаний от них по организации местного самоуправления», а в «некоторых населенных пунктах (Куркужин – Кубинского района, Шардаково – Зольского района, Каменомостское и Сармаково Нагорного района и др.) советская власть фактически была ликвидирована еще до прихода немцев»¹⁵. Следует отметить, что речь идет о народе, который избежал участи депортации. Да и власть стремилась «наказать» «особо провинившихся». Стоит ли сомневаться после этого, сотрудничали или нет? Историческая наука как раз и призвана устранять подобные сомнения, не забывая при этом, что любое историческое явление неоднородно и крайне противоречиво.

Необходим объективный и разносторонний подход к оценке положения депортированного населения. Очевидно, что положение насильно переселенных в местах ссылки было крайне тяжелым. Документы свидетельствуют, что 211 чеченских семей в Казахстане «живут в курятниках, банях, скотных дворах, а многие находятся под открытым небом». Насильно переселенных чеченцев не принимали в колхозы, «продукты питания плохо выдаются»¹⁶. Отношение местного населения было преимущественно враждебным: «В некоторых колхозах Кучалинского района Талды-Курганской области на домах, где проживают чеченцы, делаются оскорбительные надписи. Есть случаи избиения и самосуда. Председатель колхоза им. Молотова Набоков заявил: “Чеченцы – это враги наши, так пусть они подохнут все до единого, туда им и дорога, а тут заставляют нас о них заботиться”»¹⁷. В Узбекской ССР положение чеченцев было не лучше: «Всего в Узбекистане за три месяца (до 1 октября 1944 г.) из 70 135 трудоспособных спецпереселенцев 10 810 человек не работают по болезни и умерло от разных болезней 2 680 человек»¹⁸. Еще одно свидетельство: «В первые годы проживания чеченцев и ингушей в Казахстане и Киргизии наблюдалась высокая смертность и низкая рождаемость. С 1944 по 1947 г. родилось 15,7 тысяч чеченцев, а умерло 93,5 тысяч чеченцев»¹⁹.

А вот оценка положения чеченцев и спецпоселенцев других национальностей к концу 1940-х гг.: «Начиная с 1948 г. рождаемость чеченцев стала превышать смертность. Так, в 1953 г. родилось 16,6 тысяч человек, умерло 6 тысяч человек ... живут не хуже, чем на Северном Кавказе ... Из 89,8 тысяч семей 73,3 построили себе дома»²⁰. А балкарцы «живут не хуже, а некоторые лучше», «из 6 148 балкарских семей в сельской местности – 4 900 построили себе дома»²¹. По заверениям самих карачаевцев, «многие из них материально живут лучше, чем до переселения. Около 12 тысяч семей имеют свои дома»²². Разве историк вправе исключать подобные факты из

своего исследования в угоду изменившейся политической конъюнктуре?

А может ли историк давать такую оценку целому народу: «Чеченцы и ингуши, находясь во вражде с русским народом и являясь носителем межнациональной вражды, объективно помогли контрреволюции и служили помехой дружбе народов на Северном Кавказе»²³? Крайне неисторическое суждение, подобное противоположному мнению, широко распространенному среди чеченцев и ингушей, находившихся на режиме спецпоселения: «Известно, что чечено-ингушский народ в годы революции стоял крепко как гранит за установление Советской власти на Северном Кавказе, тогда как осетины, грузины и терские казаки были сторонниками и поддерживали интервентов-деникинцев» (Цитата из письма У. У. Ажигова из Южно-Казахстанской области 28 июня 1956 г.)²⁴. Обе позиции эмоциональны, к научной экспертизе не имеют никакого отношения, зато как нельзя лучше демонстрируют мироощущение двух полярных политических сил. Показательно, что сегодняшние «критики» учебника Вдовина–Барсенкова мыслят и действуют в подобной системе координат. Ясно одно – к исторической науке и логике ее развития «обвинение» московских профессоров в ксенофобии никакого отношения не имеет.

Историческая реальность многомерна и противоречива. Главная задача историка – вскрыть эту многомерность и противоречивость. Требование «Не утай!» должно стать ориентиром в деятельности историка-профессионала. Рассказывая о дезертирах и предателях, он обязан видеть и другую сторону медали. В специальной литературе давно существует утверждение о том, что две трети из 18,5 тысячи призванных в действующую армию из Чечено-Ингушской АССР были добровольцами, что среди частей, прославившихся своей стойкостью и мужеством при защите Сталинграда, был 255-й отдельный чечено-ингушский полк. Правда о чеченцах будет не полной, если историк «забудет» о подвигах пулеметчика Ханпаши Нурадилова, снайпера Абухажи Идрисова, кавалериста Мовлида Висайтова и других чеченцев-героев. Нет ничего вредного и в историческом мифе о старшем лейтенанте-чеченце Бурханове, которого некоторые издания называют последним защитником Брестской крепости, и в красивой легенде о сотне боевых офицеров-чеченцев, простоявших после депортации и приказа об увольнении всех чеченцев с фронта на Красной площади целый день и, благодаря вмешательству К. К. Рокоссовского, вновь отправленных воевать с врагом.

Можно согласиться с известным историком-политиком, теперь министром культуры В. Р. Мединским, что «позитивная мифология определяет нравственные императивы народа», поскольку «мотивирует его на свершение дел

мощных, добрых, достойных нашей великой истории и великих предков». Однако необходимо протестовать против другой сентенции историка-министра: «Факты сами по себе значат не очень много. Скажу еще грубее – в деле исторической мифологии они вообще ничего не значат. Факты существуют только в рамках концепции. Все начинается не с фактов, а с интерпретации»²⁵. Вот, собственно и ответ на вопрос, чем отличается история от политики? Историк анализирует факты вне зависимости от того, «негативные» они или «позитивные», политик же «оперирует» фактами и мифами для достижения политических целей, зачастую далеких как от исторической реальности, так и от общечеловеческих ценностей, выработанных в результате познания многовекового исторического опыта.

Примечания

- ¹ Барсенков А. С., Вдовин А. И. История России. 1917–2009. М., 2009. С. 12.
- ² Данилов В. Н. Советское государство в Великой Отечественной войне : Феномен чрезвычайных органов власти 1941–1945 гг. Саратов, 2002. С. 252.
- ³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 732. Л. 49.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: Новое «дело историков». Русский взгляд на историю. М., 2010. С. 110.
- ⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 614. Л. 14.
- ⁸ Там же. Л. 16.
- ⁹ Там же. Л. 17.
- ¹⁰ Там же. Л. 18.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Л. 19, 20.
- ¹³ Там же. Л. 13.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Л. 16.
- ¹⁶ Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 635. Л. 262.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 119.
- ²⁰ Там же. Л. 120, 121.
- ²¹ Там же. Л. 114.
- ²² Там же. Л. 105.
- ²³ Киреев Е. П. Рабочий класс и большевистская организация Грозненского нефтепромышленного района в революции 1905–1907 гг. Грозный, 1950. С. 6; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 106. Д. 528. Л. 5.
- ²⁴ См.: ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 75. Д. 360. Л. 8.
- ²⁵ Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2012. С. 657–658.

ХРОНИКА

УДК 94(44).022: 303.446.4

НАД РАЗГАДКАМИ ТАЙН ГОРОДОВ ПРОВАНСАЛЬСКОГО ЮГА ФРАНЦИИ (о научно-педагогической деятельности М. Е. Беляевой)

А. Н. Галямичев

Саратовский государственный университет
E-mail: galymichev57@mail.ru

В статье рассматривается научно-педагогическая деятельность доцента кафедры истории средних веков Саратовского университета М. Е. Беляевой, выявляется её вклад в изучение истории средневековых городов Южной Франции.

Ключевые слова: средневековый город, Каркассон, историческая урбанистика, М. Е. Беляева.

Investigator of History of Towns Provençal South of France (About Scientific-Pedagogical Activity of M. E. Belyaeva)

A. N. Galyamichev

The author of this article examine scientific-pedagogical activity of assistant professor of Medieval History chair in Saratov state University named after N. G. Chernyshevskij M. E. Belyaeva, define his contribution in study of history of towns of South France in the Middle Ages.

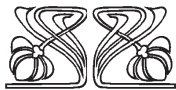
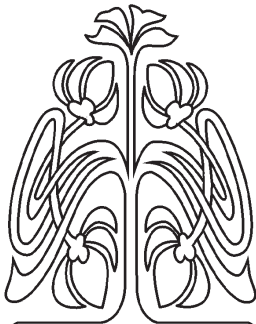
Key words: town in the Middle Ages, Carcassonne, historical urbanistic, M. E. Belyaeva.

12 мая 2012 г. исполнилось 70 лет историку-медиевисту Маргарите Елисеевне Беляевой, работавшей на кафедре истории средних веков Саратовского университета с 1970 по 2007 г. Юбилейная дата всегда является поводом подвести итоги прожитого и сделанного. Данная публикация подготовлена на основе доклада, который был прочитан автором этих строк на семинаре «Город и общество», и имеет целью дать такого рода характеристику научно-педагогической деятельности М. Е. Беляевой¹.

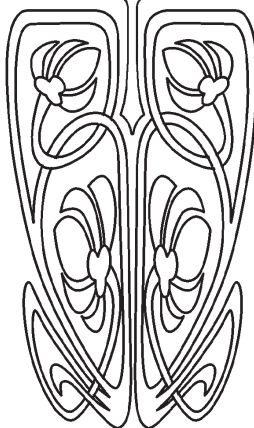
Родиной будущего историка средневековых городов Франции было село Екатеринославка Амурской области. Закончив среднюю школу в Дальневосточном крае и успев по её окончании поработать несколько месяцев в Амурской областной библиотеке в городе Благовещенске, Маргарита Елисеевна в 1962 г. поступила на исторический факультет Саратовского университета, с которым связана вся её дальнейшая судьба.

Избрав в качестве специализации историю средних веков, Маргарита Елисеевна успешно защитила дипломную работу и в 1967 г. поступила в аспирантуру. Её научным руководителем стал видный учёный-медиевист Соломон Моисеевич Стам, который в это время заканчивал работу над монографией «Экономическое и социальное развитие раннего города. Тулуза XI–XIII вв.»², защищенную им в 1969 г. в качестве докторской диссертации.

Монография С. М. Стама содержала обоснование новой оригинальной концепции истории средневекового города, которая открывала широкие возможности для дальнейшего осмысления как феномена средневекового урбанизма, так и судьбы западноевропейского средневекового общества в целом. Обоснование концепции стало краеугольным камнем становления саратовской школы историков средневекового

ПРИЛОЖЕНИЯ

города, которая получила признание как в нашей стране, так и за рубежом. Очень важную роль в её становлении сыграли кандидатские диссертации учеников С. М. Стама – Т. М. Негуляевой, В. И. Осипова и М. Е. Карпачёвой (эту фамилию М. Е. Беляева носила до 1991 г.)³.

В этих диссертациях на материале разных городов и различных аспектов городской истории молодые исследователи давали во многом новую трактовку классических вопросов средневековой урбанистики и ставили новые. Именно кандидатская диссертация М. Е. Карпачёвой «Возникновение и ранний этап развития средневекового Каркассона и мелких городских центров Каркассонского района», защищённая ею в Саратовском университете 28 июня 1973 г., по своей проблематике ближе всего стояла к теме монографии С. М. Стама.

По-видимому, это был один из тех сюжетов, от которых Стаму пришлось отказаться в ходе работы над диссертацией. Ведь первоначально он планировал охватить все города провансальского юга Франции, поставив перед собой цель выявить глубинные причины возникновения на юге Франции мощнейшего в Западной Европе очага еретичества. Историк вспоминал: «...меня при этом более всего привлекали южнофранцузские, собственно, лангедокские города, социально-экономическая почва которых вызвала к жизни широкое альбигийское движение»⁴.

Однако в процессе начатого исследования он был вынужден пойти по пути самоограничения: «Видя, какая гора интереснейших выписок вырастает под моим пером, как необъятен этот материал, я пришёл к выводу, что “растекаюсь мыслию по древу”». Нельзя объять необъятное – рискуешь расплзтись по поверхности. Нужно ограничить себя. Нужно сосредоточиться на истории одного, наиболее выразительного города региона – на экономической и социальной истории Тулузы»⁵.

Отказаться от истории Каркассона и окружающих его малых городов С. М. Стаму, вероятно, было особенно трудно, поскольку с Каркассоном связаны едва ли не самые драматические страницы истории Альбигийских войн.

Закономерно, что ранняя история Каркассона стала предметом специального изучения в кандидатской диссертации его аспирантки М. Е. Карпачёвой. Подготовленная ею диссертация проливали свет на средневековое прошлое одного из самых загадочных, овеянных множеством легенд городов провансальского юга, но при этом затрагивала коренные проблемы средневековой урбанистики.

Первая из них – проблема античного наследия, континуитета или дисконтинуитета на рубеже древности и средних веков в развитии западноевропейского города, являвшаяся предметом оживлённой дискуссии в отечественной средневековедении в 1960-е гг. История Каркассона – города с античными корнями, являвшегося

важным военно-административным центром королевства вестготов и государства франков, оставившего след в бурном водовороте событий арабского завоевания, – представляет собой благодатное поле для исследователя этой проблемы⁶. Вывод, к которому пришла М. Е. Карпачёва, изучив источники о судьбах Каркассона в эпоху раннего средневековья, был важен для участников дискуссии, и материалы её исследований дали немало веских аргументов в пользу сторонников вывода о гибели античного города на пороге средних веков и его рождении спустя столетия как принципиально нового социально-экономического явления.

В кандидатской диссертации и в специальной статье⁷ М. Е. Карпачёвой был также рассмотрен новый для тогдашней отечественной средневековедения вопрос о догородских очагах и их месте в градообразовательном процессе. Определяя догородский очаг как поселение, обладавшее благоприятными условиями для зарождения городской жизни, М. Е. Карпачёва вместе с тем показывала, что в догородском очаге содержались лишь возможности, которые реализовывались далеко не всегда, а только в тех случаях, когда в нём начинали действовать новые преобразующие экономические и демографические силы, создававшие прочные основы городской жизни⁸. Статья М. Е. Карпачёвой до сих пор остаётся единственной специальной работой по этому вопросу в отечественной урбанистике.

Особое место в работе М. Е. Карпачёвой заняло осмысление самого процесса градообразования. Здесь ей удалось выявить ряд новых важных для понимания этого процесса явлений. В рецензии на первые выпуски сборника «Средневековый город» виднейший отечественный урбанист А. А. Сванидзе посчитала необходимым отметить: «В статьях М. Е. Карпачёвой речь идёт как бы о двух волнах средневекового градообразования. Результатом первой было складывание относительно немногочисленных городов, в большинстве случаев центров своего района, каким был и г. Каркассон; вторая, связанная в Европе уже со зрелым феодализмом, выразилась в расцвете многих городов, возникших ранее, и в складывании множества мелких городков и торгово-ремесленных местечек, составивших наиболее густую сеть товарного хозяйства. В успешном конкретном исследовании этого последнего процесса заключается большая заслуга автора»⁹.

Можно в связи с этим также отметить, что работа М. Е. Карпачёвой вписывалась в контекст тенденций развития мировой урбанистики, затрагивая проблематику малого города как особого феномена средневекового урбанизма¹⁰.

Защитив диссертацию, Маргарита Елисеевна продолжала публиковать работы по проблематике ранней истории городов провансальского юга, уделяя особое внимание вопросам своеобразия

коммунального движения, еретических движений и антиинквизиционной борьбы горожан. С научной работой тесно смыкалась преподавательская деятельность М. Е. Карпачёвой-Беляевой, помимо общих курсов читавшей спецкурсы по истории и историографии средневекового города, руководившей подготовкой дипломных работ по урбанистической проблематике.

Давая общую оценку вкладу М. Е. Беляевой в отечественную медиевистику, следует отметить, что её работы по истории южнофранцузских городов известны сегодня всем историкам России и стран СНГ, профессионально занимающимся медиевистикой. Думается, что давно назрела необходимость обобщения материалов исследований М. Е. Беляевой в рамках монографического исследования.

Российские медиевисты с интересом встретят и другие публикации М. Е. Беляевой, и прежде всего выполненные ею поэтические переводы произведений провансальских трубадуров. Впервые она познакомилась с ними коллег ещё в 1993 г. на научной конференции, посвящённой 80-летию С. М. Стама. Участники конференции были единодушны во мнении о желательности скорейшего опубликования этих переводов, однако эти пожелания до сих пор остаются нереализованными. Таким образом, у сегодняшнего юбиляра обширное поле научных проектов, которые ждут исполнения.

Основные научные труды М. Е. Карпачёвой-Беляевой

1971

Возникновение Каркассона как средневекового города // Некоторые вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1971. С. 171–186¹¹.

1972

Каркассон от античности к средневековью // Античный мир и археология. Саратов, 1972. Вып. 1. С. 108–122.

1973

Возникновение и ранний этап развития средневекового Каркассона и мелких городских центров Каркассонского района: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1973.

Проблема возникновения средневекового города во французской историографии (преимущественно по материалам городов Южной Франции) // Историографический сборник. Саратов, 1973. Вып. 1(4). С. 155–170.

1974

Догородские очаги и начало градообразовательного процесса в каркассонском районе в средние века // Средневековый город (Далее – СГ). Саратов, 1974. Вып. 2. С. 53–80.

1975

Становление ремесленно-торговой экономики в мелких городских центрах Каркассонского

района в средние века // СГ. Саратов, 1975. Вып. 3. С. 34–53.

1978

Ранний этап коммунального движения в средневековом Каркассоне // СГ. Саратов, 1978. Вып. 4. С. 3–19.

Антифеодалная борьба горожан Каркассона в XII–XIII вв. // СГ. Саратов, 1978. Вып. 5. С. 29–39.

1981

Коммунальное движение в мелких городских центрах средневекового Каркассэ // СГ. Саратов, 1981. Вып. 6. С. 118–120.

1983

Освободительная борьба в Каркассоне XIII века // СГ. Саратов, 1983. Вып. 7. С. 21–36.

1987

Борьба горожан Каркассона против инквизиции в конце XIII века // СГ. Саратов, 1987. Вып. 8. С. 37–46.

1989

Завершающий этап антиинквизиционной борьбы в Каркассоне // СГ. Саратов, 1989. Вып. 9. С. 160–172.

1991

Особенности освободительного движения в мелких городских центрах средневекового Каркассэ (начальный период) // СГ. Саратов, 1991. Вып. 10. С. 20–30¹².

1992

Безье от античности к средневековью // Научные чтения по всеобщей истории, посвящённые памяти академика С. Д. Сказкина (тезисы докладов). Ростов н/Д, 1992. С. 12–15.

1994

Поэзия трубадуров, её исторические корни и содержание // Декада науки. Материалы 57-й научной конференции Саратовского государственного технического университета. Гуманитарный учебно-научный центр (12–19 апреля 1994 г.). Саратов, 1994. Вып. 2. С. 58–62.

1998

Освободительное движение в городах Каркассонского региона (XIII–XIV вв.) // СГ. Саратов, 1998. Вып. 12. С. 154–168.

Возникновение средневекового города Безье // СГ. Саратов, 1998. Вып. 13. С. 163–176.

2000

Освободительное движение в средневековом городе Безье (начальный этап) // СГ. Саратов, 2000. Вып. 14. С. 62–74.

2004

Освободительная борьба горожан Безье на рубеже XII–XIII веков // СГ. Саратов, 2004. Вып. 16. С. 42–53.

Примечания

¹ Вклад М. Е. Беляевой в историческую урбанистику рассматривался в работе М. В. Нестеренко. См.: *Нестеренко М. В. Средневековые города Южной Франции*

- в освещении историков-урбанистов «саратовской школы» // *Новый век : история глазами молодых*. Саратов, 2006. Вып. 3. С. 61–62.
- ² *Стам С. М.* Экономическое и социальное развитие раннего города. Тулуза XI–XIII вв. Саратов, 1969.
- ³ О кандидатских диссертациях Т. М. Негуляевой, В. И. Осипова и М. Е. Карпачёвой счёл необходимым сказать несколько слов «летописец исторического факультета СГУ» Л. А. Дербов. См.: *Дербов Л. А.* Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983. С. 104.
- ⁴ *Стам С. М.* Моя жизнь, учителя, друзья и наука. Саратов, 2009. С. 210.
- ⁵ Там же. С. 213.
- ⁶ См.: *Карпачёва М. Е.* Каркассон от античности к средневековью // *Античный мир и археология*. Саратов, 1972. Вып. 1. С. 108–122.
- ⁷ *Карпачёва М. Е.* Догородские очаги и начало градообразовательного процесса в каркассонском районе в средние века // *Средневековый город*. Саратов, 1974. Вып. 2. С. 53–80.
- ⁸ Как вспоминала сама Маргарита Елисеевна, именно рассмотрение вопроса о догородских очагах получило особенно высокую оценку профессора Г. Л. Курбатова, заведующего кафедрой истории средних веков Ленинградского университета, выступившего в качестве официального оппонента на защите её кандидатской диссертации. См.: *Нестеренко М. В.* Указ. соч. С. 61.
- ⁹ *Сванидзе А. А.* Проблемы истории средневекового города в тематическом межвузовском сборнике // *Средние века*. М., 1982. Вып. 45. С. 318.
- ¹⁰ Ещё в 1988 г. А. Л. Ястребицкая отмечала: «Не являясь, сама по себе, абсолютно новой для медиевистики, проблема малых городов, тем не менее, – проблема именно современного этапа её развития» (*Ястребицкая А. Л.* Малые города как проблема сравнительно-исторического изучения европейского средневекового города // *Средние века*. М., 1988. Вып. 51. С. 61).
- ¹¹ Первые научные работы юбиляра печатались под фамилией *Карпачёва*.
- ¹² Эта и последующие работы публиковались под фамилией *Карпачёва-Беляева*.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бичехвост Александр Фёдорович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и социологии политики Саратовской государственной юридической академии. E-mail: istoriya2@yandex.ru

Буканова Роза Гафаровна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой историографии и источниковедения Башкирского государственного университета. E-mail: brg777.50@mail.ru

Галямичев Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: Galyamichev57@mail.ru

Гуменюк Алексей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: GumenukAA@rambler.ru

Жидченко Александр Владимирович – аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. E-mail: Zhidchenko220689@yandex.ru

Кабытова Надежда Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета. E-mail: kabpetr@samsu.ru

Касаткина Светлана Сергеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Череповецкого государственного университета. E-mail: SvetlanaCH5@rambler.ru

Кашеев Владимир Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: kasceev@mail.ru

Кобозева Зоя Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории Самарского государственного университета. E-mail: zoya_kobozeva@mail.ru

Коновалов Иван Николаевич – доктор исторических наук, профессор, декан гуманитарного факультета Саратовской государственной юридической академии. E-mail: ink@sgar.ru

Креленко Наталия Станиславовна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: krelenkon@mail.ru

Лебедева Анна Алексеевна – аспирант кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: lebedevaannas@mail.ru

Майзлиш Анна Александровна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории Российской академии наук, Москва. E-mail: maizlish@yandex.ru

Майорова Алла Степановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: majorova-as@mail.ru

Маркдорф Наталья Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и гуманитарных дисциплин Международного инновационного университета, Сочи. E-mail: nmmark@mail.ru

Морозова Елена Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: morozovaen@mail.ru

Мосолкина Татьяна Валентиновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: tmosolkina@mail.ru

Мякшев Анатолий Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: myakshev@mail.ru

Нагодкина Светлана Андреевна – аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: nagodkinasvetlana@yandex.ru

Порецкова Елена Алексеевна – аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: pe-a@mail.ru

Рабинович Яков Николаевич – кандидат исторических наук, документовед кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Шенин Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: shenins@yahoo.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bichekhvost Alexander Fedorovich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of History and Sociology of policy chair, Saratov State Law Academy. E-mail: istoriya2@yandex.ru

Bukanova Rosa Gafarovna, Dr. Sc. (Hist.), Professor, Head of the chair of Historiography, Bashkir State University. E-mail: brg777.50@mail.ru

Galyamichev Alexander Nikolaevich, Dr. Sc. (Hist.), Professor, Head of the Medieval History chair, Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: Galyamichev57@mail.ru

Gumenyuk Alexey Anatolyevich, History PhD, Assistant Professor of the chair of Historiography, Regional history and Archaeology, Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: GumenukAA@rambler.ru

Kabytova Nadezda Nikolajevna, Dr. Sc. (Hist.), Professor of Russian History chair, Samara State University. E-mail: kabpetr@samsu.ru

Kasatkina Svetlana Sergeevna, Philosophy PhD, Assistant Professor of the chair of Philosophy, Cherepovets State University. E-mail: SvetlanaCH5@rambler.ru

Kasceev Vladimir Ivanovich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the Ancient History chair, Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: kasceev@mail.ru

Kobozeva Zoya Michaylovna, History PhD, Assistant Professor of Russian History chair, Samara State University. E-mail: zoya_kobozeva@mail.ru

Konovalov Ivan Nikolaevich, Dr. Sc. (Hist.), Professor, Dean of Humanitarian faculty, Saratov State Law Academy. E-mail: ink@sgap.ru

Krelenko Natalia Stanislavovna, D. Sc. (Hist.), Professor, Head of Modern and Contemporary History chair, Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: krelenkon@mail.ru

Lebedeva Anna Alekseevna, Postgraduate student of the Medieval History chair, Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: lebedevaannas@mail.ru

Markdorf Natalja Mikhajlovna, History PhD, Assistant Professor of the chair of Journalism and Humanitarian disciplines, International Innovative University, Sochi. E-mail: nmmark@mail.ru

Mayorova Alla Stepanovna, History PhD, Associate Professor of the History of Russia chair, Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: mayorova-as@mail.ru

Mayzlish Anna Aleksandrovna, History PhD, Researcher in the Department of Western European Medieval and Early Modern Times, Institute of World History of Russian Academy of Sciences. E-mail: maizlish@yandex.ru

Morozova Elena Nikolajevna, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the chair of Contemporary Russian History, Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: morozovaen@mail.ru

Mosolkina Tatyana Valentinovna, Dr. Sc. (Hist.), Professor of Modern and Contemporary History chair, Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: tmosolkina@mail.ru

Myakshv Anatoliy Pavlovich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the chair of Historiography, Regional history and Archaeology, Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: myakshv@mail.ru

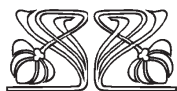
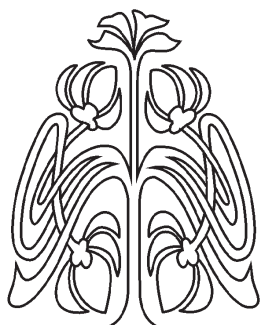
Nagodkina Svetlana Andreevna, Postgraduate student of Modern and Contemporary History chair, Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: nagodkinasvetlana@yandex.ru

Poretskova Elena Alekseevna, Postgraduate student of Modern and Contemporary History chair, Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: pe-a@mail.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich, History PhD, Documentologist of the History of Russia chair, Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Shenin Sergey Yuryevich, Dr. Sc. (Hist.), Professor of the chair of International Relations and Russian Foreign Policy, Institute of History and International Relations of N. G. Chernyshevsky Saratov State University. E-mail: shenins@yahoo.com

Zhidchenko Alexander Vladimirovich, Postgraduate student of the chair of Modern national History and Historiography, F. M. Dostoevsky Omsk State University. E-mail: Zhidchenko220689@yandex.ru

ПРИЛОЖЕНИЯ

Подписка на I полугодие 2013 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018,
раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам
непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: larisachernova@mail.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.